

Вера Лаврина

С Е С Т Р А

ПОВЕСТЬ

Кемерово — 2021

УДК 93 (571.16)
ББК 63.3(2Р-4Том)+63.214(2Р-4Том)
Л16

Л16 Лаврина, Вера. Сестра / В. Лаврина. - Кемерово, 2021. - 200 с.;
цв. вкл. 16 с.

Книга В. Лавриной является мемуарной повестью о безвременно ушедшей сестре Наталье Ситожевской. Она основана на документальных материалах: письмах, дневниках, воспоминаниях родных и близких. Книга охватывает весь период жизни Натальи до последнего дня ухода. Многочисленные свидетельства позволили в подробностях запечатлеть жизнь Натальи и осмыслить её судьбу.

УДК 93 (571.16)
ББК 63.3(2Р-4Том)+63.214(2Р-4Том)

печальная, полная света
сегодня луна
мне показалась сестрой

Наташина жизнь передо мной как на ладони, она исчислена и завершена. Можно посчитать, что Наташа прожила 19826 дней...

Мы были вместе с тех пор, как только стали осознавать себя, и я находилась рядом в последние минуты её земной жизни. Связанная с сестрой кровно и навсегда, я могу свидетельствовать о ней.

Чувство безысходности и непоправимой беды после её ухода стало притупляться тогда, когда я начала делать записи о Наташе, когда смогла это делать. Ни книга, ни эссе, ни воспоминания, а просто записи. Они стали писаться из-за тоски по сестре.

Наташа была какой-то источающей радость частью моего существования. В моём дневнике есть запись от 27.12.1976: «Вчера я плакала от счастья. Я лежала в постели, во мне родилось новое, непонятное чувство, то, которое поэты называли, наверное, «радость бытия». Я чувствовала себя счастливой, оттого что родилась. Я! Оттого что вокруг меня прекрасный мир, что впереди прекрасное, непознанное, таинственное. Счастлива, оттого что есть весна, моя сестра, небо с кудряшками облаков, морозное окно, крепкий душистый чай, запах жареного картофеля, ласковый котенок. Оттого что существует возможность мечтать, думать, влюбляться, любоваться людьми».

Рисунок моей судьбы, несомненно, правился Натальей. Вслед за ней я приехала поступать в Томск в Томский универ-

ситет и влюбилась в этот город. Она приобщила меня к туризму: сначала спелеология, потом были горный туризм, альпинизм. Сестра перезнакомила меня со всеми своими друзьями, и они стали моими тоже. Позднее я поняла, что её детские произведения «Дарья», «Шумный двор», «Одно лето» и другие дали мне неосознанный писательский импульс. Наташа после детства ничего не писала, кроме историй болезни, а я начала писать «произведения» и не могу остановиться до сих пор.

Она была мне не только сестрой, но и сердечной подругой, с которой я могла поделиться своими проблемами и тайнами. Горечь от того, что мне придется часть жизни прожить без сестры, неизбывна.

Женский «пэнский» день

Наташа родилась в 1954 году в Лавровке, где родители работали учителями. Когда ей было семь лет, наша семья переехала в Раздольное. У сестры не сохранилось воспоминаний, связанных с Лавровкой. Но вот друг отца Алексей Романович, приезжавший к папе в гости, очень хорошо запомнил его старшую дочь.

Голоса друзей: Алексей Романович Коротченко

Ей было около года, когда я увидел её впервые. Это был живой обаятельный ребёнок с распахнутыми агатовыми глазами и черными кудряшками. Она сразу очаровала меня доверием к незнакомцу. Протянув ручки и нимало не смущаясь, взобралась с моей помощью на колени и стала нежными пальчиками ощупывать лицо, трогать нос, глаза и уши. Так она искала ласки не только у родителей, но и у проходящих гостей.

Украшением квартиры Поповых были чудесные венские стулья, нарядные и легкие. Они интересовали и Наташу. Ухватившись за край сидения, она толкала стул перед собой и, переступая ножками, училась ходить.

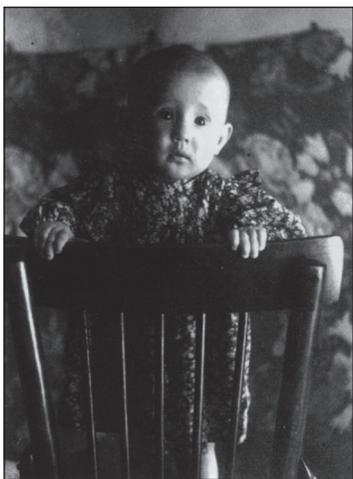
Её общительность и доверие к людям распространялись и на врачей, приходивших лечить или ставить уколы. Они её не пугали, а вызывали интерес. Когда в её реквизите появились куклы, она тоже их старательно лечила: перевязывала раны, делала примочки, ставила уколы и укладывала в постельку. Доминирующими чертами её характера были любознательность и интерес ко всему окружающему. Бывало, уткнется носом в кромку стола и внимательно следит за работой родителей, которые листают книжки или пишут. Уяс-

нив это, она и сама, раздобыв листок, тоже чертит каракули, а позже и рисует.

Любила не только лечить, но и играть в школу. До школы освоила азбуку и счет. А когда пошла в первый класс, училась прилежно, с охотой усваивая школьную науку.

Повзрослев, смуглая черноокая Наташа могла сойти за красавицу южных кавказских кровей. Как и они, отличалась лёгкой походкой, стройностью и ловкостью в движениях, а также приветливостью и общительностью. Когда Леонид начинал расспрашивать о Томске, живо подключалась к беседам и задавала немало вопросов. Влюбленный в Томск, я, не жалея красок, рисовал томское сказочное деревянное зодчество, проспекты, запруженные веселой студенческой молодежью. Целые оды посвящал университету, Научной библиотеке, знаменитой Университетской роще, медицинскому, политехническому институтам. Наташа, как губка, впитывала всё это, хотя больше всего её интересовал мединститут.

Наше детство прошло в Раздольном. Этот затерянный в степи посёлок с невысокими домиками был со всех сторон окружен небом. Оно простиралось от горизонта до горизонта: дневное — безоблачное, сытно-синее или в причудливых облаках и ночное — звездное. В солнечный день



Наташе 7 месяцев.

В солнечный день манящие воздушно-белые облака, плывущие от края и до края земли, благовествовали о счастливой новизне каждого дня. А вечером весь космос с дальними и ближними звездами был как на ладони. Вьюжные зимы наметали сугробы прямо возле дома. Сумерки заставляли нас с сестрой играющими на снежных горках. Синеющие сумерки даже на вкус были чудесными. Мы ложились на снег и смо-

трели в небо. Снег совсем не охлаждал, он становился теплым. Небо быстро чернело, и на нем вспыхивали звезды. В морозную ясную ночь с вышины сияли мириады звезд. Мы часто видели огненные полосы сторающих метеоритов, неторопливо летящие огоньки спутников. Если долго смотрели вверх, вдруг терялась граница между небом и землей: или звезды опускались, или мы возносились к ним и втягивались бездонной звёздной далью. Мы вдруг ощущали себя глядящими в космос из колыбели Земли. А он оживал, радостно мигая нам звездами.

Мамин голос:

— Наташа, Вера, — домой!

Мы неохотно плелись к дому.

Наша маленькая речка Чаглинка была миниатюрным отражением Вселенской реки, как, наверное, любая река. Она текла к нам из каких-то неведомых степных далей и, замысловато петляя, уносила свои небогатые воды к ближним и дальним посёлкам.

Это была нескучная река, вдоль её берегов росли шуршащие на ветру заросли камышей, пестрели мелкими цветами заливные зелёные лужки. Крошечные песчаные косы сменяли обрывистые глинистые берега, в которых ласточки или стрижи делали норки. А в отдаленных от посёлка местах, в тихих заводях среди круглых, как блины, зелёных листьев цвели золотые кувшинки и белоснежные водяные лилии, местная разновидность лотоса — мистического цветка древних цивилизаций. Увидеть лилии или получить один-два цветка от взрослых было большой



Алексей Романович Коротченко,
мама, Вера, Наташа на берегу
Чаглинки. 1963 г.

радостью. Мы вглядывались в красновато-желтую сердцевину цветка, вдыхали его удивительный аромат, сродни запаху утренней влажной свежести, и всерьёз ожидали волшебства.

В жаркие летние дни плескались в парной воде до лихорадки.

Степной пейзаж монотонным не назовешь. Разнообразие придавали ему бесконечно меняющиеся цвет и форму облака, плывущие в манящей близости от земли. И ещё свет — свет солнца, разгорающегося к полудню и ало пламенеющего к вечеру. Но самое поразительное в степи это то, что не нарисуеть, не опишешь, не переместишь, не воспроизведешь и не привезешь в подарок. Это запах. Дух нагретой солнцем степи, настоящий на множестве трав и цветов, пьянит, будоражит, наполняет радостью и витальной силой. Наверное, он пробуждает какие-то глубокие пласты памяти о вольной кочевой жизни древних степняков.

Взрослея, мы потеряли целый континент драгоценных чувств и ощущений, они теперь не подвластны даже самому старательному описанию.

Тогда, в блаженную пору добуквенного и дописьменного существования, мы были ещё связаны незримой пуповиной с таинственной добытийностью, тогда всё было другим: краски — плотнее и ярче, звуки — нежнее. Радость захлёстывала, охватывая целиком всё детское существо до кончиков растрёпанных волос.

Наше безтелевизионное и безкомпьютерное детство подарило нам возможность играть в свои игры и выдумывать собственные миры и увлекательные истории. Застрельщицей в этом была Наташа. Её фантазия и поразительный творческий потенциал детской души красочно расцветили наше детство.

Самой первой и важной игрой была игра в дом. Действительно, ведь человек призван прежде всего устроить на земле свой дом, в котором он и его близкие будут чувствовать себя защищенными, любимыми и любящими. Хорошо, если когда-нибудь

в такой Дом превратится вся наша планета с наличным числом цивилизаций, стран и народов.

Первый домик мы устроили ещё в Лавровке, в скверике возле избушки под раскидистыми кустами акаций. Я запомнила чисто выметенную землю под густыми кронами, почерневшие доски на чурочках — лавочки. И что-то так влекло меня туда и надеяло это отъединенное пространство особенной значимостью.

Потом, уже в Раздольном, мы устраивали домик в уголке сарая. Но появились домашние животные и выселили нас оттуда. Наташа придумала устроить домик на чердаке — таинственном и сказочном месте. Про Карлсона тогда никто и слыхом не слыживал. По шаткой лестнице мы поднимали на чердак старые одеяла, доски. Просили у мамы какую-нибудь посуду. И так у нас в наличии были все составляющие настоящего жилища: постель, стол, домашняя утварь. Рвали высокие стебли полыни и делали из них веники: наш домик должен был содержаться в чистоте. Здесь мы собирались с подругами, вели душевные беседы, играли, делали кукол из подручных материалов, приносили какую-нибудь еду для совместных трапез, с удовольствием обзоредали с высоты окружающий пейзаж. Этакая детская община. Конец общине положил папа. Боясь, что мы проломим потолок, он запретил нам собираться на чердаке. И потом уже игра в домик не заладилась: не находилось никакого укромного места для него.

Из любимых игр — жмурки, вышибала, прятки. Казалось бы, в наших небольших бедно обставленных комнатах невозможно было играть в прятки. Но это не так. Маленькие, мы могли уместиться в самом дальнем углу шкафа за висящей одеждой, на небольшом уголке стола за трельяжем, спрятаться между перин на кровати, залезть в чемодан. Однажды сестра с подругой не могли меня найти в двух комнатах часа два. Зал, спальня и кухня являлись смежными. Мы прятались в зале и спальне. В зале всё легко просматривалось, и прятаться там особо было

негде. Поэтому, заглянув под стол, искатели отправлялись в спальню. Я догадалась встать на подоконник за этажерку в зале. Как только Наташа с Ларисой уходили в спальню, соскакивала с подоконника и убегала на кухню. И когда они уже переворачивали вверх дном всю спальню, радостно подпрыгивая, прибежала из кухни:

— Эля, эля!! Вы меня не нашли!

И так несколько раз.

— Мам, куда она прячется? — пыталась выведать Наташа мой секрет.

— У нее есть порошок невидимый, — не выдавала меня мама.

А уж на улице среди сараев, стогов сена, бочек и заборов попробуй-ка отыщи.

Ещё играли в догоняшки, ножички, классики, в мячик, козла, штандр, магазин, прыгали через скакалочки, крутили хулахуп. Зимой резались в настольные игры. Из любимых: шашки и «Чапаев». Мульттики в нашем детстве появлялись не часто. Иногда их показывали в клубе в киножурналах перед началом фильма. Редкостная, упоительная удача! Но зато в нашем доме в большом количестве были пластинки со сказками. Все они записывались с прекрасным музыкальным оформлением. Папа, не жалея денег, покупал и привозил их нам отовсюду. Эти пластинки были прослушаны нами, думаю, сотни раз: «Кошкин дом», «Чиполлино», «Приключения Незнайки», «Конёк-Горбунок», «Золушка» и так далее. Я бы и сейчас, наверное, узнала старые записи полюбившихся сказок с первых звуков.

Был ещё фильмоскоп и диафильмы. Старые фильмоскопы своим видом были похожи на маленький танк. Воинственно, как дуло, выдвигался вперед объектив. «Готов к борьбе за развлечения и просвещение детей!» — говорил весь их грозный вид. Долгими зимними вечерами мы смотрели диафильмы с гостями или вдвоем с сестрой. Вставляешь диафильм в специальную

1. Эля! — наш детский возглас похвальбы.

«крутилку». Надо правильной стороной вставить, а то картинка будет наоборот и ни одного слова не прочитаешь. «Крутилку» вставляешь в фильмоскоп, гасится свет, всё поглощает темнота, солнечный луч вырывается из объектива, и вот яркие цветные картинки появляются на белой известковой стене — начинается сказка.

Была у нас одна игра, которая, я думаю, досталась детям со времен каменного века — это камешки. Для игры нужно найти пять плоских небольших камешков, одну или две подружки — и игра могла затянуться на часы. Она имела много конов и различных вариаций. Камни разбрасывались на плоской поверхности, потом надо было выбивать один камень другим, как в «Чапаеве», потом они подбрасывались вверх и ловились тыльной стороной ладоней — сначала двумя, потом одной. Постепенно количество камней в игре уменьшалось. Мы, наверное, стали последней генерацией детей, которая играла в эту игру, свою дочь я уже не смогла ею заинтересовать. Да... где камешки, а где компьютерные игры...

На лето мама шила нам одинаковые платья и сарафаны. Сарафаны мастерились по одному и тому же лекалу: узкие лямки, прилегающий лиф и юбка в татьяночку. Я отчетливо помню рисунки на тканях: по белому полю маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках или геометрический бело-синий



Мамины летние сарафанчики

рисунок. Часто нас отправляли на улицу в трусиках и босиком. За летний сезон мы чернели, как головешки, подошвы ног грубели наподобие кирзы и становились неуязвимы ни для стекол, ни для гвоздей, как у йогов. Раз в три дня мама делала нам прически: косы заплетались так туго, что глаза смещались к ушам.

— Терпи, казак, атаманом будешь, — приговаривала она казачью присказку.

Кстати, вспоминаю и другие её присказки. Если какая-то вещь, которая всегда была под рукой, вдруг непостижимым образом пропала, мама искала её, приговаривая: «Черт, черт, поиграй да отдай!»

На осень и весну у нас были ботинки и длинные резиновые сапоги, в них хорошо было месить деревенскую грязь и измерять глубину луж. Зимой, конечно, валенки; они много раз подшивались, отчего делались неуклюжими и смешными, но зато удобными для зимних забав. Вся эта обувь практически не различалась по гендерным признакам

и была преимущественно черного цвета.

У моего гардероба было одно преимущество по сравнению с Наташиным: я добровольно и безо всякого принуждения донашивала за сестрой всё, что она не успела сносить. Поэтому, хоть и плохонькой, но одежды у меня оказывалось больше.

Историю про Наташину шубку и красное пальто, которое мне папа привез из Москвы, я не могу забыть до сих пор. Почему-то тогда наша от-



Мама. Попова Анна Яковлевна

еественная промышленность не предлагала курток никаким категориям населения — только шубы и пальто. И у меня даже есть предположение, почему. Из всех видов курток в ходу была только одна — фуфуйка, или, проще говоря, ватник, — одного фасона на все тридцать миллионов или, может, больше экземпляров, которые выпускались в стране ежегодно. Дешевые и теплые ватники предназначались для простых и грубых работ. А вот пальто или шуба — статусная вещь. Выпусти куртку — кто её купит, она же на ватник похожа. Папа купил мне пальто в Москве, примерив его на случайно подвернувшуюся в магазине восьмилетнюю москвичку. Когда на меня надели обновку, стало ясно, что москвичка оказалась акселераткой: рукава свисали до колен, полы волочились на уровне пяток, внутри пальто можно было запихать ещё две таких же девочки. В нашем втором «А» я была самой маленькой. Нина Кресс, замыкавшая шеренгу на физкультуре, не считалась, потому что все думали, что она лилипутка. Пальто повесили в гардероб и стали ждать, пока я подрасту.

— Ну и хорошо, на несколько лет хватит, — рассудила мама.

Шли годы. Но то ли пальто подрастало вместе со мной, то ли я совсем не росла — я по-прежнему утопала в нём по макушку. Меня вполне устраивала Наташина шубка. Правда, теперь ручки по локоть выглядывали из рукавов. И вот однажды, через год после приобретения пальто, я собралась в кино, набросила изрядно порыжевшую, но такую дорогую моему сердцу шубку. И вдруг папа спрашивает:

— Ты почему пальто не носишь? — наверное, я вызывающе выглядела.

— Оно мне ещё большое.

Видимо, папа был возмущен тем, что прекрасное московское пальто из красного кашемира в рубчик с воротником из золотисто-коричневой овчины висит без толку в гардеробе, а дочь ходит в критически неприличной шубе. Он сурово произнес:

— Надевай пальто, в шубе я тебя не пущу.

Я, понуриив голову, напялила пальто. Рукава безжизненно болтались, вызывая подозрения, что рук в них нет вовсе, полы заканчивались где-то на уровне подошв, под обвисшие плечи можно было подложить по подушке-думочке. И вот в таком клоунском виде я должна идти в кино? Девочка из республики «Шкид». И хотя я уже тогда из всех искусств важнейшим считала кино, ронять свою репутацию перед сельским сообществом ради него не хотела. Я остановилась на пороге и расплакалась. Всё-таки у папы оказался кое-какой вкус, он смилостивился.

— Хорошо, иди в шубе, — сказал он.

Я радостно накинула шубу, которая на мне уже элегантно превращалась в полушубок.

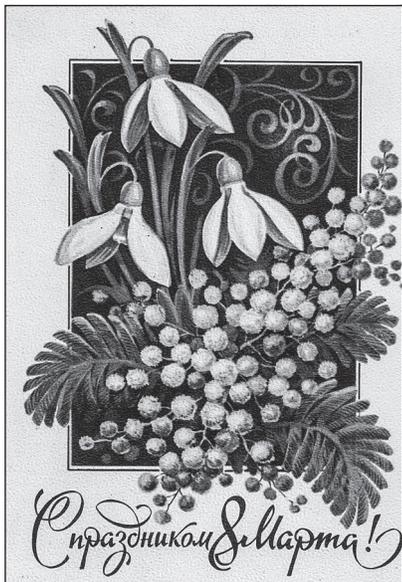
Мама надставила Наташину шубу, чтобы я могла и дальше в ней ходить. Но пальто продолжало-таки угрожающе краснеть в гардеробе. Наконец, к четвёртому классу мама решилась обрезать его согласно моему росту. И как только его обреза-

ли — я стала уверенно расти и к следующему году из него окончательно выросла.

Ещё не владея грамотой, мы с сестрой пытались «читать».

В диафильмах под картинками был текст, который сначала нам читали родители. А когда мы смотрели диафильмы без них, «читали» друг другу — рассказывали всё, что запомнили про эти картинки.

Папа как-то подписал нам с Наташей открытку к Восьмому марта. Читать мы не умели, и мама нам несколько раз



Советская праздничная открытка 1960-х годов.

прочла: «Дорогие дочери, Наташа и Вера, поздравляю вас с Международным женским днём восьмое марта...» Потом мы с Наташей «перечитывали» друг другу эту открытку и так как «международный» не могли ни запомнить, ни произнести, читали так: «Поздравляю вас с женским «пэнским» днём Восьмое марта». Потом мы так и поздравляли друг друга с женским «пэнским» днём.

Так же нередко мы «читали» книги. В доме педагогов детских книг было очень много. Из любимых: народные сказки, «Конёк-горбунок» Петра Ершова, произведения Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Агнии Барто, Сергея Михалкова — в общем, вся советская детская классика. Кроме того, папа много покупал для нас сказок народов мира. Будучи сам библиофилом и книголюбом, он приохотил нас к чтению.

Тогда мы вполне обходились без Гугла, потому что Гуглом нам служил папа. Раньше про таких, как папа, говорили: ходячая энциклопедия. А сейчас как сказать? Ходячий Гугл? Ну при мобильных устройствах и это уже не образно. А можно так: не мозг, а Гугл. Или просто: ну ты Гугл!

Ну вот, мы обращались к нему за разъяснением непонятных слов, с бесчисленными вопросами про то и это. Не помню, чтобы папа чего-нибудь не знал. Потом он сам не стал нам отвечать на вопросы, а отправлял к словарям и энциклопедиям, которые внушительными рядами стояли в высоком шкафу. В словарях рыться не хотелось. Но папа твердо решил приучить нас самих добывать информацию. Только мы к нему с вопросом — он, молча, с улыбкой на шкаф с энциклопедиями кивает: дескать идите, ищите сами.

— Ну пап... — начинаем канючить.

А папа опять кивает. Приучил всё-таки.

Мы любили с сестрой смотреть картинки в Большой советской энциклопедии и в книгах по искусству. Их у отца тоже было много. Кажется, мы как-то комментировали друг другу

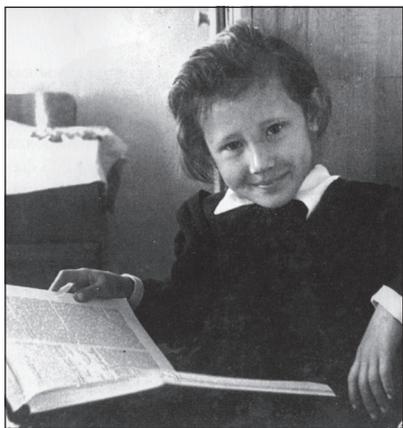
картинки. Точно помню игру: каждая стремилась быстрее закрыть ладошкой понравившуюся картинку и выкрикнуть: «Это моё!» Так мы обозначали свои предпочтения. Часто в пылу деятельности под ладошку попадались какие-нибудь странные или безобразные, с нашей точки зрения, вещи, типа «Похищения дочерей Левкиппа» или «Сатурн, пожирающий своих детей». Это нас очень веселило. Наше детское целомудрие не позволяло нам подробно рассматривать картинки с «обнаженкой», которой в классических живописных произведениях было более чем достаточно. И, если кто-то из нас двоих дольше положенного задерживался на таких картинках, другая говорила:

— Листай быстрее, как тебе не стыдно, бессовестная!

Приучив нас читать, папа потом был вынужден бороться с этой нашей страстью. Мы готовы были читать всегда — за едой, ночью, нарушая строго установленный режим. В одиннадцать вечера все должны были ложиться спать. Мы придумывали разные способы, чтобы обойти этот запрет. Наташа, например, ночами читала с фонариком под одеялом. Уже в Красном Яре у нас была двухуровневая квартира. Когда папа засыпал в соседней спальне, я потихоньку спускалась со второго этажа и читала внизу на кухне. Если сверху начиналось движение —

выключала свет и пережидала. Однажды папа забрал у меня и спрятал книжку, за то, что я читала во время обеда или ужина за столом. Такую книжку! «Консуэло» Жорж Санд. И как раз в самый разгар романтических страстей.

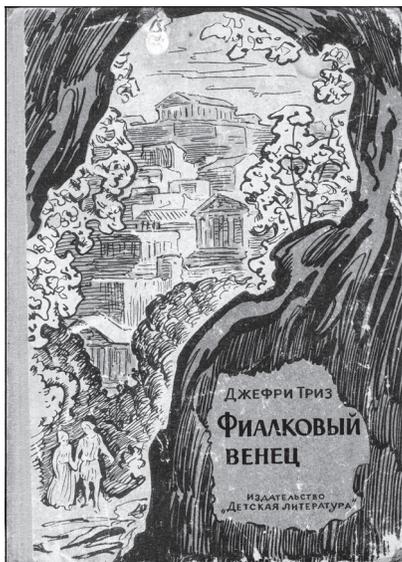
Папа нас не лупил, никогда. Я запомнила лишь одну оплеуху, полученную от него. По моим нынешним представ-



Наташа с томом Большой советской энциклопедии. Раздольное. 1962 г.

лениям, я её заслужила. Он наказывал тем, что ставил в угол, это в сугубо раннем детстве. Его главным педагогическим средством была воспитательная беседа, хотя и не только. Отец обладал таким авторитетом, что его слов было достаточно для нашего разумления. Мы боялись нарушить его требования. Он творчески подходил к наказаниям.

Например, чтобы отбить у нас привычку болтаться поздно вечером на улице, он завел такое правило: в десять часов вечера мы с сестрой должны были быть дома. После десяти дверь закрывалась на крючок. Случалось, заиграешься где-нибудь, заболтаешься с подружками и вдруг с ужасом узнаешь, что роковая черта пройдена. Стрелки двинулись к одиннадцати. Начинались бешеные гонки домой. В голове одна мысль: только бы не закрыл дверь, только бы не закрыл дверь! И вот холодный от страха подбегаешь к двери, осторожно тянешь её на себя — ужас! — она закрыта. Если бы не было страшно остаться на ночь на улице, то мы бы остались. Даже не знаю, что страшнее было: встреча с папой после десяти или бездомная ночь на улице. Вот стоишь перед закрытой дверью с двумя большими страхами. Тихо, как мышка, стучишь в дверь. На стук после десяти дверь всегда открывал папа. Звук его шагов был вызовом на страшный суд. Если папа нас не лупил, чего же мы так боялись? Папиного гнева, его недовольства нами. И потом, могут же педагогические принципы дать осечку. У мамы педагогические принципы осечку давали.



Одна из любимых детских книг
из папиной библиотеки

В небогатые и непритязательные советские времена обходились скромным минимумом вещей. Домашняя мебель была куплена на заре нашего детства и с тех пор не менялась. Её я помню назубок. Две панцирных широких кровати, громоздкий платяной шкаф, овальный стол с трельяжем и несколько скрипучих венских стульев в спальне. Всё детство мы с сестрой спали вместе на одной кровати. Потом появилась детская кроватка для Володи. Два шкафа с книгами, круглый раздвижной стол, легкая этажерка, тоже для книг, и шесть лакированных стульев с обитыми голубым коленкором сиденьями — в зале. Эти стулья поначалу выглядели даже изысканно. Раз в месяц мы отчищали порошком их голубые сиденья и протирали лаковые закругленные спинки. Потом лак облез, коленкор повредился. Но и венские стулья, и голубой коленкор дожили до маминого переезда в Томск в 1992 году. И потом, когда мамину квартиру продали, мебель раздали желающим. Наташа сильно жалела по поводу венских стульев.

— Что же мы не догадались?! — спохватилась она позже. — Надо было их отреставрировать, покрыть лаком и оставить как память о нашем доме, они бы и сейчас очень хорошо смотрелись.

Они смотрелись бы хорошо... И теперь, вспоминая эти отданные случайным людям наши старые венские стулья, я до слёз грущу.

На кухне стояли немудрёные стол, табуретки, сработанные сельскими плотниками. Потом появился буфет с зеркальными стёклами в верхнем шкафчике. Нам он казался верхом роскоши. А позже в доме появились телевизор на ножках и холодильник.

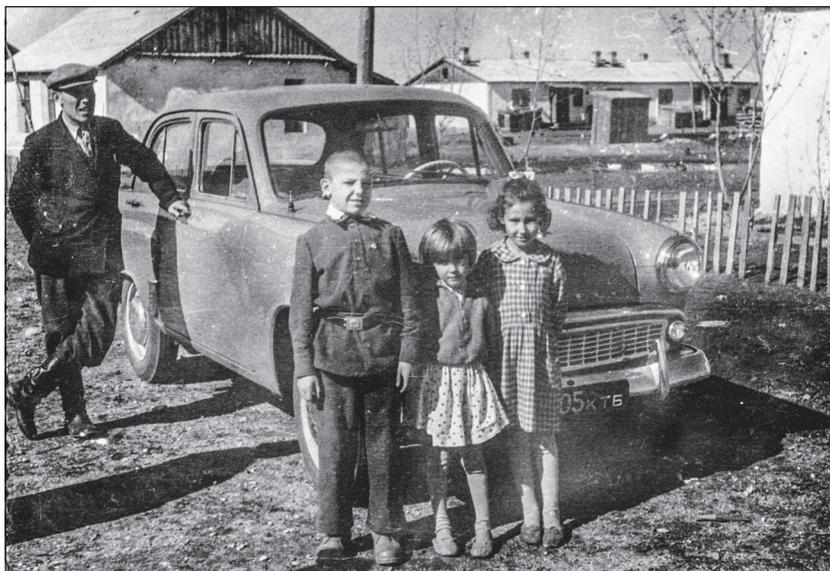
Были и совсем экзотические вещи — аквариум с рыбками, который завел папа. Для нашего маленького посёлка это было в диковинку. Приходили совсем незнакомые люди, в основном дети, посмотреть на маленьких рыбок. Родители всех пускали. Эпизод из фильма «Собачье сердце», когда бабулька пришла

в дом профессора Преображенского посмотреть на «говорящую собачку», живо напомнил мне наш аквариум.

Из вещей родительского дома у нас остались лишь папины книги и мамины одеяла, подушки, постельное бельё, заготовленные ею как приданое для дочерей.

Быт в Раздольном был довольно тяжелым: в доме отсутствовали вода, канализация, центральное отопление. Но у нас с сестрой осталось светлое, лёгкое, комфортное ощущение от этого дома.

Вечером, лёжа в постели, мы рассматривали узоры трещинок на извешковых стенах и потолке, отыскивая среди них знакомые фигуры птиц, людей и деревьев. К утру дом охлаждался. Проснувшись, мы ждали, когда мама растопит печь. Заслышав её ровное гуденье, хватали в охапку одежду и бежали босиком по холодному полу к печи. Печь уже щедро отбрасывала густые красные блики, исходила жаром и приветливо гудела, пощёлкивая поленьями. Греясь то одним, то другим боком возле неё, мы неторопливо одевались, поджидая, когда тепло разольётся



Папа с дочерями и сыном друга. За углом нашего дома виден жилой барак.
Сентябрь, 1962 г.

по всему дому. Летом в солнечные дни я любила сразу после пробуждения выбегать в палисадник к восточной стене дома, которая уже ярко освещалась и прогревалась солнцем. Сидя на корточках и греясь в его лучах, начинала палочкой рисовать на земле каракули, копать ямки или канальчики, выковыривать из земли маленькие красивые камешки.

Большая часть тягот лежала на маме: она и топила печь, и варила, и ухаживала за домашними животными, за огородом. Не сразу я оценила всю ту огромную работу, которую мама делала ради семьи.

Хотя нас рано приобщили к домашним заботам, Наталья проявляла к ним большее усердие и охоту. Нашим делом были уборка в доме, мытьё посуды, помощь на огороде. Кухню мама нам не доверяла, готовила всегда сама. Иногда с небольшими ведёрками мы ходили за водой на водокачку. Сестра пыталась научиться доить корову. Если и говорить о домашних животных, которых мы помнили и любили, — это наша Жданка. Она была ярко-рыжей, по-коровьи изящной, с большими, я бы даже сказала, умными глазами. Когда мы уезжали из Раздольного, её пришлось зарезать. Думали, что она не стельная, а у неё оказался телёночек. Мы видели отрезанную голову Жданки с открытыми, полными ужаса вывороченными глазами. Сестра очень плакала о Жданке.

Когда-нибудь в своих странствиях Наташа попадёт в тенистую берёзовую рощу, окружённую зелёными лугами:

Шелестят ветви берез, их листочки-сердечки трепещут и подрагивают на лёгком ветру. Если лечь на траву и закрыть глаза, то кажется, что где-то неподалёку шумит океан. В его шум вплетается звон мушек, гудение шмелей, шуршание травинок. Плыёт нежный сладкий запах цветущих лугов. Вдруг кто-то влажно касается Наташиной щеки. Она открывает глаза. Грустные большие глаза уставились на неё.

— Жданка! Жданочка? Это ты?! — Наташа сразу узнаёт свою любимицу.

Она обнимает Жданку за шею. Корова поворачивает голову назад, и к ней на тоненьких ножках-спичинках бежит теленочек, такой же рыжий, как и Жданка. Он тыкается бархатной мордочкой в Наташины ладони, нетерпеливо топотит своими чёрными агатовыми копытцами, треплет подол платья...

Уже на склоне лет я осознала, что Наташа была уникальным ребёнком, уникальным по своей одаренности. О написанных Наташей в детстве произведениях я подробно писала в изданной ранее семейной хронике «Так было»². Там же я рассказала о том, какие необыкновенные куклы и кукольные семейства придумывала и мастерила сестра.

Я перебираю детей и взрослых и отмечаю, что не знаю в своем ближнем и дальнем окружении того, кто бы в детстве писал, иллюстрировал и «издавал» книги так, как Наташа. За исключением, может быть, сестёр Бронте. Но это уж совсем дальние. Тогда я это всё очень любила и восхищалась, но оценить уникальность Наташиного дара, конечно, не могла. Не знаю тех, кто бы так плодотворно придумывал новые игры, мастерил кукол из самых невероятных предметов: бутылок, щепок, початков кукурузы, камней. Тогда это было обыденностью детских игр с их спонтанным и бесконечным творчеством.

Вот страничка из Наташиного произведения «Шумный двор, или Барак».

Замечу сразу, что слово «барак» в нашем детстве не несло никакого негативного смысла, как сейчас: временная, полупригодная для проживания убогая постройка, которая к тому же использовалась для концлагерей. Да, это была вытянутая в длину одноэтажная непрезентабельная постройка, в которой проживало несколько семей. В бараках в целинном посёлке, каковым

2. Лаврина В. Л. Так было. — Издательский дом «Д-Принт». Томск. 2008. —300 с.

являлось Раздольное, жили хорошие семьи, они содержались в относительной чистоте. В здании барачного типа находился сельский клуб, где показывали кино и проходили праздники. Это был тип постройки, и только. Итак, начало произведения «Шумный двор, или Барак»:

«Утро. Солнце поднимается, петух кукарекает. Улица просыпается, и в бараке, о котором идет речь, тоже просыпаются люди. В кухнях во всех уже горит свет, мамы варят обед и завтрак. В детских и спальнях завешены окна и темно. Дверь барака закрыта. Видно, что ещё никто из барака не выходил».

Неплохо для одиннадцатилетней девочки.

Произведение открывается анкетой:

Анкета

Издательство: домашнее

Художник: Попова Наташа (ил.)

Режиссёр: Попова Наташа

Название произведения:

Шумный двор (барак)

Издание: 1-е

Начато: 30/X — 65

Кончено —

Роспись: (Наташина подпись)



Иллюстрация к произведению «Шумный двор, или Барак».

Наташа как-то сказала мне: «Хорошо, что я не стала писательницей, а то писала бы всякую ерунду». Она имела в виду свою сентиментальность, думая, видимо, что произведения её

были бы безвкусно чувствительными. Наташу ничего не стоило растрогать. Чуть расчувствуется, и уже слезы в глазах стоят. Во мне её слова произвели странную реакцию, я не была согласна с ней в том, что это хорошо, ведь её дар такой неизгладимый след оставил во мне. Он удивлял и других, соприкоснувшихся с Наташиным творчеством. Скорее всего, тогда, в детстве, как я уже говорила, под впечатлением её произведений завязался невидимый узелок моей писательской судьбы, хотя «писательский зуд» проявился много позже. Если бы она дерзнула стать писательницей!

Мне вспоминаются зимние вечера нашего детства, когда мы пребывали в надёжных ладонях семьи, в колыбели родительской любви, когда ничего не было известно о будущих радостях и скорбях, о тяжёлом разводе родителей, смертельных болезнях.

Жарко топится печь, на ней покойно шипит старый эмалированный зелёный чайник. Горит керосиновая лампа, отбрасывающая на стены причудливые тени. Мама, накинув на плечи пуховую шаль, сидит за столом и проверяет тетрадки. Вот-вот стукнет дверная щеколда — вернётся с работы папа. А мы втроём устроились на полу на расстеленных шубах. Наташа рисует картинку к своей повести «Дарья». Я засыпаю её вопросами о том, что случится с Дарьей на следующей странице, на следующий день. Володя ползает между нами, норовя поближе подобраться к Наташиной повести. Он уже знает, с каким весёлым треском и как легко рвётся клетчатая бумага. Метель сыплет в окна пригоршни снега, зябко трепещут в палисаднике молодые тополя. В стайке Жданка жуёт душистое сено, дремлют на насестах куры. На краю села под ледяным зеркалом спит замёрзшая река. А дальше простираются укутанные снегом степи с редкими перелесками. А дальше, дальше... начинается незнакомый мир, в который нужно будет вступить, когда закончится детство.

Переезд из детства

В отроческие лета Наташа начала писать дневник, в 14 лет. Событием, которое положило этому начало, стал переезд из любимого Раздольного, разлука с подругами, школой. Переезд из Раздольного в Красный Яр явился, по сути, «переездом из детства». В этом дневнике наличествуют все подростковые «страсти»: ревностные отношения с подругами, первые безответные влюбленности, конфликты с родителями, попытки самоанализа и самооценки. И в нём уже есть то, что станет её «фирменным» дневниковым стилем: видение и осуждение своих недостатков и планы по их преодолению, работа над собой.

Наташа, какой мы её знаем — добрая, открытая, внимательная к людям, горячо отзывчивая на помощь и поддержку — не родилась такой. Думаю, она такой себя сделала. В её первом дневнике она не размышляет о своём отношении к людям. Скорее, её интересует то, как к ней относятся близкие. И лишь в конце, недовольная собой, своей учёбой, начнёт себя ругать и строить планы по преодолению «грехов».

Первый дневник сестры — общая тетрадь в 48 листов в клеточку; на обложке шариковой ручкой Наташа нарисовала водяную лилию. На обратной стороне обложки стоит дата — 19 августа 1969 года (дневнику больше полусотни лет — полстолетия! Уже раритет). Эту и ещё две тетрадки ранних дневников Наташи за 1976—1977, 1980—1984 годы обнаружили уже спустя семь лет после её ухода среди книг и старых историй болезни. Наташа вела дневник до 2007 года — 38 лет с небольшими перерывами. За последние два года записей нет, хотя осталось 6 чистых ли-

сточков. Некоторые студенческие дневники она потеряла, о чем с сожалением написала позже.

Итак, первая запись начинается с горестного для сестры известия.

«Роковой день — 21 августа 1969 г.

В этот день я узнала, только сейчас, что мы уезжаем из Раздольного. < > Вот мама сказала: «Разве не одинаково? И там класс, и там подруги».

Нет, нет! Никогда! Милый Раздольный! Милый! Милый! Милый!»

Уже приходили смотреть наш дом, уже Наташа думает о незнакомой девочке, которая будет жить в нашей комнате вместо неё, о том, что после переезда она больше не сможет зайти сюда: «О, как хорошо сейчас в августе в нашем огороде. Этот наш дом, этот наш огород надо запомнить на всю жизнь. <...> Уехали 10 сентября. Пустые комнаты, <отрезанная> голова Жданки. Локон Ларисы. Последний день в школе. Ревела, как корова. Я сбегала со ступенек родной школы с полными слёз глазами, ничего не разбирая, перемахнула через заборчик и побежала, задыхаясь от плача и бега».



Обложка первого Наташиного дневника. 1969 г.

Собираясь, Наташа складывает в чемодан дорогие вещи: локон подруги, Таниного козлика на трёх ногах, книжку МК (Коли Мазур?).

Ещё не уехав из Раздольного, мечтает о приезде туда в гости: купит конфет, какой-нибудь подарок. Она уже решила, в каком наряде поедет в Раздольный.

Сквозная тема этого отроческого дневника — дружба,

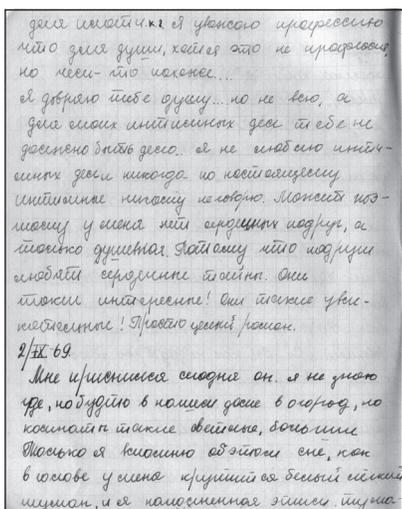
отношения с подругами. Наташа пишет не только о переменчивых отношениях со своей любимой подругой Ларисой Тиссен, но и о моей дружбе с Луизой Алексеевой, Леной Якубовой. Наташа с обидой замечает: «И вообще Луиза гораздо нежнее к Лене, чем к Вере».

«Луиза. Почему мы, две сестры, такие несчастные в дружбе с девочками? Почему? Надо подумать». Наташа нашла ответ на этот вопрос. В строках, обращенных к Ларисе, она пишет: «Я доверяю тебе душу, но не всю, а до моих интимных дел тебе не должно быть дела. Я не люблю интимных дел и никогда никому о них не говорю. Может, поэтому у меня нет сердечных подруг, а только — душевная. Потому что подруги любят сердечные тайны. Они такие интересные! Они такие увлекательные. Просто целый роман».

Сестра часто пытливо всматривается в своих одноклассников, подруг, сестёр, стараясь «разгадать человеческие души». Несколько страниц дневника Наташа посвятила своей любимой двоюродной сестре Гале Поповой. Она восхищается её женственностью, даже называет «святой», ревнует к подруге Любе. «Обе

они очень привлекательные, умные, а я со своим постным лицом и монашескими выходками отпугиваю...» Наташа представляет, как она пойдёт на Малую сопку в Аиртаве и выбьет на камне слова: «Гаяля и Наташа. 1 мая 1970 г.»

В свой день рождения сестра записывает: «27 августа (1969 г.) у меня был День рождения. Мне исполнилось



Страница из Наташиного дневника

15 лет. Меня никто не поздравил. Я им напомнила через два дня».

Пятнадцать лет — возраст первых влюблённостей, в дневнике сестры им посвящены многие страницы. Она пишет о симпатии к какому-то мальчику, но даже имя его остаётся неизвестным. Возможно, это одноклассник Мазур Коля. Он — красавчик, Дон Жуан, «опытный», который уже целовался с девочками. «А я — дурнушка. Между нами ничего общего».

«Мне приснился сегодня он. Я не знаю где, как будто в нашем доме, но комнаты такие светлые, большие. Только я вспоминаю об этом сне, как в голове у меня кружится белый лёгкий туман, и я, напоённая этим туманом, лечу... лечу...»

Встречается ещё паренёк по прозвищу Фитиль из Раздольного, о котором с симпатией и воздыханиями пишет Наташа. Но, так как она даже в своём дневнике не называет его имени, разобраться до конца с её сердечными привязанностями я не смогла.

Уже в Красном Яре у неё появляются новые симпатии. И совсем неожиданными для меня были признания, в которых Наташа любит мальчишеской фигурой, одеждой: «Почему мужская фигура такая стройная, статная? Шапка-ушанка, прямое зимнее пальто, брюки, ботинки — и так красиво, просто. < > Ах! Как бы я хотела родиться мальчишкой!»

Подружки «дружат», «ходят с парнями». Наташа грустит: «Одна я ещё ни с кем не дружила, не ходила, не целовалась. Мне ещё ни один мальчишка не говорил, что я нравлюсь ему, что он хочет со мной дружить. Наверное, нужно какое-то специальное женское обаяние, которого у меня нет. Зуева Таня говорит, что я неприступна. Как бы я хотела узнать, правда это или нет? Ну вот, от сердца у меня отлегло, настроение проясняется».

Влюбившись в мальчишку в Красном Яре и увидев его с другой, она с яростью пишет: «Опять безответная любовь? Хватит с меня безответной любви! Я хочу ответной! А где она? Хоть бы захудалый какой-нибудь выискался. Так нет же... Наверное, так

приятно быть любимой. Знать, что о тебе сейчас думают, что тебя ждут каждую минуту. Ну почему я такая несчастная? Неудачница? Сильно гордая, неприступная, сильно скромничаю? Нет, не то. А что? Что?!!!»

Честно говоря, я забыла о каких-то острых, конфликтных отношениях с сестрой в детстве и отрочестве. Мне они казались безоблачными. Но, оказывается, мы с ней ругались и даже дрались!

Я встретила в дневнике интересный фрагмент: это наша переписка с ней. Наташа была ранимым подростком и серьёзно относилась ко всякого рода глупым и задиристым высказываниям, которые в запале могли исходить в том числе и от меня, преувеличивала их, принимая близко к сердцу.

15.03.1970 «Сейчас Верка меня ужасно обидела. «Не старайся быть умной, когда ты дура». Сколько раз она мне говорит об этом. Ну нужно хотя бы для такта соблюдать приличия. Она жестока, считает себя выше всех, я слышала, как она разговаривает с подругами. Считает меня круглой душой, а себя очень умной и со множеством других достоинств, которых нет ни у меня, ни у кого других. Она всегда такая, никогда её не вызовешь на откровенный разговор, не узнаешь её душу, и это она считает тоже достоинством. Для чего она живёт, для кого, если она думает только о себе и занята только собой? А зачем тогда жить?»

Наташа решает дать мне прочесть эти её записи: «Пусть знает, что я о ней думаю. Хотя, может быть, это её внешняя оболочка, которой она прикрывается, а внутри идёт жизнь умственная, бурная, как у меня. Но, наверное, наши мысли совсем противоположные <...>. Неужели правда, правда она считает меня коровой! О чём речь? Нет сомнений».

Наташа даёт мне прочесть её дневник и эти строки, касающиеся меня. И вот я в её дневнике неуклюжим стилем записываю ответ, покаянный, но при этом с попытками ответной атаки.

«Наташа, это не тактично, так отзываться о человеке, при том, которого ты хорошо знаешь. Мы живём вместе 13 лет и не можем понять, узнать друг друга. Ты правильно сказала, я эгоистка, но ты не знаешь о том, что я заставляю себя от одного поступка к другому вырабатывать в себе хорошие чувства. Ты ошиблась, когда сказала, что считаю тебя дурой.

Всё, что я писала, это так.

P. S. Мне очень трудно бороться с собой, и мне ещё в редких случаях удаётся побеждать себя. И иногда это тоже моя слабость. Когда ты вот что-нибудь делаешь, после непринуждённо отмахиваешься словами, я не могу тебе ничего сказать и говорю что-нибудь обидное из-за злости».

Сестра мне отвечает уже мягче: «Разве, Вера, тебя узнаешь с твоим-то характером! Такая замкнутая, задумчивая. И ты ведь знаешь, что я всё принимаю всерьёз. А то, что ты написала насчёт дуры — это правда, тебя кольнули мои упрёки о такте или ты просто пожалела меня? А я ведь так не люблю жалостей. А из этого всего выходит, что я, наоборот, хотела сейчас, чтобы меня пожалели. Зачем я тогда дала тебе дневник прочесть?»

Наташа считала, что ей не повезло с наследственностью: «Во мне слились все отрицательные черты родителей, а в Вере — все положительные, хорошие. Надо что-то делать». Вообще-то она не права: ей достались мамины кудри, а мне — ни одной «кудринки». И потом, анализируя мой характер и поступки, она сама вскрыла мои отрицательные черты.

Конечно, и после в студенчестве наши отношения, как любые родственные, не были безоблачными. Уже в студенческом дневнике сестра пишет: «Зашла к Вере в научку. Тогда мне показалось, что мы вовсе не сёстры, а двое чужих людей. Как-то не то... не то... Я была подавлена экзаменом, рабочей ночью, не удовлетворена результатом сессии. Она была довольна всем. Она сдавала сессию на «отлично». Верка очень умна. Глубоко не уважает меня. Она видит, знает и чувствует, что я глупа.

А она, как и отец, уважает только ум. Расстались мы с ней холодно. Как, интересно, у нас сложатся отношения, когда мы будем взрослыми?» (1976 год). Жаль, что Наташа не чувствовала того, что я всегда ценила её доброту и сердечность. Наверное, я сама в этом виновата. Тогда Наташа с друзьями самозабвенно ездили по пещерам, выезжали на скалы. Я же больше сосредотачивалась на учёбе и не понимала, зачем по три раза в месяц мотаться в карстовые полости. Ощущения жгучей романтики и туристического братства созрели чуть позже.

А вот ещё одна запись в студенческом дневнике сестры от 8 апреля 1977 года, которая свидетельствует о том, что в годы учёбы в Томске и мимолётные отчуждения и другие нестроения не прерывали нашей сестринской связи.

«Первый раз поссорились с Верой. Правда, ума хватило всё заглядеть. Совсем забыла её. Но могу оправдаться: было отвратительное настроение. <...> Хочу Вере связать шапочку на весну, но когда? Конференция, а потом и носить её не надо будет — тепло. И надо купить ей зимние тёплые варежки. Но на что? 50 р. долга. Раньше бы бросила конференцию, но связала. Ещё бы заняла пятёрку на варежки и купила». Хоть Наташа и не связала мне шапку, зато подарила красивое платье и прекрасную павловопосадскую шаль.

Наташин первый студенческий дневник заканчивается странными словами: «Моя милая Веруська! Чувствую себя чем-то обязанной перед ней...» (1 мая 1977).

В подростковом дневнике Наташи содержится единственный в своём роде пассаж на политическую тему, в последующих записях сестра ни в малейшей степени не касалась её. Эти размышления 14-летней девочки не могут не вызвать улыбку, но они интересны тем, что отнюдь не отражают официальную точку зрения, которая вбивалась в головы советскими СМИ, в них, скорее прорываются народные оценки и настроения и какие-то Наташины представления. Итак:

«Сейчас в мою (умную) голову пришли мысли о политике. Когда наша страна была могучей? В 10—11 веке, когда ходили на Царь-град. При Петре Первом она не успела стать могучей. Сейчас? Да. Но много недоделок и недомолвок. А нам пока кукиш показывают. И теперь сильные, крепкие наступают нам на пятки. А если мы от них отстанем, будут они нам помогать? Все не допускают мысли, что они перегонят нас. Посмотрим! Перегонят, а мы будем смотреть на их зады. И ведь в русскую мужицкую голову так туго заходит новое, передовое, всё за старенькое держимся. И на царей и правителей очень везёт или совсем нет. Ярослав Мудрый, Пётр Первый, Ленин. Но Ленина я не променяла бы на всех президентов, правителей, царей, лишь бы управлял, советовал. Зачем он так рано умер?! А на какого чёрта сидел Хрущёв? Дарил подарки, а мы голодали! Целыми вагонами, пароходами увозил за океан. Лучше уж Брежнев (кажется, смысленый мужик), но его надо понять. А я поняла кого-нибудь? Я думаю, всё не работало в полную



Наташе 15 лет. Красный Яр

мощность. А сколько бы мы сделали за эти годы, пока он разъезжал по всему миру то один, то с жёнкой. Почему задержалось освоение космоса? Зачем Хрущёв деньги поменял, сделал реформу? Растратился! А что сказал бы Брежнев, прочитав всю эту чушь? Наверное, заругался бы, ещё похлеще, чем я здесь, несмотря на своё воспитание. Во мне сегодня всё кипит злобой». Это запись от 22 сентября 1969 года.

Воспоминания о Раздольном, тоска по подруге пронизывает весь её отроческий дневник. Она рвётся туда всей душой.

На Новый год 31 декабря 1969 года Наташа уезжает в Раздольный — долгожданная поездка. Там она проведёт четыре счастливых и волнующих дня. Восемь страниц дневника посвящены описаниям этой поездки. Хождение по гостям, разговоры с любимой подругой все ночи напролёт, случайные встречи с мальчишками, которые нравились, но не обращали на Наташу внимания, походы в кино, первый бокал вина, первые взрослые танцы в клубе, первая пощёчина наглому мальчишке — всё это уместят четыре незабываемых дня.

В следующий раз ей удастся съездить в Раздольный через три месяца.

«Была в Раздольном. Только сейчас избавилась от такого настроения, что каждую минуту навёртываются слёзы». И Наташа опять подробно описывает своё пребывание там. Самое трогательное в её описаниях — это взаимоотношение с подругой.

«Наши с Ларисой ночи. Это самое моё дорогое воспоминание о Раздольном, о Ларисе. Стихи... обо мне. Да такие нежные, тёплые, дружеские, милые и красивые. Вот уже не думала, что когда-нибудь кто-нибудь будет писать обо мне и мне стихи... А ведь это делает мой самый лучший друг — Ларочка ... Как это прекрасно, хорошо, что о тебе думает друг, который раньше не очень-то дорожил мной. Но как Лариса всё это переживает! У неё, прямо можно сказать, душа поэта. Неуравновешенная, нежная, скромная. Но чем же я буду отплачивать за её добро?



Наташа с подругой Ларисой Тиссен и собакой Спутником.

Я думаю, тем, что у меня сейчас в избытке: любовь. Любить, любить. И чтоб любить и дружить всю жизнь, не запачкав, не уронив, не потеряв. А ведь тогда, ночью, я побоялась дать эту клятву. Вдруг я её не выполню? Что она подумала, милая? Но я права, не надо давать эту клятву».

Переписка с Ларисой будет продолжаться много лет. Я не знаю, где сейчас Ларочка Тиссен. Скорее всего, в Германии.

Несмотря на столь горестное переживание переезда из Раздольного, сестра быстро привыкает к новой школе и одноклассникам. О первом дне в Красноярской школе она пишет: «Я почему-то совсем не боялась, когда в первый раз шла в школу «новенькой», вышло как-то просто. Много нарисовала...»

Но Новый 1970 год на школьном вечере она встретила невестело. 29.12. 1969: «Сегодня целый день сидела и делала костюм «Химии». Сделала... Пошла на вечер. Было так грустно! И, как

всегда, устала. Переоделась дома и снова пришла. Мой новогодний наряд казался таким жалким по сравнению с другими. И так грустно мне было на вечере <...> А я здесь такая жалкая».

Наташу всё больше беспокоит учёба. Январь 1969 года: «Учусь я всё хуже и хуже. Одну тройку исправлю, вторую поллучу. Уже не думаю, как бы пятёрку больше, а как бы от троек избавиться. А ещё мечтаю в институт поступать. < > Что обо мне думают все?»

7.01.1970: «Сейчас был разговор. Говорила вся наша семья. Я сказала, что мне скучно. Если бы я была откровенна, мне кажется, была бы буря. Мне кажется, что со мною все что-то не договаривают. Особенно острые отношения с мамой. Она на меня злая. Платит тем же, что и я ей. Папа считает, что я бессильная, зазнайка, считаю себя умной. Здесь больше половины правда. Да, я сейчас бессильная, пассивная. Но никогда, никогда я не считала себя умной. Я дура, дура, дура. А ведь я и правда зазнайка. Чем-то веет от меня напыщенным. <...> Теперь второе. Почему я злая? Наверное, потому, что у меня ничего не удаётся. Меня ни во что не ставят. <...> Моя пассивность объясняется

очень просто: мне лень. Давно, давно пора кончать с этим. Учиться надо хорошо и добросовестно. Убираться тоже. У нас такая грязь стала!

Оттого у меня серенькая жизнь!

Итог. Обязательно составить расписание дня, режим».

В третьей четверти девятого класса Наташа совсем съехала по учёбе, она пишет в отчаянии: «Уроки! Уроки! Уроки! Что со мной! Ведь со-



Во дворе нашего дома с Шоканом
Жумабаевым

всем не стала учиться. Боже! Мне страшно! Что будет?! О, мама! И даже не тянет! Ой, ой, ой!

Гадкая, противная девчонка, безвольная нюня! Сейчас же, паразитка, кончай мазню и садись, садись учи, дура! Надо браться за себя».

И сестра принимает обязательства, оформляя их в виде таблицы:

«Обязательства, принимаемые на IV четверть 9 класса

По режиму дня — как всю первую четверть.
Систематически учить, учить уроки.
И каждый день, ровно в 11 часов, отчитываться за проведённый день в дневнике.
Иметь отличный внешний вид.
Быть вежливой.
Во все дни, кроме субботы, убираться не позже 4-х часов дня
Добросовестно учить уроки.

(Про уроки — дважды, потому что это очень важно — *В. Л.*) Пусть две в этой четверти, в четвёртой — ни одной тройки. Смотри, Наташка, гадина этакая! Гори, а не копти белый свет».

Наташин дневник любопытен опытами первого критического самоанализа: «У меня в теле сидят две души. Одна Хорошая, другая Плохая. Но Плохая сильнее, намного сильнее. Она меня развинчивает всю, никогда не вскрывает недостатки и только хвалит, возвышает над другими: ты лучше всех, ты умнее всех. Особенно ей важно, что я умная. Хорошая душа слабенькая, но всё равно сильно тревожит Плохую. Хорошая в сознании бессилия иногда владеет не только мыслями, но и языком, в истерике орёт на Плохую: «Замолчи, дура! Замолчи!» Вот и сейчас Плохая льстиво шепчет: «Ну вот, видишь, ты всё же лучше других, сумела вскрыть свои недостатки». А Хорошая на неё: «Зат-

книшь! Хорошие [души] и глубже вскрывают и стараются исправить свои недостатки, а ты вскрыла кое-как и возносишь выше звёзд и луны». Я бессильна». Как интересно! Наташа приблизилась прямо-таки к святоотеческому пониманию жизни души в её мучительной диалектике между грехом и благочестием. Через несколько дней она приписывает к этому: «Прочитала кое-что, и стало тошно. Такая чушь! Даже Плохая [душа] согласилась. Наверное, брошу вести дневник, если он ничего не выражает».

27.02.1970: «Дальше так жить невозможно».

Но в итоге Наташа примиряется с дневником, дружески прощаясь с ним. На последней страничке запись: «Всё... Кончила мой самый первый настоящий дневник, в котором чуть-чуть есть моих мыслей. Сегодня 1 апреля 1970 г.»

Мы планировали эту поездку давно, с 2005. Списывались и созванивались с двоюродными сестрами и братьями по всей стране, и даже с теми, кто жил в Германии. План был такой: приехать в Кокчетав, встретиться, побыть на могиле отца. Мы и задумывали эту поездку как мемориальную. 8 июля 2009 год — годовщина смерти отца, 25 лет, как он ушел из жизни. Потом всем вместе поехать в Аиртав, там на кладбище лежат все наши бабушки, дедушки. Потом день-два пожить всем вместе на озере Аиртав, в чудесных сосновых борах. Такой слет сестер и братьев. Маршрут следования Томск — Кокчетав выбрали по интернету. Предлагалось ехать через Новосибирск, Павлодар, Ерментау. Расстояние по трассе — 1280 километров.

5 июля к дому Ситожевских на ул. Лесной в шесть утра подъехал Володя.

Наташа после душа не успела досушить волосы.

— Когда поедет, высунешься из машины и досушишь, — пошутила я.

Свой халатик она второпях бросила на кровать. Когда мы вернулись, всего лишь через четыре дня, а по сути, из другой

жизни, он так и лежал в их спальне на кровати. Лёша долго не решался его трогать. Долгое время он не мог спать в спальне на их общей кровати.

Выехали из Томска пятого июля рано утром на Володином РАФе. Нас было четверо: Наташа с мужем Алексеем, я и брат Володя. Мы планировали добраться до Кокчетова за сутки, без ночевки.

Последний месяц предвкушали эту поездку: встречи с родственниками — их у нас там очень много, — с подругой. Собирались пожить на озере в Аиртаве, в Чалкаре. Взяли с собой палатки, спальники, котелки.

Серо-голубые бриджи, спортивная клетчатая сорочка, новые коричневые сандалии — так была одета Наташа в этот день.

— На рынке, на Дзержинке купила за 600 рублей, — хвасталась Наташа своими сандалиями.

— Хорошие, мне нравятся.

— Хочешь такие купить? Я покажу тебе где.

— Нет, Наташ, спасибо, я ещё не доносила свои. Ничего себе! Дочь покупает босоножки за четыре тысячи, а мать за 600 рублей! — возмутилась я. При мне Анечка договаривалась с отцом о покупке дорогих босоножек.

— Правильно, — улыбнулся Лёша. — Так поступает настоящая жена, она должна быть экономной.

Он обнял Наташу за плечи. Лёша часто так делал.

Примерно в то же время из Каменск-Уральска с женой выехал наш двоюродный брат Сергей.

Стояла чудесная солнечная погода. Беспokoило только предстоящее прохождение таможи на российско-казахстанской границе. Когда мы ездили в Казахстан в 2002 году, нас продержали на таможне более 4 часов, вынудив всё-таки заплатить деньги за пересечение границы. В этот раз всё получилось удивительно легко. В багажнике лежало несколько упаковок книг «Так было». И, когда таможенник строго спросил: «Что это такое?» — я выскочила из машины и, мобилизовав всё свое небогатое обая-

ние, стала рассказывать ему, что, мол, я писательница, эту книгу написала о своей малой Родине, о Казахстане, где мы проживали ранее в Кокчетавской области. Мы едем на Родину и везем родственникам эту долгожданную книгу. Я её с радостью подарю ему, и даже с автографом. Этот напор возымел действие. Таможенник быстро пропустил нас. Мы вздохнули с облегчением.

Остановились пообедать в пригороде Павлодара. Когда направились к придорожному кафе, Наташа взяла Лёшу за руку, в последний раз. В дорогу купили плитку шоколада. Она так и осталась лежать в кармане переднего кресла. Рядом прицепленные за дужку висели Наташины очки.

К вечеру уже достигли казахстанских мелкосопочных степей. Этот последний пейзаж, который видела Наташа, был знаком ей с детства: бескрайние степи с возвышающимися то там, то здесь невысокими сопками. Закат был фантастически красивым: высокое степное небо, загадочные огни под небом на дальних сопках. На горизонте синели облака, как будто там собиралась гроза. Вспыхивали зарницы. Открывающая с высоты панорама позволяла ощутить округлость земли, её космический масштаб. На западе разлились багровые полосы заката. И, когда они разгорались и когда стали гаснуть, что-то грозное появилось в окружающем пейзаже. В этот миг меня пронзила тоскливая мысль: стоит ли ради поездки так рисковать, ведь всё что угодно может случиться. Не зря ли мы отправились в поездку? И тут же: «Да перестань! Миллионы людей туда-сюда ездят, мотаются на автомобилях, мотоциклах, велосипедах, пешком по всему свету, на лодках по океанам плавают. Ещё и детей за собой таскают. И ничего с ними не происходит. Всё будет благополучно, это важное путешествие в память об отце, а если цель благая, то нас защитят Небесные силы, ничего страшного не произойдет».

В эту ночь было полнолуние. Но прежде чем взошла луна, на степь опустилась непроглядная тьма.

«Я мало думала о себе»

После окончания школы в 1971 году Наташа уехала поступать в Томский мединститут. Как уже говорилось, она приняла решение стать врачом ещё в детстве и шаг за шагом осуществляла свою мечту. Первый год она не поступила. Осталась в Томске, работала санитаркой в факультетских клиниках и изо всех сил готовилась к вступительным экзаменам. У меня сохранилось девять писем Наташи, из них одно Володе, одно маме. Два из них касается как раз этого периода.

Без конверта и числа. Скорее всего, это осень 1971 года. Я учусь в девятом классе.

Здравствуй, Веруня.

Работала сегодня с 8 утра до 8 вечера. Завтра опять мне идти на смену, вставать в 7 часов и заводиться на целый день.

Пишешь, что почти уверена, что первый год не поступишь. Не надо сразу так себя настраивать. Если настроишь, что не поступишь, то и не поступишь. Точно такая же история произошла со мной. Другое дело, если ты не выберешь ещё себе специальность по душе. Но ты думай, думай. Лучше запоздать с решением, чем ошибиться на всю жизнь.

Очень рада, что ты хочешь строить коммунизм и быть в самой середине жизни. У меня мысли попроще. Я буду лечить людей, по возможности буду возвращать радость, здоровье, избавлять от страданий. Я окажусь в гуще человеческих страстей. Ведь самые трудные люди — больные. Их надо и ободрить, и вылечить. Иногда сама уверенность в выздоровлении вылечивает, а неуверенность губит. А, если разобраться, я тоже буду строить коммунизм. И, если буду хорошим врачом, очень много сделаю для людей.

Моя профессия будущая и настоящая благодарная. Благодарность я получаю сразу же и в глаза. Но сколько для этого надо будет трудиться, сколько потратить сил, энергии, сколько выдержки. А сколько будет неудач и ошибок, за которые надо будет жестоко расплачиваться...

Кстати, сейчас у меня не вызывает иронии признание в желании строить коммунизм. В этом проявлялся своеобразно порыв к высокому служению, самому-самому главному. Хотя в комсомол мне особенно не хотелось, вернее вовсе не хотелось. Вступила, потому что в институт надо было поступать.

В одном из писем, узнав, что я стала комсомолкой, Наташа написала: «Поздравляю тебя с более высокой степенью партийности: теперь ты комсомолка. Мне в таких случаях всегда казалось, что я стану после этого другим человеком. И начинала себя перевоспитывать».

Письмо от 22 января 1972 года, Наташа уже полгода в Томске.

Здравствуй, милая моя Верусенька!

Сегодня прихожу с работы, а мне два письма! От мамы и от тебя. Твои письма я вообще читаю с большим удовольствием, и поэтому была очень рада.

Письма я отправила 27 декабря, думала, за 4 дня дойдут, ан нет, не по-моему вышло. У нас тоже очень плохая погода. Мороз — выше 40 градусов. Грипп у меня был легкий, перенесла на ногах. Поздравляю вас, Вера и Володя, с успешным окончанием четверти. Но Витя, дяди Лёнин сын, во второй четверти отличник. Вера, не отставай, догоняй!

Веруся, у нас день встречи с выпускниками был 6-го февраля. Будет ли в этом году? И когда? Опиши мне, как он прошел, лучше или хуже, чем в прошлом году? Да, почерк у тебя существенно изменился. Теперь ты очень следишь за почерком, а за оборотами речи меньше. Но, думаю, что со временем все войдет в свою колею.

Спрашиваешь, что я тебе могу посоветовать в выборе профессии? Только одно: не торопись! Думай, думай. Всё это, конечно, слова и только. А вот чем я могу помочь тебе существенно, не словом, а делом? Будешь учиться в десятом классе, а я буду учиться



Наташа в гостях у А. Р. Коротченко. Томск, Новостройка

на первом курсе мединститута. И ты приедешь ко мне на каникулы. Я покажу тебе мединститут и в белом халате, и в черном, сверху донизу, покажу и санитарскую работу. Не буду стараться всё залить розовой краской. Увидишь всё, даже анатомку (я, между прочим, была только в анатомическом музее). Подумай, времени у тебя ещё целый год. Если захочешь — милости прошу.

Вера, работает ли в школе Фахат Миниханович и Юрий..., вот склероз, забыла, как величать! Ну ты меня поняла.

Новый год я встречала у дяди Лёни. Приехала я к ним часиков в 8 вечера 31-го. Дяди Лёни и тётки Вали не было. Мы встречали Новый год втроем: Саня, Витя и я. Перед самым Новым годом, минут без 15 двенадцать, Витя самостоятельно изобрел и синтезировал коктейль. Мы налили его в бутылку из-под шампанского и пили. После, уже в 1972 году, пошли на каток. Но был сильный мороз, и мы вскоре вернулись обратно. Спать легли в четыре утра. Проснулись к обеду. Сварили обед, убрались, и тут приехали дядя Лёня и тётка Валя. На следующий день вечером я уехала обратно в Томск.

Веруся, напиши, нужно ли тебе трико. Если надо, здесь появилось, я куплю и вышлю тебе.

Что мама пишет насчет какого-то чувства к Кольке? Что за чепуха! Он мне даже не нравится. Как проходят школьные вечера? Интересно? Скучно? Дружит ли Валя Щепак с Сашей? Передавай мой теплый привет бабушке Щепачке. Что нового дома? Чувствуется ли дома мое полугодовое отсутствие, или вы уже привыкли? Ты не на все мои вопросы отвечаешь. Как дела в школе у тебя, Володи и у Саши? Как здоровье отца, матери? Кого ты часто видишь из нашего класса?

Ну вот вроде и всё. До свидания! 22.01.1972

На следующий день пишет короткое письмо Володе:

Здравствуй, Володенька!

Получила я твое письмо, за которое большое спасибо.

Молодец, Володя, что ты отличник, продолжай и дальше в таком же духе. Что ты делаешь по дому? Помогает ли маме, Вере? Какие книги ты читал в последнее время, какие фильмы видел? Ты учишься кататься на коньках или на лыжах? И, вообще, что нового дома? А у меня, Володенька, ничего нового нет. Хожу на курсы,

работаю, готовлюсь, хочу очень поступить. Да, Володя, меня перевели работать в перевязочную, или её ещё называют процедурный кабинет. Там ещё труднее работать, но очень интересно. Я рада.

Ну вот вроде и всё.

Сегодня воскресенье, мы пойдем в кино в 6 часов вечера на кинофильм «Андрей Рублев». 2 серии. Мы — это все девчонки из нашей комнаты.

До свидания. Крепко целую. Наташа. 23.01.1972.

Голоса друзей: Виктор Коротченко

Мои воспоминания о дорогом человеке относятся к годам юности. Отец всегда придавал дружбе особое значение. Его друзья были друзьями и всей семьи. Из тех, кто произвел на меня неизгладимое впечатление и оказал огромное воспитательное значение, был Леонид Александрович Попов, его старинный казахстанский друг. Их юношеская дружба была настолько сильна, что не могла не сказаться на детях. Единжды приехав к нам в гости, Леонид Александрович затеял со мной, школьником, долгую переписку. Бывая в Казахстане у родни, отец никогда не забывал навестить семью Поповых.



Шахматная партия с Виктором Коротченко

Поэтому было совсем не удивительно, когда однажды у нас в доме появилась старшая дочка Поповых — Наталья. Она была чуть старше и приехала в Томск поступать в медицинский институт. Этот образ юной слегка кудрявой жизнерадостной девушки так и остался в памяти, сколько бы лет с тех пор ни прошло.

Ещё вспоминается её потрясающее трудолюбие и стремление к чистоте. Приехала в Богашево, вроде бы гостя, а она буквально отнимает у моей мамы тряпку и буквально драит квартиру. Я никогда не видел такого радостного отношения к рутинной работе.

Несмотря на то, что Наташа была сильно занята, получала маленькую зарплату санитарки, умудрялась баловать нас посылочками: посылала подарки всем к праздникам, дням рождения, выполняла мои школьные заказы, если удавалось. И Наташины подарки доставляли необыкновенную радость, мне уж точно.

Письмо от 26.02.1972.

Здравствуй, милая Верусенька!

Хотела в посылке отослать тебе письмо, но так торопилась отправить посылку, что даже письмо не написала.

Как отцу рубашка? Не спрашиваю, понравилась ли, а размер, как раз? Ему трудно угодить. Поморщил нос, наверное. Бутылочка коньяка не разбилась? Если и разбилось, то цело ли все остальное (рубашка папе)? Как тебе трико? Думаю, штаны как раз, а вот рубашка мала. Так или не так? Как поделили эмблемы Саня с Вовкой? Кому «Романтик» а кому «Турист»? Как Вовке книга «На солнечной стороне улицы»? На мои вопросы я прошу тебя, ответь. Спрашиваешь, давать или нет мои письма к тебе отцу или матери. На твоё усмотрение. Я же тебе пишу. Не давай только те письма, в которых я тебя буду спрашивать, пишет ли Колька: нет? Наверное, передумал.

Кроме вас я переписываюсь с Ларисой, Люба Шабаета прислала письмо, Валя Рожнова; конечно, со Светой Фридман, вот и всё. Да мне и некогда вести обширную переписку.

Ну, вот, ответила на все твои вопросы, и, кажется не о чем больше писать.

Да! Завтра идем с Любой Мозжериной на концерт во дворец спорта. Выступает дважды Краснознаменный имени Александра ансамбль песни и пляски Советской Армии. Жаль, завтра воскресенье, а я работаю с 7 часов утра до 8 вечера в раздатке. Попросили... Вчера на курсах была контрольная полугодовая по русскому и по физике. Жду не дождусь результатов по химии, биологии, литературе, не говоря о физике и русском.

Признаться, я не хочу, чтобы мама приезжала летом. Ее приезд только выбьет меня из колеи. Лучше уж пусть если приезжает, то во второй половине августа или позже, но ни в коем случае во время подготовки к экзаменам. Знаю, она придет «поболеть». Вера, лучше это письмо ты родителям не давай. Мама не поймет, обидится.

Да, на курсах учиться довольно легко. Но и здесь свои трудности. На курсы после работы приходишь уставший, не со свежей головой, а иногда даже клюешь носом. Причем дома о тебе заботились и папа, и мама, а здесь только ты один. А для того чтобы заботиться о себе, нужно время. В общежитии обязательно надо уделить время себе, порядку и чистоте в своем углу, иначе — никакого мало-мальского авторитета (а как жить без хотя бы мало-мальского авторитета?), и в конце дня еле ноги волочишь.

Ну что ещё тебе написать? Чем душу побередить?

Как твои успехи в школе? Веруся, а может быть, ты приедешь поступать в университет на юридический или историко-филологический факультет? Думай, думай. Ой, как мало времени уже осталось. А как там мой милый Володяйка? Как он учится, шалит? Саня как? Отец с матерью?

Понравился ли отцу мой подарок? Только честно!

Ну ладно, до свидания, всего хорошего!

Наташа. Целую крепко

Наташа подробно писала о всех своих делах. Знала, что мы с напряженным вниманием следим за ее жизнью, что скучаем, переживаем за неё, поэтому старалась рассказывать всё, что происходит, включая и бытовые мелочи, и денежные дела.

Письмо от 05.03.1972 маме:

Здравствуй, дорогая мамочка!

Вот собрала Вам посылку к 8-му Марта. Мама, я прошу тебя и папу не высылать мне денег, пока я сама не попрошу. Мне хватает, я сыта, сама теперь работаю. Вот посчитай: с декабря месяца у меня деньги никуда не идут. В месяц я получаю 60 рублей. 3 рубля в коммуну, 3 рубля на транспорт, 3 рубля на разные стиральные порошки. И вы мне выслали уже 280 рублей. А я купила себе всего зимнее пальто и осеннее. Излишек денег тянет меня к мотовству.

Мама, обязательно напиши мне, как твоё и папино здоровье. Получила контрольную по биологии — четвёрка. В среду получим по химии. Сейчас мне ужасно некогда. Вчера ночью в клинике делали газету к 8-му марта. И сегодня в воскресенье до обеда.

Пошли в дом обуви, и купила я себе войлочные сапоги за 11 рублей. Резиновых я не нашла. Скоро начнет таять, а я в валенках. На твои же деньги я купила себе вчера шарф теплый за 25 рублей. Значит, на следующую зиму я полностью одета. Сейчас соберу посылку и пойду на почту. Опять она не придет к сроку. Только вчера получила посылку. Но лучше поздно, чем никогда. Верё я тогда послала трико 40 размера, а сегодня увидела 42. Ничего, два костюма ей не помешают.

Сегодня же у меня начнется грандиозная стирка, и надо идти на дежурство в штаб ДНД в восемь вечера. И помыться в душе надо. Если отложить стирку на завтра, то завтра курсы — понедельник. И задачи по физике, свою контрольную надо решать.

Недавно ходила в кино «Корона Российской империи, или Снова неуловимые». Ничего, понравилось. Смотрела и думала: «Вовку сейчас бы сюда» На следующую кинокартину пойду 13 марта на мультфильм «Ну, погоди!» — полное собрание. И думаю: «Эх, Вовку бы сейчас повести». Но, наверное, у вас там тоже скоро эти фильмы будут, и Володя посмотрит их без меня.

Ну вот вроде и всё.

До свидания.

Мы с мамой и папой на весенних каникулах приезжали к Наташе. Я ночевала в огромной, похожей на казарму комнате общежития для медработников. Жили там молодые санитарки, мед-

сестры. Ряды коек, чистота. Свет в углу не выключается даже ночью — девчонки по ночам приходят с дежурства и уходят. В комнате условий для занятий нет. Надо было действительно преодолевать весьма неудобные условия жизни, чтобы интенсивно готовиться. В тот наш приезд одна Наташина подружка сказала нам с уверенностью: «Наташа обязательно поступит. Она так готовится, как никто из нас».

А как она работала! Алексей Романович Коротченко вспоминает эпизод из того времени: «Однажды я заехал вечером за ней, чтобы отвезти домой. Гляжу — она моет лестницу. Но не шваброй, как все, а стоя на коленях руками трет до блеска ступени, напевая вполголоса. Заметив и оценив её трудолюбие и стремление навести идеальную чистоту, профессора-хирурги стали поручать Наташе подготовку инструментов к операции».

В более поздних дневниковых записях Наташа так пишет об этом времени: «Вспоминаю год, когда я работала. Я мало думала о себе. Я целыми днями в клинике, я на подготовительных



Санитарочка Наташа с коллегами по факультетской клинике. 1972 г.

курсах, после курсов — в библиотеку. Я часто писала домой, посылала две или три посылки, вовремя поздравляла. Я покупала себе только самое необходимое. А как ко мне относились больные и врачи! Это незабываемо и, наверное, неповторимо! Тогда я твёрдо держала слово, и меня все уважали. Я ходила редко в кино. Мне было некогда. Я не вела дневник. Мне было некогда. Или вела? Во всяком случае очень мало. Я тогда как бы была пронизана одной целью — мне надо было поступить во что бы то ни стало! И как-то это сочеталось с моим самоотверженным отношением к людям». Это запись от 19.02.1977. Сравнивая себя прежнюю с нынешней, Наташа приходит к выводу, что она за эти пять лет «здорово помельчала». Тогда она мгновенно откликнулась на просьбу о помощи, «из кожи лезла, чтобы помочь».

Наташины письма также свидетельствовали: она вся устремлена к одной цели — поступить, поступить. Порой сомневается в успехе, потом решительно отменяет сомнения. В последнем перед вступительными экзаменами письме пишет: «Уже сдала документы, попросилась во второй поток. Экзамены с 9 по 18, так что, если вдруг и случится такое чудо, что я поступлю, домой всё равно не смогу приехать. Числа 28—29 узнаю, какой у меня первый экзамен. Хочу физику. Трудный экзамен самый первый, энергии много надо, а уж потом остальные. Хожу на месячные подготовительные курсы. Я всё делаю так, что, если я не поступлю, я могу себя обвинять только в умственной отсталости, да и в том, что, наверное, не судьба мне учиться в Томском медицинском». И потом на отдельном листочке, отмечая все сомнения, написала: «Это последнее письмо абитуриентки, следующим будет письмо студентки — провалиться мне и прогореть, если всё будет не по моему!»

И вот летом 1972 года начинаются вступительные экзамены в мединститут. О результатах каждого экзамена Наташа телеграфирует. Помню, что Наташины пятерки вызывали у нас не просто радость, а многодневную эйфорию. И вот, наконец,

последняя телеграмма: «Я — студентка Томского мединститута!» Началось осуществление мечты.

Это время — год работы и поступление в мединститут — Наташа считала самым результативным, высоким и чистым, когда она всё поставила на цель и добилась её. «Какой я могла быть! Аж завидки берут» — напишет она позже про этот год.

«Мой исповедник»

О студенческих годах сестры, её устремлениях, буднях, праздниках, путешествиях и дружеских отношениях свидетельствуют её дневники, две исписанных тетрадки. Первый сохранившийся студенческий дневник начат сестрой 6 января 1976 года (четвёртый курс). Второй — 16 мая 1977 года (пятый и шестой курсы)¹. Эти тетрадки в чёрном и коричневом переплётах и через тридцать с лишним лет источают резкий характерный запах низкосортного дермантина.

Мне спокойно и радостно погружаться в её записи, в те молодые годы, когда у неё много-много лет впереди и ещё так далеко до трагедии. Я знаю, потом она выйдет замуж за своего любимого Лёшу, родит двух сыновей и дочь, и, словно в раю, будет жить в прекрасной Тимирязевке, окруженной сосновым бором, со своими родными людьми, заниматься гинекологией, принимать младенцев, строить свою усадьбу. Хорошее слово «усадьба» — место у сада, место, окруженное садом, в саду. А сад всегда отсылает воображение к райским кушам.

Вместе с дневниками Натальи я снова вернулась в нашу молодость, пережила совместные путешествия и приключения. Я не могла больше здесь с ней встретиться, а там, в том времени мы болтали с ней под стук колес, любовались закатами, бродили по пещерам. Наташины дневники и описания в них путешествий позволили и мне вновь совершить блаженное странствие в про-

1. Дневники за младшие курсы — второй и третий — Наташа потеряла, она сделала об этом запись 19 февраля 1977 года. Вела ли дневник между 1970 и 1975 — неизвестно.

шлое, пережить ощущение бесшабашной радостной жизни... Я в своих дневниках не описывала путешествия, потому что живые впечатления были столь полными и яркими, что записи, как мне казалось, только портили бы и ухудшали их. Но со временем память многое не удержала, упустила. И Наташины записи позволили мне воскресить ушедшее, восстановить чудесные волнующие моменты соприкосновения с прекрасным временем.

Зачетная лихорадка, подготовка к экзаменам, конференциям, цейтнот, панические настроения перед экзаменом, поездки, походы, путешествия, друзья и подруги, размолвки и примирения — всё это вылилось на страницы дневника.

Первый студенческий дневник, как упоминалось, начат 6 января 1976 года накануне сессии: долги по немецкому, защита истории болезни, денежные долги («Ну что мне с собой, растяпой, делать?!»), поездка в пещеру Торгашинскую и прохождение маршрута 4а. Это на первых страницах дневника.



Первое студенческое лето. С подругами из комнаты в общежитии на ул. Котовского. 1973 г.

Второй дневник она начала писать на улице 16 мая 1977 года «На площади Революции в ясный, теплый и солнечный майский день я сижу с открытой тетрадкой — моим будущим дневником. Здравствуй, мой новый дневничок! Выпало тебе не совсем приятное занятие — быть дневником одной несобранной, ленивой и глупой девушки. Сегодня у меня неудачный день. Хоть и вывернулась на занятиях, но отвечала в общем хуже всех в группе. А когда пришел Лепёхин, то он про меня вообще сказал, что я бруцеллёз не знаю. Хотела хоть что-то сдать по психиатрии — Татьяна Михайловна только посмеялась надо мной и сказала: «Идите, идите, Наталья Леонидовна, учите!»

У Наташи сложился своеобразный весенний ритуал: весной она садилась с дневником на скамеечку на Кировском проспекте или где-нибудь ещё и подводила очередные итоги, писала. «Первый раз, я помню, это было на втором курсе. Села на скамеечку. Все меня уважали тогда... Любила Аваза. Дырявые туфли, перештопанные чулки и мокрые ноги не портили моего настроения. А может, даже наоборот. Тогда, помню, был подъём жизненных сил, тонуса, настроения. В общем, мне и сейчас хорошо. Но тогда мне было 19 лет, а сейчас 22. Тогда у меня было всё впереди — и годы учёбы, и надежды на большую любовь... И громадные спелеопланы <...> Мне 22, и я теперь уже, наверное, такая, какую и останусь на всю жизнь. А я не хочу быть такую всю жизнь. Я хочу быть намного лучше — честней, добрей, настойчивей, умней, красивей, чем я сейчас».

И вот тут-то мы подступаем к стержневой теме Наташиных дневников, их нерву. Дневник студенческой поры стал для сестры важнейшим инструментом борьбы за лучшее в себе, она его и называла «исповедником»: «Мне столько много хочется тебе сказать, мой милый дневничок! Хочется покаяться перед моим исповедником» (!). Самобичевание, самообличение, анализ своих недостатков, промахов, отрицательных черт характера — самая устойчивая линия её дневников.

Её гложет вечная неудовлетворенность собой: «Я чувствую себя гадким утенком в своей группе», «Я совершенно не умею учиться!» «Какая я растяпа! Какая я медлительная! Какая я дура!» Эпитеты, которыми она себя щедро награждает: бестолковая, беспамятная, глупая, несобранная, ленивая, растяпа, дура, мотовка. Ругает себя за постоянные огромные долги, за неумение тратить и экономить деньги, за неумение сосредотачиваться, за неумение учиться. Упрекает себя в эгоизме. Это Наташа-то эгоистка?!

«У меня какой-то дурной стиль жизни. Я не могу жить равномерно, планомерно. У меня всё рывками. Я, то работаю как вол, то волюню непростительно». Особенно в дневнике 1976—77 годов Наташа чуть ли не на каждой странице яростно ругает себя за... за всё.

Неутолимая жажда самосовершенствования, беспощадность по отношению к себе — они удивительны в Наташе.

«Жалкое положение, жалкий вид у меня. Бездарность и сестрость, растяпа, беспринципный и неинтересный человек. Не клеится у него и личные дела. <...> Обросла учебными и денежными долгами, больная и неуклюжая от природы, донельзя медлительная — вот мой портрет». И далее Наташа со злой самоиронией пишет: «Переделать я себя уже не переделаю. Зачем такому человеку, как, я вести дневник? Пустая трата времени. Ничего интересного не записываю, только разбрызгиваю собственные слюни по листочкам дневника, типа: «Ну, Наталья, давай жить! Хорошо жить. Началась весна!!! Ты же любишь весну!!! Как ты можешь так плохо жить весной?!!! Тьфу, противно!»

Вообще-то Наташа была прекрасной девушкой. Сессии сдавала за редчайшим исключением на 4 и 5; всегда работала, зарабатывая деньги для спелеопоездок; занималась в кружке по акушерству и гинекологии, чтобы в будущем попасть на эту специализацию; много ездила по пещерам, занималась спелеоклубом, фотографией, окружена была друзьями. С моей точ-

ки зрения, она очень плодотворно провела студенческие годы: объездила весь Советский Союз, приобрела пожизненных друзей, получила желанную специализацию. Но как же она себя бичевала! «Мне, наверное, надо бросать институт, надо бежать из медицины, не оглядываясь!» — даже так писала.

Что же ещё, кроме неблестящей учёбы, долгов и прочего, она ставит себе в вину? А вот: «Я стала эгоисткой. Стали увлекать тряпки. Много думаю о себе, обратят ли на меня внимание. Самой сейчас противно писать эти строки». А ведь это такое естественное желание для любой девушки. Наташа костерит себя за то, что хочет себе купить новое платье или кофту, сшить сарафан. Порой примиряется: «Вообще-то, быть опрятно одетой — не порок для врача (Ну если для врача...), это обязательно. <...> И ещё замечаю за собой крайне отрицательное качество: если какая-то трудность — опускаю руки, отступаю. <...> Самая главная причина, что у меня ничего не клеится, думаю: дура я». И далее по списку: разгильдяйство, серость и т. д.

«Мне хочется быть опрятной девушкой — но что я делаю для этого? Мне хочется быть интересным человеком — но что я делаю для этого? Мне хочется поднять спелео — но что я делаю для этого?»

Она подняла и держала для себя очень высокую планку, всегда находясь в эпицентре этой яростной до изнеможения борьбы с собой. Дневник был средством самоанализа и самоотчета.

Такое непрерывное обличение себя, с моей точки зрения, носило характер покаяния, исповеди, а дневник являлся ее «исповедником», о чём она сама писала. Это и дало столь благодатные результаты. Наташа, не будучи верующей, была постоянно в состоянии покаяния и смирения. Поразительно! В центре её духовной жизни была именно эта проблема: преодоление себя, своих недостатков. Кроме того, дневник стал её своеобразным бумажным психоаналитиком, она часто обращалась к нему как раз в трудные, кризисные моменты, когда ей было грустно, то-

скливо. «Поговорив» с ним, испытывала облегчение.

Тем не менее у неё шла борьба и с дневником, она много раз хочет его бросить, не видя в нём никакой пользы и ничего интересного, грозит-ся сжечь: «Итак, собираемся в Кашкулак. Я тебя там сожгу, дневник, на костре. Ты так же не нужен и никчѐмен, как твоя хозяйка». Тем не менее дневник продолжал вестись.

Временами Наташа примиряется с собой, устав от бесконечных поправок и ругани в свой адрес: «Ну ладно проклинать себя. Уж какая есть. Себя любить надо». А порой: «Хватит канючить, хватит плакаться и брызгать слюной. Мне 21 год. Я многое могу. Я совсем молодая. У меня всё впереди».

Обратной стороной этой неустанной борьбы с собой было построение обширных программ и планов по преодолению себя, составление списка обязательств. Планами на будущее и обязательствами исписывались целые страницы.

Учась в институте, Наташа осваивала не гинекологию, хирургию или анатомию. Она с самого начала осваивала профессию врача. Быть хорошим доктором — это как главнейшую цель она всегда ставила перед собой.

В одном из своих писем из села Подгорного, где они с Ниной Иванниковой проходили медицинскую практику, Наташа с живостью описывает свои первые врачебные опыты. Это письмо



Наташа — студентка мединститута

примечательно тем, что сестра формулирует в нём свои жизненные цели и приоритеты. Написано письмо 12 июля 1976 года, позади уже четыре курса мединститута. Дышащее энергией письмо настолько интересно, что приведу его целиком. Наташа была увлекательной рассказчицей.

Здравствуй, Верусенька!

Долго ждала от тебя письма, уже стала потихоньку поругиваться. Очень была рада, когда, наконец, вчера получила его. Многое ты угадала, как мы живем. Дни наши насыщены до предела, нет свободных минут. Расскажу всё по порядку. 23 июня после проводов Аваза пришли домой часа в три ночи. Ещё накануне решили пойти купаться. Симка пришла со свадьбы и спала (Женька, её брат, женился). Мы её подняли. К нашему великому удивлению, она без писка поднялась, и мы пошли. Брезжил рассвет. Над Томью колыхалась легкая дымка. Небо было неопишуемой красоты. Мы страшно хотели искупаться голышом. Но ничего не вышло, даже в такое время на берегу было много народу. Вода очень теплая, нежная, ласковая. Мы хлюпались часа полтора. Шли домой, уже было светло, встало солнце, щебетали птицы.

Поспали с Ниной два часа и пошли за билетами на «Ракету». Я была как вареная курица, сонная, вялая. Поехала отвозить рюкзак, еду обратно — здорово опаздываю. Без двадцати час, без пятнадцати, а я на Южной («Ракета» уходит в час дня). Десять минут ловила такси. Заревела от злости, от досады. Но всё-таки за пять минут до отхода «Ракеты» поймала такси. Шофер многозначительно посмотрел на меня: «Придется нарушить правила движения». Мы ехали, как гангстеры, скрывающиеся от погони. Я отдала ему тройак. Вещи мои были у Нинки. Я металась по причалу. Наконец, подбегаю:

- «Ракета»?
- «Ракета».
- До Колпашево?
- До Колпашево.

И я прыгнула на борт уже отходящей «Ракеты». Думала, что Нинка на борту. Сбежала в салон — нету! Выбегаю на корму, а Нинка в отчаянии машет мне гитарой с берега. Я чуть не выпрыгнула за борт! Еду без билета, без вещей, в штанах и стройотрядовской

куртке. Познакомилась с тремя калымщиками. Инженеры, закончили ТИАСУР. Потом узнала: у одного такая тяжёлая жизнь. Женат. Квартира-конура: натопишь — плюс 30 градусов, проветрить нельзя. Сын в полгода заболел рахитом. У него был как раз день рождения. Они угостили меня «Черными глазами». Похоже на жуткий анекдот?

На следующий день я добралась до Подгорного. И как была, в черных штанах, кедах, стройотрядовской куртке, двинулась к главному, потом заместителю, потом в отделение. Договорились. Пошла искать Иванниковых. Перебралась через Чою на пароме. Паром мне понравился. Потом шла километра три по лугам до Рямого. Какая красота! Шла и радовалась, что мы каждый день будем ходить здесь. Дома у Иванниковых были гости: Нинин родной брат с женой и детьми. Дали они мне платье, босоножки, и я снова пошла в больницу на практику.

Мне там сразу всё понравилось: и больница, и больные, и врачи, и персонал. А после обеда я пошла встречать Нинку. Прождала её на автостанции часа четыре на солнцепеке. Она, наконец, приехала. Нинка на «Ракету» опоздала. А я винила себя. Думала, что она вышла из катера, дожидаясь меня, а я пролетела мимо неё.

И началась у нас бурная жизнь. Ко всему прочему мы устроились с Нинкой на работу медсёстрами. Зарабатываем деньги на экспедицию. Я не хотела столько смен, сколько поставили, а поставили 16 смен: 8 дней и 8 ночек. Работаем день, на следующий день — в ночь, два дня дома, плюс каждый день практика до 3—4, а иногда до 5—6 часов вечера. Нинка работает в терапии, я — в хирургии. Мне всё очень нравится, я просто влюблена в свою хирургию. Отделение такое чистое, уютное, удобное. Больные, мужики в основном, простые люди, веселые, горластые. Женщины простые и хорошие. Вообще лучше людей я еще не видела, вернее столько хороших людей вместе.

Дел хватает, не посидишь. И почему-то хочется очень-очень делать всё хорошо. Работать и сестрой, и врачом интересно, стоит только подойти к делу с душой. Недавно дежурила в хирургии в день. Привезли женщину; думали, аппендицит. В отделении вообще работает три хирурга. Сейчас один, все в отпуске. Бедного Анатолия Семеновича мне даже жалко — высох весь (мне бы хоть немного подсохнуть!). Стали собираться на операцию. Обычно

Анатолий Семенович аппендицит делает один с сестрой. Но женщина была тяжелая, и стали искать ассистента. Я бы с великой радостью стала ассистировать, но я дежурная сестра по отделению — одна на всю хирургию: я и процедурной, я и в перевязочной, я и на посту. У нас с Ниной смены полностью совпадают (за что я благодарю Бога). В терапии было две сестры, и Нину взяли ассистенткой. Как я ей по-доброму завидовала! Разрезали — а там!... Лопнула нагноившаяся киста яичника — перитонит. Операцию делали четыре часа.

Прошли мы практику по терапии. С сегодняшнего дня на акушерстве. Смотрели аборт. Анатолий Семенович дал немного поскрестись в матке. Прости за фамильярность.

Говорят, для счастливой жизни нужно три вещи: внимательный муж, интересная работа и здоровые дети. Одна треть счастья у меня уже есть. Знаешь, Верка, я просто счастлива, что учусь в медицинском, что я буду врачом. Только немного страшно. Слишком всё серьёзно и ответственно. И хочется быть непременно хорошим врачом. Иначе вообще не стоит быть им. Но для этого нужно старание, настойчивость. Это у меня есть немного. Но вот руки — крюки, да добавил бы бог умишка.

Но вот самая первая и очень важная проблема — внимательный муж. Я остро почувствовала этим летом, что я уже взрослая — мне исполнится 22! С профессией у меня решено. Сейчас мне нравится абсолютно всё: и терапия, и хирургия, и акушерство. Я совсем не расстроюсь, если не пройду по конкурсу на акушерство и гинекологию. Но о замужестве я задумываюсь всё чаще и со всей серьёзностью. Раньше у меня даже следа не было в мыслях. Да! Дала себе слово, что не выйду замуж просто так, чтобы выйти.

Село Подгорное очень нравится. Чем-то напоминает мне Аиртав, мой край. Село большое и очень, очень зелёное. У нас на улицах растёт трава-мурава, ходят гуси и овцы. Всё это мне очень напоминает детство. Так и кажется, что вот-вот из ворот выйдет старенькая сгорбленная баба Даша в переднике, с натруженными руками.

На работу и на практику хожу три километра по прекрасным лугам вдоль берега речки Чои. Солнце, сенные запахи, стреко-чут кузнечики. Выходим за час до работы. Загорела я первый раз за пять лет. И снова стала похожа на негритёнка, как в Раздольном.купаемся часто. До умопомрачения паримся в бане. Хотели сде-

лать баню сегодня, но Нинина мама не разрешила: сегодня Петров день — грех. Нинка решила ввести новшество: поддавать пар свежим квасом. Попробуем завтра. О результатах сообщу.

Кормят нас как на убой. Выпиваем 2—2,5 литра молока. Знаешь, как хорошо идет с белым хлебом и вареньем, с кислицей, с сахаром и т. д. и т. п. Спим на крыше. Дед Семен сделал настил из досок. Тулупы покрыли белоснежной простыней. Огромные подушки и ватное одеяло сохраняют нас от излишней свежести. Над нами висят березовые веники и дивно, одурманивающе пахнут. Наверное, они дурманят и комаров — не помню, чтобы хоть один паразит нас укусил. В свободный денёк выбрались на рыбалку с Ниниными знакомыми на моторной лодке и с бреднем. Взяли рюкзак для рыбы. Уехали на моторке километров за 40 по Чое. Но карась не шел. Полдня мы лазали по лесным озерам по грудь в воде, по бедра в грязи. Исходили с бреднем озерца вдоль и поперек и поймали — курам на смех — десять карасей. Но рыбалкой остались довольны. Ведь главное не рыба, а сам процесс.

Получила письмо от Буржинской уже из экспедиции и от Задираки.

Ну ладно, давно пора кончать. Аж паста закончилась уже. Сразу я тебе не ответила. Но вот, искупая эту вину, написала такое длинное никчёмное письмо. Поэтому требую немедленного ответа. Не требую тоже длинного, хотя буду счастлива получить подробнейшее описание твоей лагерной жизни. От родителей ни ответу, ни привету. Не ответили на два моих письма.

Целую крепко-крепко.

Очень крепко.

Наташа. 12.07.76.

Голоса друзей: Нина Иванникова (Марченко)

Когда я вспоминаю Наташу, то в памяти возникают светлые и чудесные моменты моей жизни. Во-первых, годы нашего совместного проживания — это лучшие годы нашей молодости: настоящая любовь, а не детская влюбленность, настоящая дружба, студенчество...

Наташа была немного старше меня. Когда я поступила в медицинститут, мне было 16 лет, я к ней относилась, как к старшей

сестре, и она всегда для меня была авторитетом. Но Наталья никогда не пользовалась этим. С её стороны я ощущала всегда безоговорочное уважение к моим поступкам и поддержку, как от мамы: что бы я ни сделала, я права.

Мне очень-очень повезло со встречами с людьми, но лучшей из всех была Наташа.

Очень близкими друг другу мы были в спелеологических походах. Сразу вспоминаю мою первую экспедицию в пещеру. Это была пещера Миртовская. Я помню, все ребята старались показать мне подземные красоты, поддержать физически и морально. Прямо скажем, у меня был не самый тяжелый рюкзак, в отличие от Наташиного, конечно, не считая парней. К слову, те парни все были тоже настоящие: был наш любимый Аваз и ребята из политехнического института. Но более всего я ощущала поддержку от Натальи.

Мне кажется, на этой фотке, где мы с ней в пещере Миртовской видно излучение от неё доброты.

По окончании института мы разъехались по разным городам, у каждой появилась семья, мы стали редко общаться. Но я, например, всегда знала, что могу к Наташе обратиться с любым вопросом. Я знаю, что она была и чудесной мамой, и женой. Наверное, Наташа не была святой, но если у неё и были какие-нибудь пороки, то мне о них неизвестно. Для меня она осталась светлым и безукоризненным человеком.



Нина Иванникова с Наташей в пещере

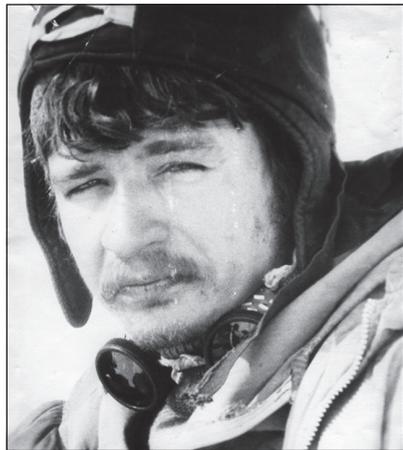
Каждое утро я молюсь об упокоении её души, как и о своих родных. К сожалению, это всё, что я могу сейчас для неё сделать.

Светлая вечная память Наташе.

В Наташином дневнике есть история, которая свидетельствует о её удивительной готовности и способности понять друзей, принять их обстоятельства, их выбор, даже если они болезненны и горьки для неё. Эта история связана с Ниной и полностью подтверждает её слова.

На страницах первого студенческого дневника Наташи начинает мелькать имя Валеры Якубовского. Студент-геолог из университета, спелеолог, турист, обаятельный, общительный, красивый парень, он стремительно вошёл в их компанию, где был радушно принят. Они очень много ездили вместе в пещеры. Многим девчонкам, в том числе и Наташе, он нравился. Валерка служил в Германии, где неплохо овладел немецким языком. Он помогал Наташе переводить «тысячи» по очень нелюбимому ей немецкому языку. Но никаких особых отношений, кроме тёплых, дружеских, у неё с ним не было, хотя, судя по её записям (19.08.1976), она их ожидала. Вспоминает поездку в пещеру Кубинская: «Встретились мы с ним обычно, без эмоций, не как я ожидала. <...> Ещё на Бирюсе я заметила, что Ниночка очень равнодушна к Валере. Сознаюсь, сердце от ревности немного пощипывало.

И вот мы едем на Алтай в Геофизическую [пещеру]. В поезде, ложась спать, Нина мне сказала: «Ой, Наташа, как



Валерий Якубовский

он мне нравится!» Ещё она говорила несколько раз, что чувствует себя виноватой передо мной. На это я ответила:

— Да ты лучше спроси, кому он не нравится. А относительно чувства вины: брось, Нина, ерунду молоть! <...>

Геофизическая — памятный выезд. Но главное воспоминание от Геофизической — Валерка. <...>

И вот тот знаменитый привал на обед. Нинка и Валерка бадовались, толкали друг друга в ручей. Потом пошли «доить корову», взявшись за руки... Вот тут-то я и и... Их долго не было...

Потом вечер разложения в избушке, где Нина и Валера уже как влюблённые».

Дальше Наташа, забыв про Нину, и Валеру, и свою ревность, взхлеб описывает прохождение Геофизической, Мраморной пещер, их необычайные красоты.

«Вышли, постирались. Валерка не торопился; задумавшись, курил. Мы ушли, они остались вдвоём». Без Валерки их проводник завёл группу куда-то не туда, так что ночь они провели под открытым небом, а утром решили вернуться к Геофизической. Их встретил Валерка и привёл к лагерю. «Нина дремала. На лице одни огромные счастливые глаза и зацелованный рот. Не берусь описывать свои чувства. Уж больно они противоречивы. Я боролась с собой. Ревность дралась со здравым смыслом. <...>

В лесу нас застал дождь.

Нина с Валеркой весь этот день лежали в спальных мешках и целовались. После ужина вышли с Нинкой на улицу:

— Да, был день... Наташка, тебе не кажется, что я схожу с ума?!

И опять извинения...



Аваз Матхаликов, Валера, Нина.

Мы вышли. Был туман. Как всё-таки Валерка хорошо ориентируется!

Они шли всё время, взявшись за руки. Я была угрюма, и даже украдкой смахивала слезу.

Когда мы сели в автобус, мой кризис кончился. Я встала рядом с ними, и Нина нам рассказывала сказки из тысяча и одной ночи... Как они смотрели друг на друга! Сколько было нежности в их движениях! Расцветала любовь на глазах.

Мне сначала, ещё до Геофизической, думалось, что Нина проверяет свои женские чары. В автобусе мне показалось, что он не любит её... Но нет. Наверное, тут действительно что-то серьёзное и большое. Дай Бог!

День в Томске после приезда; оборванные и грязные, мы ходили по городу, обнявшись. Потом — банкет. Я — служанка и дура. Следующий день разлагались, получила перевод. Дежурство 18-го».

Валерка дозвонился мне из Горно-Алтайска, когда мы уже ехали на кладбище хоронить Наташу.

— Что же, что же это?! — горестно спрашивал он.

Ниночка приехала на похороны из Новокузнецка.

О неожиданных эпизодах из жизни Наташи рассказала Ольга Володарская.

Голоса друзей: Ольга Володарская

Впервые я познакомилась с Наташей в общежитии на Котовского, когда меня подселили в комнату, где жили Наташа, Люда Карабатова (за большие глаза мы звали её Чебурашкой), Лена Федорова (гимнастка, к.м.с. — из знаменитой Ленинско-Кузнецкой школы гимнастики). Это было в середине зимы 1972 года.

Жили дружно, было нам всем по 17—18 лет; можно сказать, поздний подростковый период. Были бесхитростными, прямолинейными, принимали друг друга такими, какие есть. Наташу мы воспринимали как неформального лидера в комнате и в спелеосекции, в которую она начала ходить. Потом она вовлекла туда меня и Люду Карабатову.

Наташа уже на 2—3 курсе

была для меня другом «навсегда» — по душе, по уму, как сестра. Надежная, преданная, понимающая.

Практически все годы мы жили с Наташей вместе в различных общежитиях — на Котовского, Вершинина, Московском тракте, я чаще жила «зайцем» у Наташи. И никогда она не упрекала меня — спали вместе, или я спала на раскладушке. У нас была очень дружная комната. На четырех кроватях мы умудрялись жить по 6—8 девочек. Не помню, чтобы между нами происходили какие-то ссоры, разборки. Хотя все мы были разными.

Наташу помню немногословной, серьезной, но с нами, подругами, была веселой и общительной.

Наташа ревновала меня к моим подругам: Лене Федоровой, Татьяне Б. из Улан-Удэ. Однажды был такой случай: 3 курс, Татьяна приехала в Томск на 3—4 дня ко мне в гости. Мы наметили посещение лекции (в интересной круглой аудитории), экскурсию по городу и посещение подруг. В тот год мы с Наташей жили отдельно: она на Московском тракте, я на Котовского. Время вечернее, мы с Татьяной зашли к Лене Федоровой, Лена была очень веселым и оригинальным человеком. Пообщались, много смеялись. А Наташа жила через стену, но в другом блоке и слышала наши разговоры и смех, узнала по голосу, что я веселюсь в соседней комнате. Так



Ольга Володарская

как время было к вечеру, мы решили не заходить к Наташе (но, видимо, я обещала зайти). И вот Наташа встречает меня в холле общежития, когда мы идем от Лены, и дает мне пощечину со словами: «Насильно мил не будешь!». У меня был ступор...

Но я поняла её и простила почти сразу — это была ревность к моим подругам. Поговорили мы с Наташей через несколько дней. Я сказала, что все трое мои подруги и она мне тоже хорошая подруга, и не стоит переживать. Вот была такая ситуация.

Много лет спустя, когда мы вместе с Наташей и Лёшей путешествовали по Байкалу, как-то зашёл разговор о профессиях. Я вспоминала свои командировки в районы, куда ездила как педиатр в группе с хирургами, гинекологами, терапевтами, для лицензирования медучреждений. У каждой профессии какие-то общие черты: у хирургов — конкретность, резкость, смелость, фанатизм; у терапевтов — умение ладить с пациентами, клинический кругозор; у педиатров — заботливость, ласковость, щепетильность («сюсю-мусю»); а у гинекологов — понемногу от всех врачебных профессий: от хирургов — смелость, быстрота, резкость, от педиатров — заботливость. Ну а я Наташе тогда сказала, что она самый интеллигентный и человечный гинеколог, которого я только знала... Да, для меня моя подруга была и остается самым лучшим человеком во всех своих проявлениях.

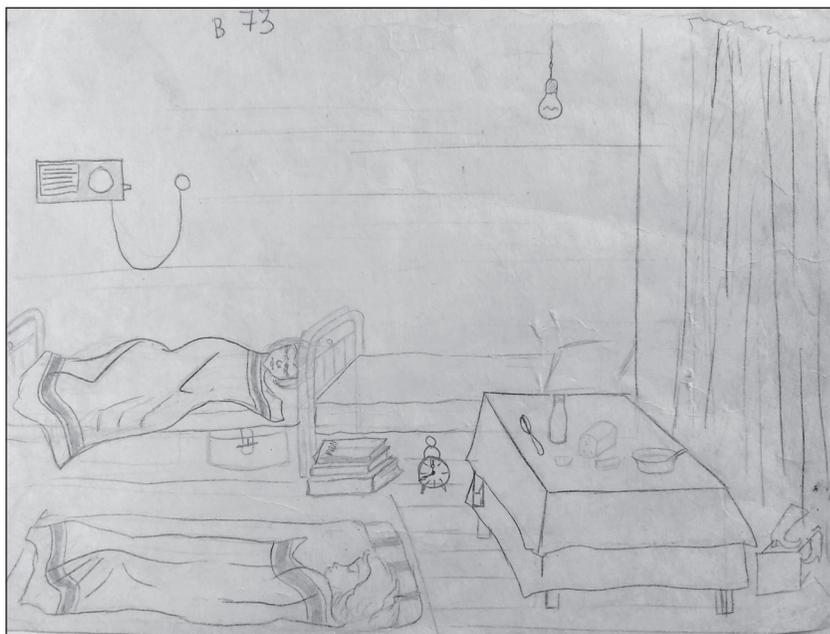
Запись Наташи в дневнике от 29.05.1976: «Кончается четвёртый курс. Какой-то неудачный, взбалмошный и ... хороший, и плохой — всё вместе. Я только и знала, что ругала себя. И сейчас буду ругать. <...> Сессия, сессия, Боже мой! Ты и радость для некоторых, для меня — беда. <...> Я робко мечтаю, что, может, на будущий год я изменюсь в лучшую сторону. Буду хорошо учиться, везде успевать. Может, меня будут просто любить...» И она сдала эту сессию прекрасно: терапия — пять, лор, хирургия, кожные — четыре. «Я из комнаты уезжаю первая. Грустно расставаться с девчонками. Мы так здорово жили, дружно. <...>

Буду ли я знающим и умным врачом? Будут ли меня любить? Буду ли я счастливой женщиной? За это, Наташенька, надо бороться. Жёстко. В кровавой схватке с самой собой за себя лучшую, чем ты есть».

Не только «отчаянные схватки», но и лирические строчки рассыпаны по страницам дневника: «Ну вот и весна, 1 марта. Люблю весну. Вчера в комнате мы её встретили криком «Ура!» и открыли окно, чтобы она зашла к нам».

На одной из последних страниц этого дневника Наташа записывает единственное своё читательское впечатление о книге Достоевского «Униженные и оскорблённые».

«Они так много думают о человеческих отношениях, так глубоко чувствуют, все так понимают друг друга. А мы, а я — мне некогда задуматься о жизни, поразмыслить, как дальше жить. И я живу как будто опустошённая, живу просто так, без мыслей, без чувств, без этой глубокой и самозабвенной любви к жизни



Студенческая комната. Девчонки спят.
Рисунок Наташи.

или к людям, да что там говорить, хотя бы к одному человеку. Хочется какой-нибудь перемены в жизни».

В записях нового дневника за 1977 год Наташа вновь формулирует свои жизненные принципы, свое врачебное кредо. 21.10 1977 года: «Первое место и главное в моей жизни будут занимать, пока нет семьи, детей, мужа (кстати, Наташа мечтала о четверых детях):

- I. Родные, больные.
- II. Друзья, я сама.
- III. Иглотерапия.
- IV. Лекарственные растения.
- V. Фотография.
- VI. Звезды.
- VII. Спелео, туризм.
- VIII. Книги, музыка, газеты».

У Наташи так и было — на первом месте у неё всегда был ближний, тот, кто рядом, её родные, близкие, друзья, её гости. Поразительно! Больных, то есть своих пациентов, она приравнивает к родным. Эта мысль потом не раз будет у неё звучать.

«Хочу:

I. Чтобы слово, сказанное мной, было твердым (выделено Наташей).

II. Быть очень собранной и пунктуальной.

IV. Никуда не опаздывать.

III. Смотреть своих больных до пятиминутки».

И далее: «Хочу, чтобы моим девизом было: собранность, энергичность, быстрота».

8 июля 1977 года: «Всё ли в моих руках, чтобы быть просто хорошим врачом? Или есть что-то для этого у «бога»?

Как-то сестра получила тройку по психиатрии — третью в зачетке. Она целый день ходила по городу, забрела в кинотеатр, смотрела фильм. «Стыдно было идти в комнату, стыдно было перед девчонками» — призналась в дневнике.

Летом следующего 1978 года во время каникул Наташа практиковалась дома, в Красном Яре. Была два раза в роддоме и сама принимала роды (конечно, под контролем врачей). Она пишет об этом: «Как приятно держать в руках нового человечка! Как здорово смотреть в глаза женщин, только что родивших, когда они загораются материнским огнём и излучают мягкий, лучезарный свет! Это чистейшая, благороднейшая работа — работа акушера!»

Тогда за одну ночь они приняли 11 родов! Младенцев накопилось на столах столько, что сестра боялась их перепутать.

Перед шестым курсом сестра даёт себе зарок, который звучит как клятва: «К каждой больной относиться как к матери, как к сестре». И эту клятву она напоминает себе на страницах дневника из раза в раз. Это свидетельство удивительной глубины и духовной зрелости молодой студентки. Она страшится, что не сможет стать достойным врачом: «Когда я подумаю, что учусь на шестом курсе, — не верится, что я уже без трёх минут врач. Эх, доктор, доктор, Наталья Леонидовна».

Доктор Наталья по-прежнему не даёт себе спуску: «Я недовольна собой. Делаю всё механически, не знаю сути болезни, сути лечения, механизма применения лекарств. Много бегаю, совершенно не умею планировать свои действия, свои поступки. Что взбредет в голову — сорвалась и побежала. Это даже смешно, как я, отключив свой «нижний торс», мчусь на всех парах по клинике».

Сестра крайне болезненно переживает свои первые врачебные неудачи. При родах у роженицы получился разрыв. Она пишет: «Я сделала роженице разрыв 3-й степени. Конечно, в основном была виновата я, хотя были объективные предпосылки: крупный плод, первородящая, отек промежности, и, наверное, разрыв начинался с шейки матки — и пошло. Неправильно — резко — выводила плечики. Шили около двух часов... Долго я не могла дежурить ночами, было страшно».

Наташа восхищалась многими своими преподавателями, любимейшей среди них была Л. В. Зальмеш, преподаватель по гинекологии. И перед «госом» по акушерству и гинекологии она записывает: «Моя милая Лариса Владимировна! Как я люблю тебя! Почти так же, как акушерство и гинекологию».

Накануне экзаменов сестра в панике: «О, необъятные акушерство и гинекология! Послезавтра заваливаю свой предмет. Голова тяжелая, сил нет». На этой страничке в дневнике была записка, в которой Наташа выражала свой восторг по отношению к Ларисе Владимировне: «Как я её люблю! Какая она милая женщина, каких я, наверное, ещё не видела. Она была прекрасна в домашнем халате, такая живая, веселая, лицо ее светилось... Быть бы мне хоть капельку похожей на неё, с такой же, как у неё, энергией, энтузиазмом, отзывчивостью, привлекательностью». С Ларисой Владимировной Наташа поддерживала отношения до конца.

В том, что касается отношения к людям, отзывчивости, внимательности, Наташа полностью усвоила уроки своего любимого педагога. Она к каждому человеку относилась, как к родному, а значит, и как к пациенту — удивительно: сосредоточенно, нежно.

Сестра всегда с радостью и признанием отмечала хорошие черты в людях, но и негативные ей были заметны. В её дневнике есть живой рассказ о ребятах, с которыми она впервые сплавила на байдарках по реке Яе. Ей они очень интересны, она присматривается, пытается их понять и оценить. Каждому даёт краткую, ёмкую характеристику.

«Анюта — золотой человек. В общем-то умница. Она женственна и кокетлива немного, что мне чуть-чуть завидно даже. Золотые руки — движения быстрые, умелые. По сравнению с ней я черепаха и медведица. Очень добрая, хочет всем помочь. Тщательно ухаживает за собой даже в походе. Работящая — буквально вырывает у всех работу. Санька Иванов тоже мне

очень нравится. Всё по делу. Шутки — кстати. Быстр в движениях и скор в решениях. Санька Шишкин — самоотверженный. Митрико — избалованный, но остроумен. По духу не турист. Не понимает, что девчонку надо в серединку положить. Может сказать: «Девчонки, пустите меня в серединку, я замерз». Эгоист», — делает вывод Наташа. Мы тогда ещё не читали Фрейда, и не могли распознать подсознательные желания. — «Берутя — самая молодая, но девчонка очень ответственная, хозяйственная, трезво расчетливая».

Неплохой анализ. Просматривается писательский дар.

Уже работая над этой книгой, я обнаружила ещё один источник информации. У меня лежала большая стопка писем, самых разных: от друзей, от папы, мои письма домой. Я решила их пересмотреть в надежде найти что-нибудь интересное. К своему изумлению, нашла огромное количество своих писем домой, а потом и отцу, начиная с первого письма времён «абитуры» и заканчивая 1981 годом — годом смерти папы. Он сохранил все мои письма с 1973 года. Я очень благодарна ему за это. В письмах я пишу и о Наташе, и очень часто о Володе. Володя, как младший брат, был объектом нашего неусыпного внимания. Мы ходили к куратору его группы, отчитывались родителям о его учёбе, расходах, покупках, о том, во что и как он одет.

Наташа шефствовала и надо мной. Она активно втягивала меня в свою компанию. Я не сопротивлялась, мне нравились её подруги и друзья.

Сестра не боялась прийти мне на помощь в самых рискованных ситуациях. В пору нашего студенчества в вузах для юношей четыре года преподавалась «военка», и после сборов они получали звание лейтенантов. А для девушек — медицина, мы становились медсёстрами гражданской обороны в чине рядовых и были военнообязанными до 50 лет. Нам приходилось сдавать экзамены по анатомии, терапии, хирургии. И вот накануне экзамена по хирургии мне в голову пришла дерзкая мысль: а почему бы

Наталье не сдать за меня экзамен по хирургии? Она уже на пятом курсе, знает её, мы с ней похожи, хирургический навык мне никогда в жизни не понадобится. И потом, лекции мы слушали огромными объединёнными потоками, в лицо нас никто не мог запомнить.

Со своей просьбой я обратилась к Наташе. Она ничтоже сумняшеся приняла моё предложение. Я ей передала зачётку, сказала, куда надо прийти на экзамен и стала радостно предвкушать халявную пятёрку. Однако в день экзамена радость сменилась тревогой: я вдруг поняла, во что вляпалась. Если подлог раскроется, меня могут выгнать из университета, да точно выгонят! Могут и у Наташи возникнуть неприятности. Начался мандраж похуже экзаменационного, я не могла найти себе места, меня бил мелкая нервная дрожь. «Зачем я это сделала?! Подумаешь, хирургия, сдала бы как-нибудь. Больше никогда, никогда-никогда так не поступлю!» Я тряслась и боялась в несколько раз больше, чем если бы сама сдавала экзамен.

Наташа пришла с пятёркой. Ей экзаменаторы сказали:

— Отлично! Вы, Наталья Леонидовна, не туда попали, вам нужно было идти в медицинский институт.

Ладно, вру, так не сказали. А должны были!

Наташа тоже описала это событие в своём дневнике: «Вчера сдала за Верку экзамен по хирургии. Да, приключение, щекочущее нервы. Впечатления, конечно, остались. Вот тебе и из ряда вон выходящее событие. Страшно хотела получить «пять». Ведь не для себя. И не помню, чтобы я волновалась так перед каким-нибудь другим экзаменом. Всё обошлось благополучно, но в конце, когда она ставила мне «отлично», спросила:

— Кто у вас вёл практику?

— Да я не помню...

Верка страшно радовалась, прыгала вокруг меня, вешалась на шею. Мне от её ребячьего восторга тоже стало радостно на душе».

В студенческие годы много и охотно мы ходили в театры, кино, на концерты, гораздо чаще, чем теперь. Ведь возможности посмотреть их по телевизору или интернету не было. Родителям мы сообщали, что смотрели спектакли томского драмтеатра «Сталевары», «Вишнёвый сад», «Мисс Пайпер ведёт следствие». Мелькали названия фильмов: «Генералы песчаных карьеров», «Андрей Рублёв», «Баллада о солдате». Ходили всегда компаниями. Билеты на концерты, в кино, в музеи были дешёвы. В студенчестве мы могли себе позволить слетать на самолёте в Новосибирск в театр оперы и балета. И летали!

Подшли к концу годы учёбы. Начинался новый этап жизни. В дневниковой записи сестры от 13.07.77 есть такие яркие строки: «Мы решили отметить окончание учебного года, окончание института... Пошли нашей незабвенной комнатой на то место, где был туристический слет. Больше всего запомнилось купа-



«Незабвенная комната». Оля Володарская, Нина Иванникова, Сима Чойнзонова, Наташа Попова, Тамара Игнатович

ние на рассвете: вода теплая, как парное молоко, от неё исходит парок, лежит на воде тонким, нежным полотном туман. Я плыву... Вода колыхается, колыхет туманное покрывало... Кружится голова отчего-то...»

Голоса друзей: Людмила Задирако (Худовекова)

Почему-то по прошествии многих лет мы начинаем понимать, насколько бесценна наша жизнь, как она может быть мимолётна, непредсказуема, каким фейерверком счастья она проявляется временами, какие фантастические возможности нам даёт, особенно в молодости. Вновь оцениваем себя, друзей, соизмеряем свои дела с мечтами и целями.

Один из ярчайших периодов моей жизни — это студенчество. 70-е годы — сплошной калейдоскоп счастливых, радостных, солнечных событий. Мы верили в добро, делали его, и оно стократно к нам возвращалось.

Томские студенты, собравшиеся с разных уголков нашего Советского Союза в древнейшем культурном центре Сибири, — активные, жадные до знаний, открытые, возвышенные, креативные, контактные, целеустремлённые, отважные, сильные, юморные, предприимчивые, порой бесшабашные.

Окружение неординарных личностей, множество друзей, знакомых накладывало свой отпечаток. Мы варились в одном большом котле с позитивным настроем на будущее, каждый привнося в него своё, творили свою жизнь. Некогда было скучать, печалиться. Мы действовали. Учёба в мединституте забирала много времени (плюс занятия в кружках). Свободное время, хоть его и мало было, мы старались проводить разнообразно, увлекательно. Посещение концертов эстрадной, симфонической музыки, бардовской песни, филармонии, лекций столичных музеев с показом слайдов, кино- и драмтеатров, Дома науки, бассейна. Походы в пещеры, горы, на скалы с проведением соревнований, посвящений, тренировки, альплагеря были неотъемлемой частью нашего бытия.

Мы объездили полстраны: Сибирь, Дальний Восток, Урал, Украину, Кавказ, азиатские республики. Помню, билет из Томска до Киева по студенческому билету в общем ва-

гоне в зимние каникулы в 1977 г. стоил 11 руб. И всё состыковывали без интернета и мобильных телефонов, их ещё не было в обиходе.

Игры в жмурки, бадминтон, волейбол, футбол. Фотографировали, готовили стенгазеты, фотомонтажи, сочиняли стихи, частушки о друзьях, наших поездках, проводили разборы походов, варили глинтвейн, учились готовить еду (плов от Аваза), писали праздничный ново-

годний сценарий, готовили костюмы, вовлекали младшекурсников в туризм, пекли пироги, торты, обучали и принимали экзамены по медицине у туристов политеха и универа.

Любимый праздник Новый год традиционно проходил на природе, в лесу у костров с пельменями, оливье, хворостом, которые готовили сами, у нарядной елки. Однажды встретили его в 40-градусный мороз, и никто не обморозился.

Поговорим о Наташе. Она одна из ярчайших звёздочек на небосклоне моей жизни. Впервые я встретила и познакомилась с ней в стройотряде в г. Стрежевой, где штукатурили пятиэтажку. Лето 1974 года. Я закончила 1-й курс, Ната — 2-й. Там трудились студенты из Уфы, Казани, Минска, Томска. Вечерами у костра заслушивались её туристическими байками, красочными рассказами о спелеопоходах. Она и увлекла, и привела меня в турклуб «Альтус», за это я благодарна ей и судьбе. С 3-го курса и до окончания института жили с ней вместе в комнате в общежитиях на Московском тракте и на Вершинке. А с нами Сима Чойнзонова, Ната Буржинская, Оля Володарская, Нина Иванникова. Мы учились на разных курсах, факультетах, и учились жить и сотрудничать, быть одной командой и жили на полную катушку.



Наташа с Людмилой Задирако

Наташа Попова — обыкновенная, казалось бы, девчонка, неброская внешность, не высокомерная, была в меру серьёзна, ответственна, в меру беззаботна, весела, умела мечтать, ставить цели, настойчиво их достигать, с разнообразием интересов, с душевным обаянием и красотой, любовью к природе, своей специальности, фантазёрка-затейница, выносливая, заботливая. Ей нравилось хоть изредка угощать нас выпечкой, тортиками собственноручного изготовления.

Студенческая пора. По праздникам у нас всегда были выезды на природу на 2—5 дней. Чтоб придать нашим пропускам занятий в вузе какую-то официальность (всё ж медицина), мы становились бесплатными донорами, нам давали справки. Сдавали кровь 3—4 раза в году по 300—450 мл. Жор нападал на нас потом жуткий. А ведь порой по 15—25 км ножками топтать приходилось в походах. На выездах у нас всегда соблюдался сухой закон. По возвращению сдавали преподавателям пропущенные темы, тратя на это в 3—4 раза больше сил и времени (конспекты монографий, отработка в клиниках, устные опросы педагогов). И всё ж, охота была пуще неволи. На выездах царила такая радость, единение наших душ, взаимовыручка. Песни нас сплачивали. Какие голоса были у Валеры Якубовского, Лёши Стеблева, Тани Балохненко, Коняшкиных! Мы к ним как мотыльки на огонёк летели. Подпевали и те, кому мишки встали на уши, и голоса прорезались у безголосых. Параллельно обучались фотоделу, игре на гитаре, кулинарии, сценарному искусству. Это помогало нам раскрепоститься. На старших курсах уже семьи создавались. А какие сценарии к свадьбам писали и ставили!

Людмилиин очерк, как и другие голоса друзей Наташи, — это своеобразный портрет томского студенчества 70-х годов.

В своей стихии

Спелеология стала для Наташи осевым делом, вокруг него сконцентрировалось очень многое. Во-первых, это круг друзей, которые остались на всю жизнь. Во-вторых, путешествия, и не только в пещеры, поездки во многие уголки страны заполнили все студенческие годы. В-третьих, спорт и тренировки — нужна была хорошая физическая форма, чтобы таскать рюкзаки, лазить по колодцам и шкуродёрам. В-четвёртых, фотография — как не запечатлеть такие красоты на фото? И, в-пятых, кулинария. На разборах походов и на праздниках пекли тортики и пи-



Аваз разливает глинтвейн

роги, варили глинтвейны и всякие вкусности. Во время выездов хотелось накормить своих друзей чем-нибудь особенным.

У сестры сложилась чудесная компания друзей. Им всегда хотелось быть друг с другом, вместе отмечать праздники и, конечно, лазить по пещерам и горам. Среди них: умудрённый опытом шутник и балагур Валерий Розбицкий, всех спасающая и опекающая огненно-рыжая Олечка Володарская, отважная и неутомимая Людмила Задирако, смешливая лучезарноглазая Ниночка Иванникова, ответственная и порой по-детски озорная Наталья Буржинская, мягкая и пугливая Людмила Петрашко, которую так и прозвали — Заяц, рассудительная Сима Чойнзона.

Душой этой компании был Аваз Матхаликов, приехавший в Томск из Ташкента учиться на врача. Внешне худенький, даже щедущий, невысокого роста, с большими выразительными глазами, он обладал непоколебимой духовной крепостью. Да и физической. Занимался боксом, таскал огромные рюкзаки.



... и дегустирует с Людой Петрашко

Однажды в поезде к группе пристал какой-то назойливый пьяный пассажир. Аваз жёстко пресёк его домогательства. Тот полез в драку, замахнулся. Аваз молниеносно отклонился от удара. Этого было достаточно. Драчун сразу оценил ситуацию:

— Всё нормально, ребята, ухожу!

Аваз пользовался безусловным авторитетом у девчонок. После отъезда Валерия Розбицкого руководил неформально практически всеми

выездами и походами. И девчонки, полагаю, были немножко в него влюблены, не только как в друга и товарища. Из всех он выбрал себе в жены Людмилу Петрашко (Зайца). О крепости и значимости дружбы внутри этой компании свидетельствует один эпизод из письма Натальи от 12 июля 1976 года, где она рассказывает о расставании с Авазом. Он закончил вуз и отбывал по месту распределения.

«23 июня мы провожали Аваза. За день до этого, вечером, он пришёл к нам. «Ну что, девчонки, уезжаю я, наверное, завтра», — и грустный-грустный. Нинка запищала, у Задираки слезки на колесиках, я тоже захлюпала. Потом смотрю, а у Буржинской из-под очков крокодилки слезы катятся. «Да не надо, ради Бога, а то я тоже сейчас...» — Аваз выбежал из нашей комнаты как ужаленный. Людмила (жена) потом нас спросила: «Вы что там ему сказали, что он от вас убежал, а у него слезы из глаз катятся?»»

На следующий день вечером они с Людой снова были у нас. Мы их накормили жареными карасями и пообещали прийти на вокзал. Для этого случая купили торт и бутылку шампанского. Поезд отходил в час ночи («Томич»). Прихватили гитару. Прямо на перроне выпили бутылку, ополовинили торт. И пели песни. Играли Нинка и Наташа, и сам Аваз свою «Я к маменьке родной» и нашу «Пампасы». Пришел поезд. Мы, обнявшись, все встали в кружок. Молчали. Я не выдержала, у меня потекли ручьями слезы. Тронулся поезд. Аваз и Людмилка прямо набросились друг на друга. Мы с Нинкой побежали за поездом. Аваз нам долго махал, кричал. Мы только разобрали, что надо смотреть за Зайцем и поддерживать её в трудную минуту. Пришли к нашим девчонкам. Людмила ещё висела на ограде. Мы пешком, медленно-медленно, как похоронная команда, пошли, сиротинушки, домой. Пришли домой часа в три ночи».

Это первое поколение друзей сестры после окончания вуза разъехалось по разным городам Союза. Валера Розбицкий уехал

в Екатеринбург, Аваз увёз Зайца в родной Ташкент, Задирако отправилась в Магнитогорск, Володарская вернулась в Улан-Удэ, Ниночка Иванникова обосновалась в Новокузнецке, Буржинская — в Челябинске. Осталась в Томске только Наташа. У них с Лёшей появилось второе поколение друзей. И дружили они уже семьями. Это супруги Столяровы, Сусловы, Мальцаны, Людмила Смирнова, Галина Панина.

О том, как в Наташину жизнь вошла спелеология, вспоминает их первый руководитель спелеоклуба.

Голоса друзей: Валерий Розбицкий

В 1972 году все старые спелеологи закончили институт, и я остался один. Повесил объявление в главном корпусе о наборе в спелеосекцию. Пришла Наташа с подругами, ещё несколько ребят. Количество колебалось от 10 до 16 человек. Наташа была постоянным кадром. Мне она, конечно, нравилась, но ухаживать за ней я стеснялся, так как был на 6 лет



На выезде с Валерием Розбицким (Валерий слева в нижнем ряду)

старше. В течение 3-х месяцев ушли все, кому эти тренировки и грязные пещеры не понравились. Остались самые стойкие, такие как Наташа, Люда Петрашко, Аваз Матхаликов, Задирако, Буржинская. Даша Хегай. Наташа на всех выездах была отличным организатором и громоотводом, прекрасно готовила, часто брала на себя функции казначея и завхоза, что очень трудно.

В спелеологии нас привлекала возможность открыть для себя потрясающий подземный мир. Когда мы открывали новый участок известной пещеры или вообще новую пещеру, пусть даже маленькую, то это всё равно новое географическое открытие. На Земле всё нанесено на карту, а под землёй нет. Кроме грязных участков, в пещерах были потрясающие залы с каскадами сияющих сталагмитов и сталактитов, да ещё и разноцветных, что совершенно не отражалось на наших черно-белых фотографиях. В пещерах у нас всегда было хорошее настроение, многочисленные царапины и порезы заживали быстро и без всяких следов, что можно объяснить повышенным содержанием радона и отрицательных ионов. Правда, мы об этом не задумывались, хотя о спелеотерапии знали.

Валера Розбицкий однажды спас Наташе жизнь или, по меньшей мере, предотвратил опасное падение со скал. Это было на Тутальских скалах под Юргой, куда спелеологи и альпинисты часто выезжали на тренировки по скалолазанию. Наташа страховала одного, ну, скажем, «амбала». Валера заметил, что сама она не пристрахована, это являлось нарушением техники безопасности.

— Наташа, дай-ка я привяжу тебя за верёвочку, — сказал Валера.

Через некоторое время «амбал» резко рванулся вниз, так что Наташа вместе со страховочной верёвкой полетела за ним и повисла над обрывом на дополнительной страховке, которую навесил Валера.

Кстати, Валера справедливо ставил себе в заслугу то, что во время его руководства не было ни одного трагического случая в клубе или даже сколь-нибудь серьезной травмы.

О спелеопоходах вспоминает и Ольга Володарская:

Голоса друзей: Ольга Володарская

Занятия спелеологией на 1—2 курсе очень сблизили нас с Наташей. Были тренировки на скале, под мостами, поездки в пещеры Хакасии.

В нашей комнате была, можно сказать, «штаб-квартира» секции спелеологии. Лестницы, веревки и другое оборудование хранились под кроватями. Все советские праздники — 7 ноября, 8 марта, 1 мая — выезжали в пещеры Хакасии. Это было интересное, романтическое время. Обычно руководил поездками Валера Розбицкий, Наташа являлась его первой помощницей. В походах проверялась и крепла дружба; плохие, эгоистичные люди не приживались.

Уходили в пещеры утром, а возвращались затемно, ночью. Время, которое уходило на дорогу и обратно, прохождение



В пещеру Сая. Справа налево Люда Карабатова, Наташа, Тигр (Люда Бушланова), Оля Володарская, Заяц (Люда Петрашко), неизвестная. 1975 г.

самой пещеры составляло от 18 до 24 часов. Возвращались по темноте, только на небе сияли яркие звёзды. Наташа хорошо знала звездное небо и научила меня видеть несколько созвездий. Ночевали в каком-нибудь сельском киноклубе, о чём заранее договаривались с местным начальством. Как раз Наташа могла хорошо договариваться с людьми. Народ после тяжёлых испытаний засыпал на ходу. Наташе нравилось быть опорой, помогать. Мне по натуре это близко, мы обе с ней — спасатели. В походах были как две «мамочки».

И вот пришли в жильё (обычно нас было 10—12 человек). Народ падает, а мы с Наташей, как всегда, варим любимую еду — картошку с обжаренными морковкой и луком и иногда с тушенкой. Задаем друг другу вопрос: будить или не будить? Решаем — будить! И вот очень ласково и осторожно будим народ, упрашиваем поесть и очень рады, что народ покушал. В походах у нас, «мамочек», всегда имелись лишние носочки, варежки для друзей. Наташа могла поделиться и своими варежками.

Поездки в пещеры были большим праздником, радостью для нас. Проехать по железной дороге «зайцем» — романтика! Раза 2—3 я была «зайцем» из-за маленького роста. Медики «зайцевали» скромно — из 12—14 человек было всего два «зайца», которые прикрывались старыми билетами. А энергетики из политеха были понаглее. Рассказывают, что однажды на 20—30 человек чуть ли не половина ехали «зайцами». Главная задача «зайцев» была сразу после посадки в вагон «рассосаться», т. е. спрятаться на третьих полках и под сиденьями. Однажды во время посадки в вагон проводник совершенно справедливо посчитал, что билетов ему предъявили меньше, чем зашло пассажиров. Он пошел по вагону проверять билеты, и вдруг с третьей полки падает (не специально!), пролетая на миллиметр от носа проводника, огромный рюкзак. С жутким грохотом он ударяется об пол. На этом проверка билетов закончилась.

Валере Розбицкому запомнился один загадочный и необъяснимый случай, который произошёл в пещере Орешная. Эта

пещера первой категории трудности использовалась обычно для тренировки новичков. Наташа тоже была на этом выезде.

Голоса друзей: Валерий Розбицкий

У пещеры был входной вертикальный колодец глубиной 18 метров, вся остальная огромная пещера была горизонтальна (16—18 км) и легко проходима. Возвращаясь обратно, остановились на отдых в гроте Львиный, так как рядом было подземное озеро с кристально чистой водой. Я набрал полное ведро воды, поставил паяльную лампу и стал кипятить чай. Вдруг одна из девочек вскрикнула:

— А прохода, по которому мы пришли, нет!

Мы с Наташей подошли к напуганной девочке. Она показывает рукой на серую каменную стену, из-под которой виднелась тропка, по ней мы шли. Потрогал рукой — действительно стена, нет тропки.

Я говорю Наташе:



Наташа и Валерий Розбицкий у пещеры Орешная

— Наташа, займись девочками, успокой их. Через час тут должна быть ещё одна группа спелеологов из Томска, 18 человек. Мы должны разойтись с ней в этом гроте, чтобы столпотворения не было в узком проходе и на выходе из пещеры. Наташе удалось погасить панику:

— Девочки, запоминайте всё. Это обычная массовая галлюцинация. Очень интересно!

С ребятами мы тщательно осмотрели все стены и ни одного выхода не нашли. Я встал напротив тропки, идущей к выходу из пещеры, и стал ждать. Вдруг из каменной стены появляется руководитель другой группы спелеологов.

— Стой на месте! Не двигайся!

Он замер. Я подошел к нему, за ним виднелся обычный пещерный ход, по которому в грот входили спелеологи. В гроте появились все 7 ходов. Я объяснил, что с нами случилось, и посоветовал яркой материей отметить вход и выход из грота. Он сказал, что от входного колодца через 200 метров впереди показалась брошенная деревянная изба с повалившимся забором из жердей, затем она исчезла. Видели её все. Если бы не 40 метров под землёй, то всё было обычно. Так как через 2 часа у входного колодца могла появиться ещё одна группа спелеологов, мы быстро пошли на выход. Идти до выхода было метров 400 по ровной тропе. Я уходил последним. Впереди слышались крики:

— Изба!

Поднялись наверх из колодца.

— Кто видел под землей избу? — спрашиваю.

Оказалось, 8 человек из 12. Больше никогда ничего подобного ни с кем не случилось.

Валера очень ярко описал красоту подземного мира. О красотах пещер я рассказывала родителям в письмах. После поездки в Кашкулак в письме от 24.05.1976 пишу: «На первое мая мы ездили



Нерукотворная скульптура в пещере
Кашкулак

в Кашкулак, в Хакасию. Выезд был великолепный, ничего красивее этой пещеры я не видела. Там прямо в первом входе «растут» ледяные тюльпаны, их целая поляна. Это такое чудо — у меня слов не было! А грот Мракобесов — сказка! Словами не опишешь! Наташа должна выслать вам фотографии из пещеры и нас на улицах Томска в новых пальто». Эти фотографии сохранились — вид спереди и сзади. Я купила пальто болотного цвета, Наталья — красного.

И это только одна пещера. А сколько их было с подземными озёрами, водопадами, феерическими гротами и замысловатыми колоннами-сталактитами, появляющимися и исчезающими избами!

И каждая поездка — это обязательно приключение.



В том самом пальто

Голоса друзей: Наталья Буржинская (Лаврова)

1975 год, Хакасия. Пятеро студентов-спелеологов приехали в солнечную Хакасию. В глухой деревне старый хакас предупредил о большом количестве рысей и посоветовал вооружиться палками.

— Несите их как ружья — на плечах, — сказал он нам на прощание.

Предутренный темный лес был неприветлив. Наталья всех нас «поставила под ружьё», и так мы шли, воинственно уткнув палки в небо. Довольно быстро добрались до пещеры. Я первая опустилась в грот, достаточно большой, как спортзал, — и

в одной из ниш увидела... рысь! Я заорала оставшимся наверху. На помощь ко мне спустилась Наталья. Вот уж воистину: почувствовав опасность, пропусти вперед женщину. Следом спустился Аваз с ножом... перочинным и ржавым. А за ним — остальные. Отчаянно и храбро мы пошли на смертельную борьбу. Драйв испытали ещё тот!

Наш отважный Аваз всегда был мужчиной и защитником, он резко бросился к нише и...заржал. Это был камень, похожий на рысь. Какое долгое веселье царило в гроте! Его и спустя 40 лет всё ещё живо помнишь! Последующие гроты, колодцы и шкуродеры преодолели без приключений.

Белый свет после подземелья нас встретил солнышком и теплом. Девочки — Задирако, Попова, Буржинская — пошли чистить перышки в сосенки. И вдруг заорала Задирако, беспрерывно тыча пальцем в небо: над нами медленно проплывала летающая тарелка. По форме бесшумно летящий аппарат напоминал шляпу с длинными полями. На корпусе по кругу были прорези. Мы онемели. Потом оцепенение прошло, и Наталья безапелляционно заявила, что это космический



Наташа Буржинская (слева)

спутник. Приказала живее собираться — поход заканчивался. И до, и после было много походов, наполненных интересными событиями, красотами и радостным общением друг с другом!

Я отследила по первому дневнику, сколько же поездок Наташа с друзьями совершила за год. И так. За полторы недели до нового 1976 года два раза съездили в пещеру Торгашинскую под Красноярском. Во второй половине января 1977 года после досрочно сданной сессии едут своей компанией в пещеры Миртовская и Кирилловская. В конце января-начале февраля Наташа с подругами летит в Москву — «просто посмотреть, походить по музеям и театрам». В Москве Наташе понравилось, девушки посетили все туристические знаковые места.

В итоге к началу нового семестра «дебет с кредитом» не сходится, долг 150 рублей (это примерно четыре стипендии), необходимо много подрабатывать, чтобы рассчитаться с долгами и заработать на новые спелеотуры, так как Наташа собирается



Пещера Саксырская. Посвящение в спелеологи. 1977 г.

ещё более активно заниматься спелеологией. Затем, в конце марта-начале апреля поездка в пещеру Геологическую на Алтай. Хотя Наташа твёрдо решила «не ехать» — её уговорили и очень грамотно обработали («Ведь изведёшься же, если не поедешь». «Собирайся, всё равно ведь поедешь!»). В апреле едут в Назаровские пещеры. В мае — Кашкулак. Летом — в Подгорное на практику. В августе — в Кубинку и потом на Алтай, снова в Геофизическую. В октябре уже нового учебного года — в Саксырскую. Одиннадцать поездок за неполный год! И ещё Наташа удивляется и ругает себя за огромные долги. А как им не быть?

Голоса друзей: Ирина Маромыгина (Мокина)

Вот уж никогда не думала, что придется писать воспоминания, что ушли удивительные люди, которые были рядом в то удивительное волшебное студенческое время.



Ирина Маромыгина на страховке. Пещера Шора, апрель 1980 г.

Боже мой! Я уже 35 лет работаю после окончания института! А мы встретились с Наташей Поповой в 1975 г. в «Альтусе». Жизнь в «Альтусе» кипела. Туристы взахлеб рассказывали о походах, альпинисты — о вершинах, а спелеологи — о подземных приключениях. Наташа Попова и Люся Задирако были главные спелеологини. Мы, новички, смотрели на них с восхищением¹.

Никогда не забуду свою первую пещеру — Саксырская. Нас было трое новичков. В три больших вертикальных колодца спускались по одному на самое дно. Там, в подземном зале, нас троих Наташа и Люся посвящали в спелеологи: как полагается, огрели калошей в очень теплой и торжественной обстановке. Мы были счастливы. Потом — никогда не забуду — они нашли вертикальный довольно большой подъем-стенку и выход в ещё один удивительно красивый зал. Я за ними карабкалась, забыв о страхе, о страховке. А они были в своей стихии восхитительны и прекрасны. Потом был разбор похода в клубе — нас хвалили Наташа и Люся, это было очень приятно. С той поры пещеры — моя любовь.

Встречали Новый год в лесу под елочкой. Звезды, ночь. Костер, песни под гитару, горячие пельмени, смех, веселье, несмотря на мороз. Наташа была в цветастой пестрой длинной юбке, ярком платке, черном приталенном полушубке, румя-



Романтическая спелеологиня.
Ирина Маромыгина в пещере
Кашкулак, 1980 г.

1. Название туристического клуба мединститута «Альтус» получается от соединения первых букв слов «альпинизм, туризм, спелеология». В переводе с латыни altus означает «высокий, крутой».

ная, веселая, задорная, темные кудри из-под платка — залюбуешься — краса. Хочу помнить её такой: красивой, смелой, очень обаятельной, заботливой.

Последний студенческий Новый год Наташа с друзьями встречала в Куманово в избушке. «Очень, очень весело и хорошо проводили старый и встретили Новый, Боже мой! Уже 1978 год! В этом году закончу институт... Что там впереди?»

Как здорово встречать Новый год просто в лесу! Живая ёлка на небольшой опушке, окружённой вековыми деревьями, наряжена и увита гирляндами. Самодельный длинный и узкий стол из двух досок и на нём пироги и вино. Падает пушистый-пушистый снег. В первые минуты Нового года живешь с ощущением благодатной новизны и в предвкушении счастья.

В «Альтус» прибывали новички. Наташа и её подруги становились мэтрами. Они обучали молодёжь, вывозили их в пещеры,



Наташа Буржинская, Наташа и новенькая, не дотянувшая до фотосессии

на скалы, приобщали к увлекательному миру спелеотуризма. Таким новичком была Людмила Смирнова, которая и по сей день хранит верность и любовь к спелеологии.

Голоса друзей: Людмила Смирнова

Наташа Попова и Наташа Ситожевская — наверно, это два разных человека? Наверно, да.

Сколько раз я собиралась писать. И вот пишу. Мысли — пунктиром, а чёткая и ясная картина, как бы исчезла.

Итак, сначала о Наташе Поповой.

Наташка, Наташка... Не раз думала о том, что если бы не Наташа, то вряд ли бы я была спелеологом. Сейчас понимаю, что скорее всего это не так, но много их было — Старших Героев, тех, на которых хотелось быть похожим, но Наташка, да, она была особенной, той, за которой идти хотелось просто однозначно и без оглядки, причем во всем и всю жизнь. Конечно, их было две спелеомамы: Наташа Попова и Люся Задирако. И были они очень разные, и вместе с тем чем-то неуловимо похожие — старшие. Для

студентов младшекурсников разница в возрасте в 6—7 лет — это уже запредельный космос. Но тем не менее с первой же пещеры они безоговорочно приняли нас в свое братство и, как нам тогда казалось, полюбили нас сразу и безусловно. Как любит всех своих детей мама. Вот именно сейчас, пока я пишу эти строки, я очень отчетливо поняла, что всё моё последующее общение с приходящими в клуб новичками я всегда строила



Людмила Смирнова

по образу и подобию тех отношений, какие когда-то давно выстраивали с нами Наташа и Люся. Совершенно подсознательно, не отдавая себе в этом отчета, но тем не менее точно так же принимала я безоговорочно всех и каждого, каждого пыталась окружить почти материнской заботой и вниманием. Люди, приходившие к нам из других клубов, говорили, что отношение к новичкам — это отличительная особенность «Альтуса». Надо сказать, что впоследствии мы даже этим гордились. Но, повторюсь, полностью я осознала, что это пришло к нам именно от Наташи и Люси, только сейчас. В среде горников (горных туристов — В. Л.) все было гораздо жестче, да и, наверное, не могло быть по-другому в мужской компании. И в 18—20 лет мне, как ребёнку, хотелось вновь и вновь окунуться в эту атмосферу безусловного приятия, где можно было просто быть собой и быть не только принятой, и даже, казалось, понятой. Да, скорее всего, это и было основой того, что я осталась именно в спелео.

Зимой 80-го, когда Наташа и Люся уже не были студентами, мы пошли в пещеры под руководством Иринки Маромыгиной. Она всего на 3 года старше нас, и, хотя стиль общения был такой же, но с ней мы были почти на равных. А вот это ощу-



Выезд в пещеру Баджей. 1980 г.

щение, что рядом с тобой надёжные старшие товарищи было только с Наташей и Люсей. Надо сказать, что пронесли мы его через всю жизнь. Но только к Наташе я до 40 с лишним лет ходила советоваться в сложных жизненных ситуациях. Её мнение было очень ценно для меня. Её пример всегда вдохновлял на подвиги, в том числе и трудовые.

Первое впечатление не помню! В Бородинку, мою первую пещеру, в 1978 году нас водила Люся Задирако. Наверное, она и рассказала нам про Наташу Попову. Первое, что запомнилось и бросилось в глаза до всего остального — это её красота. Наташка всегда, всю жизнь, была для меня очень красивой, просто потрясающе красивой и очаровательной женщиной. Открытая улыбка, веселый нрав в сочетании с яркой внешностью производили неизгладимое впечатление! С ней хотелось общаться, ходить, дружить. Кроме, пожалуй, Галки Латынцевой, Наташка была единственная девушка, кем я просто откровенно любовалась. Иринка Маромыгина вспомнила встречу нового 1979 года. Я тоже там была, это первая моя новогодняя ночь с «Альтусом» в морозном лесу под живой елкой. То, что так ярко описала Иринка про Наташину внешность, тоже врезалось в мою память: длинная юбка, черный короткий овчинный полушубок и поверх него — чёрный платок с алыми цветами и длинными кистями, а из-под платка — иссиня-черные весёлые кудри! Наталья была неотразима! Кажется, она была Снегурочкой в ту ночь. Наверное, это была самая красивая Снегурочка в моей жизни. Да, валенки! Я забыла про валенки. Наташа, как и все остальные участники, была в валенках, которые только придавали



Внимание, снимаю!

шарм образу. Вряд ли это было первое общение с Наташей, но, по крайней мере, это одно из наиболее ярких первых запомнившихся и восхитивших впечатлений.

Потом был Кашкулак на 8 Марта 1979 года. Водили нас уже Наташа и Люся. Что осталось в памяти с того времени? Люся нас водила в Бородинку и была уже знакомой и своей. Наташа же для нас, вчерашних новичков, являлась почти легендой. Люся проще, а Наташа — это чувствовалось сразу — была серьёзнее и серьёзней относилась ко всему. Это внушало уважение и даже пиетет. Всю большую толпу новичков разбили на тех, кто шёл в пещеру первый раз, и тех, кто уже был в пещере раньше. Группу более опытных повели на полное прохождение Кашкулака со спуском в Мрачный и подъемом в грот Армейцев (Красноармейцев). В эту группку «опытных» попала и я, так как уже была в Бородинке. Лариса, тогда Дрожжина, производила впечатление спортивной девочки, и её тоже взяли на полное прохождение. Кто ещё был в этой группе, помню плохо. Думаю, что Удав (кличка) и точно Лёня Мальцан и Иринка Маромыгина. Если мне не изменяет память, группу новичков вела Люся, а группу «старичков» — Наташа. Мне не было тогда страшно: я представления не имела, что меня ждет, но точно знала одно: подвести я не могла ни в коем случае!!!

Где мы ходили и что нам показывали, я, будучи по сути, в первой настоящей пещере, воспринимала как в тумане. И соотнесла свои воспоминания с пройденным маршрутом уже при последующих прохождениях Кашкулака. Опишу просто самые яркие моменты того выхода. Сначала нас по традиции повели в грот Мракобесы. Но их красоту я оценила и осознала тоже позднее. Потом мы всей толпой пошли в основную часть пещеры через ход со странным названием: Ход Конём. Нас предупредили, что под нами колодец сколько-то метров и падать туда никак нельзя. Кто-то подсаживал и буквально закидывал снизу на скользкую полку над колодцем. Люся стояла в распорах над чёрным зияющим провалом и просто-таки за шкирку протаскивала нас над опасным местом. Наташа принимала в Ходу Конём. Понятно, что верёвки там

мы не использовали вообще. Ни по дороге туда, ни на обратной дороге.

В 2012 году мы вели здесь группу школьников. Всё было обвешано веревками. Дети 14–16 лет шли по Ходу Конём на SRT (прохождение опасных участков по специальным навескам) и боялись «закачнуться» в ход маятником! Чем старше я становлюсь, тем с большим восхищением я вспоминаю тот, по сути, первый настоящий выход. Как две хрупких девушки без какого-либо снаряжения совершенно спокойно протащили толпу новичков над колодезем?! И, самое главное: они нам внушили, что мы пройдем и сможем, и мы шли, и не сомневались! Просто доверились Наташе и Люсе, слушали, что они говорили, и прошли. Было страшно, да, но нам передалась уверенность старших. А сами даже не знали, что такое распор! Может, сейчас кто-то скажет, что это безумие. Не знаю. Нет. Это называлось по-другому. Помните проштампованное выражение: «Безумству храбрых поём мы песню»? А тогда был культ храбрых, смелых и сильных, и пройти сложное место надо было грамотно, уверенно и красиво. Тогда мы ни



В пещере со спелеологами клуба «Аид» Томского политеха

на минуту не сомневались, что именно так и должны ходить Настоящие Спелеологи. И никак иначе! Эпоха сильных и смелых ещё шагала по стране, широко расправив плечи и гордо поднимая голову. Но до конца оставалось каких-то 10 лет. Из колодцев выходили, конечно, по лестницам, а спускались — коромыслом. Естественно, с верхней страховкой. А вот на спуске в распрах из Армейцев верёвка снова не пред-



Всем к столу!

полагалась. Наташа помогала, рассказывала, как проходить распор, а Люся принимала внизу.

Подъёма из Мрачного боялись. Очень уж внушительным был этот спуск! Но все вышли без эксцессов. Некоторые легко и быстро, а некоторые исключительно на силе воли и самолюбии! После подъёма из Мрачного, когда мы все были уже достаточно вымотанными, так как, естественно, выходили по лестнице в первый раз исключительно на руках, мы узнали, что идем ещё куда-то, в какой-то Звездный. В Звездный надо было подниматься «гимнастическим способом», который нам пришлось осваивать на этом же подъеме. Уставшая рука предательски скользила и не хотела держать глинистую веревку. Галка Панина высказала всё, что она думает по поводу моей бестолковости, и показала, как надо заламывать веревку ребром ладони, чтобы она держала. Ну и да, очередным усилием воли я поднялась в Звездный, потому что сил в руках уже не было никаких, но падать вниз не хотелось.

В Звездном нас встречала Наташа. Она умела рассказать и показать то, что другие бы и не заметили. По крайней мере, уставшие, мы бы даже не подняли головы вверх и не увидели бы звёзды в пещере и жемчуг в Жемчужном. Наверх мы вышли совершенно обессиленные и шли, засыпая на ходу, 13 км по морозной дороге до Топаново. И если бы вовремя не проснулась Задирака, то ушли бы все по другой дороге. Последний штрих выхода — игра в фанты в Тайге во время ожидания электрички. Мы выпались в поезде и веселили пассажиров сначала калошеванием, а потом веселой игрой, в которую волей-неволей оказались вовлечены все находящиеся рядом. В Томск мы возвращались уже близкими друзьями. Как нам тогда казалось, друзьями на всю жизнь. Собственно, наши ощущения почти 40-летней (!) давности были не так далеки от истинного положения вещей.

Именно после Кашкулака, который мы, дохлые-предохлые новички, прошли почти на пределе своих скромных на тот момент возможностей, мы ощутили, что значит Альтусовское братство, скрепленное походом со всеми его трудностями, ответственностью за жизнь друг друга и, в конце концов, просто беззаботным весельем молодости.

Мы едем-едем...

Почему мы так любили путешествия? Понятно, потому же, почему их все любят. Но речь идёт не только о жажде новых впечатлений. В наших туристических компаниях тех лет складывалась особая атмосфера общения (во всяком случае, в туризме тех лет): легкая, весёлая, доброжелательная. И при этом сохранялись очень ответственные отношения друг к другу. Люди иной пробы не приживались. Отправляясь в пещеры, в горы, не только наслаждаешься красотами и общением с друзьями, но и рискуешь здоровьем, жизнью, испытываешь тяжелые физические нагрузки. Хочешь-не хочешь, а подсознательно учишься сканировать людей: доверишься-не доверишься.

Советская эпоха 70-х-начала 80-х годов, как я себе сейчас представляю, была самым благоприятным временем для путешествий. Билеты на автобусы, поезда и даже самолеты были очень дешёвыми. Для студентов существовали 50%-е скидки. На такие расстояния и столько, сколько мы путешествовали во время учебы, путешествовать уже больше не доводилось. Мы с легкостью поднимались, летели и ехали за многие тысячи километров. Жили у друзей, родственников, в палатках, в турклубах. Помню, как после третьего курса мы с девчонками полетели в Якутию, в Ленск, работать пионервожатыми в пионерлагере. Так мы решили отработать пионерскую практику. Нас туда повезла Таня Двоглазова, которая сама была из Ленска. Потом, заработав немного денег, махнули через всю страну в Киев, где жила подруга нашей старосты Тани Паранько. Потом решили побывать на Черном море и из Киева поехали в Николаев, где

жила Танина тётя. Нас подвело незнание географии. Оказалось, что Николаев стоит не на Черном море, а на лимане, образованном Бугом. Тяжелый промышленный город, где мы не нашли ни одного приличного пляжа.

Путешествие на Дальний Восток по маршруту: Томск — Улан-Удэ, Иволгинск: (Иволгинский дацан) — Хабаровск — пещера Соляник на Чандолазе — Уссурийск — Находка — пещера Великан (не дошли до неё из-за дождей) — Алексеевка — Сергеевка — Владивосток (о-ва Попова, Рейнеке в Японском море) — Томск обошлось нам в 120 рублей с человека. Для молодого поколения объясняю: 120 рублей — это практически чуть меньше, чем среднемесячная заработная плата. Молодой специалист после вуза получал 105 рублей.

Во время учебного года на праздники никогда не оставались в общежитии, уезжали либо в какую-нибудь пещеру, либо в Юргу или Красноярск на скалы. Весной на майские праздники, бывало, сплавливались.

Вспоминая что-нибудь интересное из наших путешествий, какие-то эпизоды яркие, я радовалась всегда и думала: «Наташе расскажу». И потом, после её ухода, ещё часто во мне возникало это желание, которое разбивалось вмиг: «Наташи нет».

Так я вспомнила эпизод о посещении вокзального ресторана в Тайге, когда мы возвращались из пещеры, возможно, Боджейской или Кашкулака. Обычно на станции Тайга мы шли в деповскую столовую: петляли долго по рельсам в темноте, потом заходили в огромный ангар, и где-то в его глубине, в пропахших мазутом недрах, была большая непритязательная рабочая столовая. А тут мы где-то очень сильно сэкономили, и у нас осталось столько денег, что мы, подсчитав, решили пообедать в ресторане. Тем более случилось это на 8-е Марта. После грязных деповских столовых, общих вагонов, холодных пещер в заштатном вокзальном ресторане мы почувствовали себя как на королевском приеме: залитый солнцем большой зал, белые салфетки, блеск стек-

ла (хотелось бы написать «серебра и хрустала»). Нам хватило денег даже на то, чтобы заказать всем по сто граммов красного вина. Я вижу это вино в простой маленькой рюмочке на ножке, рядом тарелка с аппетитной котлетой по-киевски. Уже это давало такое предвкушение праздника, что можно было и не есть и не пить. Но поев и выпив, мы ощутили полное блаженство.

Их было очень много, поездок, путешествий, всего не вспомнишь и не опишешь, но всё же хотелось бы несколько страниц посвятить нашим странствиям.

Август 1977 года — путешествие по Байкалу

В это путешествие мы отправились вчетвером — четыре девчонки безо всякого мужского сопровождения. Мы собирались обогнуть весь Байкал на теплоходе «Комсомолец», останавливаясь на несколько дней в самых интересных местах: горячие родоновые источники в Хакусах, озеро Фролиха у северной оконечности Байкала, остров Ольхон, Иркутск.

Наташа проходила медицинскую практику у Ольги Володарской в Улан-Удэ. Оттуда и началось наше путешествие. В Улан-Удэ я приехала поездом после сплава по Бии. На следующий день мы поехали вместе в Новоселенгинск к Симе Чойнзоновой, которая присоединилась к нашему путешествию. У них, как записала Наташа, всё просто, по-деревенски. Семья дружная, постоянно работают, дела идут споро. Гостей встречают очень радушно. Во дворе на улице стоял большой стол, за который все усаживались.

Мне запомнилось купание в реке Селенге и посещение могил декабристов. В степи недалеко от реки в очень пустынном месте похоронены Николай Бестужев, его друг Торсон, мать Торсона, жена Михаила Бестужева и его любимый сын. Издалека видны белые кресты и монумент. Наташа с огромным почтением и интересом относилась к декабристам. Книгу Гессена о декабристах «Во глубине сибирских руд» прочла три раза. Сестра собрала

простые полевые цветы: душицу, звездочки, — других не было, и положила их на могилы. Вокруг до горизонта простиралась сухая степь.

Впервые в Улан-Удэ мы посетили большой этнографический музей под открытым небом с русскими избами, церквями, бурятскими юртами, нас он впечатлил.

Запомнилась необыкновенная поездка в Иволгинский дацан, центр ламаистской (буддийской) религии в России. Дацан — это ламаистский монастырь с храмом, библиотекой, домами для монахов (лам), различными культовыми сооружениями. Сам храм поразил нас своей необычной архитектурой. Ничего подобного мы раньше не видели. Был так ярко и пестро раскрашен, что производил впечатление временной декорации для исторического фильма. Крыльцо украшали два свирепых саблезубых тигра. Мы покрутили большие барабаны, которые должны были уменьшить наши грехи. Нам очень хотелось попасть внутрь храма. Ключи находились у дежурного ламы, его долго искали. Причем к поискам присоединился и старик сторож. Было холодно, пасмурно, время от времени накрапывал дождь. И вот мы, бесприютные, под дождем блуждаем по деревне, где живут ламы в небольших, аккуратных одинаковых деревянных домиках, выкрашенных в шафранный цвет. Они стояли в несколько рядов недалеко от храма.

Сима поговорила о чём-то с проходящим мимо стариком на бурятском языке, и он пригласил нас зайти. Мы оказались в одном из домиков ламы. Нас напоили чаем с простыми конфетами, пряниками и печеньем, и ещё там была молочная пенка — особое бурятское лакомство, называется, кажется, урмэ. Мы так и не поняли, сидел ли сам лама за широкой занавеской. Поил нас чаем его помощник, келейник, как бы мы сказали. Мне казалось, что из-за полога доносятся вздохи и шелест. Для нас всё было необычно: небольшой алтарь с курительницами, позолоченными фигурками Будды. Из-за ширмы мы видели только часть алтаря.

На стенах висели цветные бумажные картинки, изображающие святых. У двери стоял большой холодильник. Старик пояснил, что из всех технических предметов ламе разрешено пользоваться только холодильником и радио. Но электричество в доме тоже было. У гостеприимного старичка мы согрелись, просохли, подкрепились и возрадовались. Но в храм так и не попали, лама с ключами не нашёлся. Нам надо было спешить на рейсовый автобус. Только через год, во время путешествия на Дальний Восток, будучи опять в гостях у Ольги в Улан-Удэ, мы снова поехали в дацан и смогли зайти в храм.

Чтобы Ольгу отпустили с нами в путешествие, ей пришлось ввести отца в заблуждение, а проще — наврать. Она рассказывала ему, что на причале, в Баргузине, мы встречаемся с крепкими парнями-туристами, которые в намеченный срок подъедут из Томска. В их сопровождении мы и отправимся в самые отдаленные уголки Прибайкалья. Истина заключалась в том, что в путешествие отправлялись четыре хрупких девушки. Из средств защиты у нас были коммуникабельность, обаяние, маленький топор и несколько столовых ножей. А ехали мы, как потом оказалось, в места небезопасные, отдаленные, их называли медвежьими углами: на таёжном озере Фролиха, у северной оконечности Байкала, куда мы отправлялись, медведей было очень много, и чувствовали они там себя вольготно, так как ни дорог, ни поселений вокруг не было.

Наше путешествие началось с автобусного маршрута Улан-Удэ — Усть-Баргузин. По дороге любовались чудесными видами отрогов Хамардабана.

Наташа в дневниках вспоминает встречу в Усть-Баргузине с необыкновенным ребёнком, Максимкой. Мне он тоже запомнился: голубоглазый рослый шестилетний мальчик с белокурыми локонами, как у маленького Ленина на октябрятских звездочках. Мы варили обед на огороде у одной доброй женщины. Там у неё стояла печь, и она пустила нас приготовить суп. Он

подошел к нам и с изумительной открытостью и непосредственностью стал общаться. И, самое удивительное, тут же стал предлагать нам помощь: «Давайте я принесу дров», «Давайте я вам чай принесу». Когда суп сварился, мы пригласили его пообедать с нами.

— Сейчас у мамы спрошу (!), — и тут же помчался домой.

Прибежал назад с пачкой печенья и с приглашением от родителей прийти к ним в гости вечером. Нам было интересно, что же за родители воспитали такого чудесного ребёнка. Они снимали квартиру неподалеку от того места, где мы варили обед. Родители

оказались действительно замечательными. Мама — океанограф, папа — радиотехник, инструктор по альпинизму, то есть — туристическая семья. В общем, «свои своя познаша». Весь вечер мы пили у них чай, разговаривали, смотрели фотографии.

В ожидании «Комсомольца», парохода, курсировавшего по Байкалу, мы решили ещё сходить на озеро Щучье, километрах в пяти от Баргузина. Остановились на рыбацком стане у дяди Гани и трёх мальчишек. Это озеро запомнилось мне как одно из самых красивых среди тех, которые мне довелось видеть. В нём не было ничего от суровой красоты высокогорных озер. Небольшое, открытое, обозримое со всеми дальними и ближними берегами, правильной круглой формы. У него была чудесная береговая линия — из мелкого зыбучего песка. Цвет воды — на-



Вера с Максимкой

сыщенный синий с белыми барашками (дул ветер), золотился песок и дальше круг зелёного камыша. Мы купались и грелись на солнце, зарывались в горячий песок. Обратном в Баргузин мальчишки довели нас на подводе.

Мы сели на корабль и взяли курс на Хакусы, от которых потом надо было идти 11 километров до озера Фролиха. Не знали толком, как идти, у нас была только невнятная туристическая схема маршрута. На пароходе стали расспрашивать и искать попутчиков. Скоро мы их нашли: Серёжа и Коля из Иркутска. Серёжа — врач, анестезиолог. У него интересная история: закончил авиационный техникум. Прочитал книгу Вогралика «Очерки китайской медицины». Свой диплом положил в сундук, закончил экстерном десятилетку, мединститут и потом стал заниматься иглотерапией, ездил учиться в Китай. Не расставался с иглами — серебряные иглы в бархатном футляре были при нём. Самым смелым из нас, не помню кому, наверное, Наташе, он их вкалывал — делал сеанс иглотерапии. Лекарственные растения прекрасно знали оба. С этой встречи началось Наташино увлечение иглоукалыванием, су-джок, и лекарственными растениями.



В Баргузин на телеге

В Хакусах «Комсомолец» сделал первую остановку. Отсюда начиналась дорога на Фролиху. Достопримечательностью этих мест являлись горячие радоновые источники. Над этими источниками были устроены простые деревянные купальни. Здесь их называли банями, отдельно для мужчин и женщин. Бани относились к маленькому местному санаторию, но в них можно было купаться всем и бесплатно. Вот мы и накупались впервые в радоновых банях.

Дорог к Фролихе нет, только тропы, по которым ходят рыбаки и туристы. Озеро поразило своим диким и девственным видом. Оно зажато подступившими вплотную к берегам высокими лесистыми сопками. Линия берега, огибая сопки, скрывается за ними. С нашего берега озеро имело вид реки. Мы поставили палатку, сварили обед. Купаться не решились — вода была отчаянно холодной, как в Байкале. На следующий день мы запланировали радиалку — покорение одной из близлежащих сопкок. Нам хотелось с её вершины осмотреть долину озера. Однако затея не удалась. Дорога к вершине оказалась непроходимой: из-за высокой травы, сплетшихся кустов и сухостоя лес напоминал непрístupную бразильскую сельву.

В этот день мы нашли выброшенную на берег уплощённую корягу, напоминавшую человеческую фигурку.

— Это будет наша доча, — решила Оленька.

Она нарядила её, украсила листьями и поставила возле палатки. Всю неделю «доча» охраняла и забавляла нас.

Два обстоятельства омрачили наше пребывание на Фролихе. Первое — это пожары. Неподалёку в лесах начались пожары, и спустя три дня вся долина задымилась. Мы опасались, как бы потревоженные пожаром медведи толпами не прибежали на озеро.

И второе обстоятельство было связано с плотиком. Утлый плотик, оставшийся от рыбаков, Наташа нашла прибывшимся к берегу и решила на нём совершить путешествие по озеру. Она

взяла длинный шест и ничтоже сумняшеся, оттолкнувшись им от каменистого дна, отправилась в плавание. Наше волнение началось тогда, когда отважная морячка, помаячив недалеко от берега, исчезла из поля видимости и довольно долго не появлялась. Мы попытались пройти берегом в ту сторону, куда она уплыла. Но берег был непроходимый, как и подъём на сопку. Сопки, круто обрываясь в воду, закрывали панораму озера, мы не могли представить, что там, за поворотом: разлив ли, водоворот. Оставалось только метаться по узкой береговой линии нашего лагеря и высматривать Наташу. Вода была очень холодная. Наташа поплыла босиком. Так недолго и до судорог. У нас началась паника, время от времени меня била нервная дрожь. Наташа вернулась через два часа. Безмерно уставшая, она подплыла на своём плотике к берегу. Мы, издерганные и испуганные, накинулись на неё с руганью. Наверное, перегнули палку, но это со страху.

Наутро Наташа записывает: «Через месяц мне 23. Честное слово, я не рада, что живу. Только сейчас успокоилась. Глупая, ревела весь вечер. И даже сегодня утром до конца не могла успокоиться». Но всё-таки желание запечатлеть всё в дневнике берет верх, и Наташа обращается к продолжению прерванных записей: «Значит, мы у Симы. У них всё по-простому...» Когда она приплыла, ноги от холодной воды у неё были ярко-лиловые. Она мне призналась потом, что её на этом плотике стало закручивать в омут, и она едва выбралась. Я думаю, что её рыдания были еще и следствием стресса, который она испытала во время этого на самом деле безрассудного путешествия. Потом она упрямо напишет: «Может быть, и осталось от Байкала самое запоминающееся — это путешествие на утлом плотике из двух бревен через Фролиху».

На следующий день нашими соседями по лагерю стала пара из Новосибирска. Миша и Наташа, студенты НГУ, отправились на Байкал в свадебное путешествие и решили заглянуть

на Фролиху. Наташа — светлая, по-детски круглоглазая, по виду стопроцентная отличница и перфекционистка. Миша — темно-волосый, симпатичный, мужественный, несомненно, будущий академгородковский интеллектуал. Миша поразил и полюбился нам тем, что обращался к нам очень необычно: «барышни». Утром, собираясь с нами на рыбалку, он ласково звал нас, дрыхнувших в палатках:

— Барышни, вы готовы?

Лохматые сонные барышни высовывались из палатки и говорили:

— Да, да, мы сейчас!

А вот в томской туристической среде парни часто звали девочек «тётки». Особенно это было в ходу в политехе, оттуда такая мода распространялась и на другие клубы. Да-а-а, «барышни» вам не «тётки».

Я уже говорила, что на Фролиху специально ходили рыбаки, это место славилось замечательной рыбалкой. Миша оказался не только будущим интеллектуалом, но и рыбаком. У него было много рыболовецких снастей, и он всем нам соорудил по удочке. И вот одним не ранним утром наша компания отправилась рыбачить. Мы устроились неподалёку от трёх рыбаков и забросили удочки. Поскольку наши удочки нас никак не беспокоили, клёва не было, мы стали присматриваться к соседям. Те беспрерывно выдергивали из воды свои удочки с крупными рыбами на крючке. Мы пересели ближе к ним — никакого эффекта: они одну за другой ловят рыбу, наши удочки бездействуют. Тогда мы набрались наглости и сели прямо рядом с ними — тот же результат. Но тут нам открылась тайна их рыбацкого счастья. Из жестяных баночек они доставали необычных карминно-красных червей и нанизывали их на крючок. И этих червей с жадностью заглатывали рыбы, не обращая никакого внимания на наших.

— А что это за черви? — спросила Наташа. — Почему у них такой цвет?

— Мы их фуксином красим, — это сказал Иосиф, или Иося, как мы его потом стали звать.

— А зачем?

— Как зачем? Рыба она, как женщина, тоже красивое любит.

Было ли дело в эстетических пристрастиях местной рыбы или Иося знал какие-то специфические особенности байкальской рыбалки, мы так и не разгадали. Достоверно лишь то, что ни одной рыбы на свои удочки мы не поймали. Кроме Миши. Миша ушёл в какое-то укромное место и поймал огромного линя. Я и сейчас ясно вижу сияющее лицо Миши, который держит в руках королевского, размером не меньше метра линька. Вечером у нас был настоящий рыбацкий пир.

Возвращались мы обратно большой компанией. В Хакусах грузились на пароход ночью. Наташа описала эту посадку: «Мы садились на корабль: темно, сыплет мелкий дождь, прожектора «Комсомольца» шарят по воде у берега, высвечивая шлюпку. Байкал штормит. Мы спускаемся в трюм. Рядом наши знакомые Иося и К». В трюм мы спускались, не только прячась от непогоды, но и чтобы не привлекать к себе внимания, так как билетов мы, естественно, не брали. Мы не брали билетов везде, где можно было их не брать, — сэкономили. Корабль «Комсомолец» оказался таким заповедником коммунизма, где можно было не брать билеты. Правда, не все это знали. «Комсомолец» той поры отличался не только коммунистической экономикой, но пестрым, порой контрастным составом пассажиров. Ехала группа из Прибалтики, очень милые люди. Они держались вместе, взявшись за руки, танцевали и пели свои песни на палубе. И пожилые, и совсем молодые, распевая национальные песни, приплясывали в хороводе. Всё это было очень симпатично и, кроме того, вызывало здоровую зависть, потому что представить себе такой русскую компанию было невозможно. А вот что было: пьяные русские рыбаки нарочито громко пели русские

песни, чтобы перекричать прибалтов (скрытый национальный конфликт), и громче всех в этом нестройном хоре орал Иося.

К этому эпизоду относится Наташина запись: «Я третий раз перечитываю книгу «Во глубине сибирских руд» и всё больше и больше поражаюсь красоте душ этих людей, их уму, доброте. Самоотверженности их милых жен. И вот контраст: мы плывем на «Комсомольце». Настоящее горьковское дно. Пьяных... Противно смотреть. Не просыхают». И правда, на «Комсомольце» наблюдался массовый запой такого размаха, как будто на завтра объявлен конец света, и надо навечно забыться до его наступления. Название корабля выглядело издевательски и приговором всему комсомольско-молодежному движению.

Но даже среди всех этих запойных встречались и приятные люди. Мы познакомились с добрым симпатичным (правда, тоже немного пьяненьким) Володей из Иркутска, которого мы за длинный нос стали звать Буратино. Узнав, что наша компания собирается на обратном пути ещё и в Иркутск, он дал номер телефона и сказал:

— Приезжайте в Иркутск. Можно будет у меня остановиться.

И представьте, мы у него в Иркутске остановились, были радушно приняты и ночевали одну ночь.

Сима, не выдержав тягот путешествий, откололась от нас, сошла в Усть-Баргузине и уехала домой. А мы продолжили странствия втроем. Следующим нашим пунктом путешествия по плану был остров на Байкале — Ольхон. Главный, возможно и единственный посёлок на Ольхоне — Хужир. Туда мы поехали не только за красотами, но и за омулем. Нам сказали, что в посёлке много дешёвого байкальского омуля.

Из дневника Наташи: «Хужир. Необычная картина. Мы на высоком берегу Байкала. Одна половина неба под нами светлая и ясная, без облаков, другая — в тяжелых синих тучах, заволакивающих противоположный берег. И на этом фоне наш белоснежный «Комсомолец». Чайки, лиственницы на обрыве.

Мы сели... Смотрели, не отрывая глаз от необычной картины. Облазили Шаманку». Шаманка — это очень живописная двух-вершинная скала беловатого цвета, выдающаяся в озеро, культовое место бурят.

В Хужире мы добыли омуля, засолили его, как нас научили, и тронулись дальше. Стали ждать машину, чтобы доехать до парома и дальше на материк, но машины не было. Тогда неутомная Оля Володарская потащила нас в местную контору и стала рассказывать начальственному дяденьке о трудностях путешествий девчонок-студенток. Рассказ ее произвел впечатление. Добрый дяденька договорился с Эдиком с МРС (малое рыболовное судно), и нас взяли на корабль до Сахюрты — посёлок на берегу Байкала. Эдик — очень экзотичного вида молодой бурят, невысокий, крепкий, с роскошной шевелюрой, правильными красивыми чертами лица. Одет он был в новенькую олимпийку и американские кроссовки — шикарно по тем временам. Говорил с жаром, темпераментно на хорошем русском языке. Там, на МРС, моряки дали нам полный картбланш: угощали нас копченым омулем, коньяком, ухой из осетра и давали рулить штурвалом МРС сколько хотим!

Приехали в Сахюрту ночью. Кругом степь без единого деревца. И мы поддались на уговоры Эдика пойти к нему ночевать. Он нам отвел небольшой келдымчик. У него мы познакомились с Валерой Галендыбаевым, мужем сестры Эдика. Он нас поразил: высокий, стройный, с благородными кудрями, в очках, очень интеллигентного вида.

Наташа: «Валерий развлекал нас подряд две ночи. Играл на гитаре, пел, пел отлично. Знает много анекдотов. Особенно интересно было слушать, когда он анекдоты с бурятским акцентом рассказывал».

В Сахюрте мы задержались из-за того, что хотели сходить в пещеру Мечта. Эта пещера совершенно выпала у меня из памяти, но, по описаниям Наташи, она оправдывает свое назва-

ние: просторные залы, много красивых ледников, сталактитов и сталагмитов.

От Эдика мы перебрались на турбазу, там можно было остаться ночевать. И ещё мы собирались сходить в бухту Радости к археологам, посмотреть на раскопки. Но вечером за нами пришли Эдик и Валера, и вторую ночь мы с ними общались, опять слушали песни, анекдоты, разговаривали. Утром на автобусе уехали в Иркутск. Полтора дня были в Иркутске, ночевали у Буратино и всё время посвятили достопримечательностям. Город нам очень понравился. Ещё бы, некогда его звали «Сибирский Амстердам».

Обошли музей декабристов — дом Трубецких, Волконских (Наташа с досадой: «Ну, зачем им столько комнат? Называется: жили на поселении»). Были в Знаменском монастыре, в церкви шла служба. Приценивались к Новому Завету. Узнали цену — 35 рублей — «и тихо отошли». В монастыре могилы Трубецкой с тремя детьми, Муханова, Поджио.

В Иркутске мы купили себе на память о путешествии нефритовые колечки.

«Да, хорошо путешествовать! Каждый день новые впечатления, сколько интересных людей мы встретили!» — напишет в заключении Наташа.

У меня нет подробных, как у сестры записей о путешествии по Байкалу. Только вот это: «В первое время после возвращения с Байкала я чувствовала себя немного свергнутой королевой, у которой отняли всё, кроме её сказочных воспоминаний о королевском прошлом. Когда мы вышли в Иркутске из автобуса, я, как выброшенная на берег рыба, задыхалась в пыльном, грязном городе».

Май 1978. Сплав по Яе и Кие

Дважды в мае 1978 года Наташа сплавила на байдарках по Яе и по Кие.

Она подробно и живописно, взахлеб описывала эти путешествия в дневниках.

Яя. «Вспоминаются наши катамараны, бесконечно несомые волной. И мы поем песни. Наше баловство, визг и писк. И последняя ночевка на берегу уже широкой Яи. Равнина с лесочками. И наша палатка в ложбинке уютно устроилась. Была чудно звездная ночь. И песни чуть ли не до 4-х часов утра. Я вспоминаю — и на душе у меня легко и радостно. Солнце в эти дни палило нещадно. Наши бледные зимние мордочки сторели. Продымленные, обожженные, как головешки, второго мая мы вернулись домой уже почти ночью. Когда зашла в общагу, подошла к зеркалу и испугалась, как потом оказалось, саму себя. В зеркале увидела какую-то эфиопку в знакомой, выцветшей и грязной красной шапчонке, в старой, уже бесцветной, белесой штормовке (я раньше говорила «штормовка» и была очень разочарована, когда выяснилось, что правильно — «штормовка»; какой у нас в Сибири шторм, а вот на шторм пещер и вершин мы отправлялись в них ежегодно). Черты лица слегка напоминали Наташку Попову — всё остальное скрыто чернотой. Я зашла в комнату, Гульнара укладывалась спать, в комнате горел ночник. Меня не узнали и в первый момент даже испугались».

Кия. «Кия — полная противоположность Яи. Долгие подъезды, суровые подходы. От автобусной остановки надо было 10 километров идти до Кии. Яркое солнце, снег глубокий и рыхлый. На девятерых было четыре байдарки и семь рюкзаков. Самоотверженный Шишкин нес два рюкзака, один из них был тяжелее байдарки. Сначала метров сто мы пытались идти, потом некоторые просто поползли на четвереньках. Другие пытались сделать волокуши из веток. Смех и грех. Было трудно. Начало темнеть. Чувствуем — не доберемся. Решили оставить байды.

Разгрузились. В сумерках заблудились. Мужики посоветовались, залезли на сосну. Прислушались — услышали Кию, потом увидели её. И вот летим с горы. В мокрых штанах по пояс в снегу, кубарем люди и рюкзаки. Шишкин и Санька Иванов укладывают два своих рюкзака на лист жести, разгоняются, Иванов садится на рюкзаки, каким-то образом пытается управлять, потом они стучаются об огромный кедр — все и всё летят в разные стороны. Так много раз. Ночью добираемся до берега, мокрые и продрогшие. Лихорадочно ставим палатку, разжигаем костер, переодеваемся и варим жор. На следующий день ребята идут за байдарками. Сбор байдарок, вечерний костер, песни, песни.

Утром поплыли. Ясно сразу стало — не Яя. Валы! Летишь, как на самолете, по воздушным ямам — то вверх, то вниз. Прорезаешь байдаркой вал — и тебя захлестывает по фартук ледяная вода, льется за пазуху, все пропитывает, захлёбываешься, вода больно бьет в глаза, выворачивает весло из рук.

В первый день был переворот. Саня и Аня перевернулись. Коля сказал: «Переворот!» У меня сердце ёкнуло и внутренно-



На порогах

сти оборвались, когда увидела: головы Анюты и Саньки над байдаркой, а тела в ледяной воде. Все мгновенно устремились к ним. Потом Анюта рассказывала, что, когда подплывали к берегу, у нее ноги были как ватные, даже на земле стояла нетвердо. Молодец, она хорошо себя вела, не дрожала, не тряслась, как я, а я клацала зубами и не могла удержаться.

Когда сошли с байдарок на землю — я вообще не могла двигаться, стояла и дрожала, никогда так не замерзала. А до избушки метров 200, надо тащить весла, мешки, которые страшно мешают продираться сквозь кусты и глубокий снег, через высокие кочки...

На следующий день мы плыли по таким местам — ни в сказке сказать, ни пером описать. Дикие, нелюдимые. Река закована в каменные скалы. Каменные языки поднимаются в небо, белые, оранжевые, окаймленные зеленью сосен. Мне казалось, что я какой-то парень в лаптях, плыву в утлой лодчонке и живу я в 14—16 веках на Руси...

Последний день был самый трудный. Хоть валов было мало, но дул встречный холодный северный ветер, шел дождь со снегом».

Оттеняло радость приключений всегда счастливое возвращение домой, Наташа и это умела описать: «И вот мы прибыли в Мариинск. Посмотрели бы вы на Сережку Прохоренко — видно было, что он из самого пекла. Очень кстати пошел снег. Пусть идет — мы на вокзале, не на реке, не в байдах, в тепле. Жутко хотелось есть. Прямо на вокзале сделали из байд стол и устроили прощальный походный ужин. Я хотела только одного, чтобы в вагоне было тепло. Это моё желание сбылось. За окнами поезда шел снег. Мы с наслаждением растянулись на голых полках. И вот снова в Томске».

Лето 1978 года. Путешествие на Дальний Восток

Летом 1978 года мы совершили грандиозное путешествие на Дальний Восток. По пути мы запланировали две остановки: в Улан-Уде и Хабаровске. В Улан-Уде мы с гордостью предъявили папе Ольге Володарской Сергея из политеховского клуба «Аида» — единственного туриста мужского пола, которого нам удалось заполучить в свою компанию. Он должен был предстать перед папой Оли как гарант нашей безопасности. Широкоплечий, спортивный, с романтическими смоляными кудрями, добрый и весёлый Сергей внушил доверие.

Остальные члены группы: сёстры Поповы, Володарская, Иванникова и Тамара Игнатович.

В Хабаровске служил тогда Коля Сулов. Он пообещал нам дать проводников до пещеры Соляник, которую мы собирались покорить. Соляник — уникальная карстовая полость. Она была открыта незадолго до нашей поездки — в 1973 году. Считалась и считается до сегодняшнего дня самой глубокой пещерой на Дальнем Востоке. Располагалась неподалёку от Находки, на склоне хребта с экзотическим названием — Чандолаз.



С Сергеем в Иволгинском дацане. Улан-Удэ



Поэтический вечер под стук колес

Долгий путь по Транссибу мы скрашивали чаепитиями, длинными разговорами, песенными и поэтическими вечерами.

В Хабаровске кратковременно и горячо сдружились с местными туристами. Поздно вечером

они повели нас купаться на Амур. Стояла ночь, горели звёзды. Выкатилась луна. На дальнем противоположном берегу виднелись неяркие огоньки — это уже Китай. Вода теплее парного молока. Ночь, луна, вода: по черному бархату жемчужный свет. Через ночной город нас повели обратно в клуб, по пути знакомя с достопримечательностями Хабаровска. А потом до самого утра пели песни в клубе. Может, эта ночь всё и решила. Когда мы встретились с Колей Суловым, он сказал, что проводников не нашлось. К утру появилось двое добровольцев: опытный спелеолог Дон и молодой парнишка Алексей.

Через четверо суток были в Находке. А это уже Японское море! Мы до него добрались! Дальневосточная природа очаровала нас мягкостью красок,



Перед спуском в пещеру Соляник

линий. То и дело стоп-кадры — японская живопись «шань-шуй»: горы-воды.

Без проводников мы, конечно, не нашли бы пещеру. На Чан-долазе их около 40. Мы и с проводниками-то поплутали. Пещера грандиозная, красивая. Это настоящий рай для заядлых спелеологов, там есть всё, чем может располагать пещера: кораллиты, сталагмиты, сталактиты, геликтиты, озёра, гроты, колодцы, колонии летучих мышей. Категория 3б сложности. Пещера нас и восхитила, и измордовала одновременно. Вместо привычных лестниц нам пришлось пользоваться новыми для нас техническими средствами — жумарами. Жумар с верёвкой легче лестницы раз в пять. Но должными навыками подъема на жумарах с верёвочными стременами никто из нас не обладал, поэтому выход из пещеры затянулся на много часов. Измотанные и голодные, мы выползли из неё ночью. Очень хотелось пить. Тьма непроглядная, дождь накрапывает, передвигаться невозможно: дорогу знаем плохо, на местности не ориентируемся.

— Остаёмся здесь до утра, — принял решение Дон.

Спрятаться было негде. Расстелили верёвки и улеглись на них покемарить. Сверху нас беспрепятственно увлажнял тёплый дождь. Дон соорудил шалаш, который худо-бедно укрыл от дождя. С рассветом благополучно спустились к лагерю. Следующий день был просто Божьим подарком: небеса чисты, горят лазурью, солнце щедро льёт золотой жар. Мы целый день отдыхали, сушились, валялись



Дон с найденной в пещере собакой

на траве, отъедались и любовались прекрасными пейзажами. А вечер был отмечен феерическим явлением, которое я никогда в жизни ни до, ни после не наблюдала. Когда стемнело, над поляной появилось множество маленьких огоньков, их было сотни золотисто-зелёные с синеватым оттенком. Они кружили, мерцали, сияли, создавая волшебную картину! Это были светлячки.

Следующая наша цель — карстовая полость Великан, тоже крупнейшая среди пещер Приморья. Ориентир — село Сергеевка Партизанского района. От него ещё 32 километра топать до пещеры. Часть пути нам удалось проехать на попутке. А потом углубились в Уссурийскую тайгу. В это время так сошлись звёзды и тучи, что начался непрекращающийся монотонный дождь, и день, и ночь. Мы с утра до вечера мокли, перебрадали бесконечное количество мелких речушек и ручьёв, вода в которых в сезон дождей поднялась и оживилась. Однажды утром мы проснулись в огромной луже, посреди которой стояла наша палатка. Промокло всё, а дождь так и не прекращался. Какая там пещера! Пришлось возвращаться в Сергеевку. По дороге нам попала попутка, которая довезла до села. Дело было под вечер,



мы нашли местный клуб и завалились туда. Жители как раз стали собираться на очередной киносеанс. А тут мы неподалёку от кассы распаковывали свои рюкзаки, передевались, подсушивались, как могли, источая аромат залежалого мокрого тряпья.

Сто первый брод

И смотрел народ игриво
На несчастных пилигримов.

На этом спортивно-приключенческая часть похода закончилась, дальше по плану был Владивосток, море, острова.

Владивосток в советские времена являлся особой зоной, туда продавали билеты только тем, у кого была владивостокская прописка. Знающие люди научили нас, как проникнуть в город. Билеты нужно было купить до ближайшей к Владивостоку станции Угольная, а оттуда уже беспрепятственно ехать в заповедный город на электричке.

Во Владивостоке первым делом отправились в клуб туристов. Встретили нас там приветливо. Готовясь к поездке на острова, жили в клубе. К нашей компании присоединилось несколько туристов из клуба, и среди них Ткачёва Марина — спортивная, отважная, стержневая девушка. Марина прихватила с собой сёрфинг — доску с парусом, на котором она надолго уплывала далеко в открытое море. Природа щедро наградила нас за потоп в Уссурийской тайге: на острове Попова дни стояли солнечные, ясные, ни одна капля дождя не упала на наши палатки. Остров



На острове Попова в Японском море



В гостях у Володарских в Улан-Удэ

Попова — это волны, скалы, светлый песок, крики чаек, причудливые мысы и бухты, суп и жареный картофель с мидиями, всегда горячий чай в котелке. Мы накупались, почернели от загара, всласть налюбовались морем. Из всех нас только Наташа отважилась овладеть сёрфингом. Она часами балансировала на доске, пытаясь поймать парусом ветер. Но всё заканчивалось шумным падением в воду.

Возвращались обратно в Улан-Удэ с семью рублями. Пять рублей пришлось отдать ревизору, который выловил наших «зайцев». А иначе — на выход. И вот с двумя рублями, голодные, отошавшие, черные, мы несколько дней ехали до Улан-Удэ, фантазируя на тему: «Чего бы мы съели?» Олин папа устроил роскошный приём бедным странникам.

В моих дневниковых записях есть такое резюме: «Было исключительно здорово. Мы претерпели всё: изнывали от жары и духоты в переполненных вагонах, блуждали ночью под дождём в поисках карстовой полости, нас охватывали холод и мрак пещеры, омывали волны Японского моря, несколько дней мочило дождём в Уссурийской тайге. Мы отставали от поезда, нас

штрафовали, обворовывали, вылавливали наших «зайцев», мы объедались мидиями, полдня сидели на пароме в море на мели, голодали. Встретили много интересных людей».

Мы путешествовали безо всяких ваучеров на гостиницы, без брони, без чёткого маршрута с минимальным количеством денег и минимальным запасом продуктов на чёрный день. Намечая какой-то город или место для посещения, не всегда знали, где остановимся и будем ночевать. Но были уверены, что в любом крупном городе есть туристические клубы, где всегда можно найти поддержку, остановиться на ночь. А на крайний случай у нас имелась палатка. И везде мы находили друзей, попутчиков, помощников, советчиков, проводников, интересных людей, интересное общение, кров, бескорыстную помощь. Эти воспоминания ещё и дань памяти и благодарности тем людям, которые вольно или невольно участвовали в наших приключениях молодости.

Сейчас бы я так не отправилась путешествовать. Эти дерзость и свобода, милая бесшабашность доступны в основном юному возрасту.

Воюем с печкой

Наташа после вуза была распределена гинекологом в Центральную районную больницу в Тимирязево. Она сняла комнату у бабы Клавы в доме по улице Старо-Тракторная, 49. Больница оплачивала за жильё 25 рублей. Уже осенью я приехала в Томск, и началась наша совместная с сестрой жизнь в Тимирязевке.

В письме отцу 3.10.1979 я писала: «С жильём у нас всё нормально: небольшая светлая комнатка в уютном предместье Томска. Ездить даже ближе, чем до Красного Яра. Бегаем по утрам с Натальей. А воздух здесь чудесный!». И воздух чудесный, и бежали мы по утрам, но не всё было так благостно, о неприятностях мы старались не писать.

Обстановка в комнате архиаскетическая: старый стол, панцирная кровать, раскладушка и пара с трудом доживающих век табуреток. Денег нам почему-то не хватало. Завтракали мы дешёвым хлебом с дешёвым же маргарином и чаем. Мы с сестрой тогда мало внимания обращали на внешнее. Наташа начала самостоятельную врачебную деятельность. Вся была в медицине, в друзьях и будущих походах. Я начала искать работу, трудиться над своей диссертацией, писать стихи. В одном из них я и описала эту нашу комнату:

Я сижу на старом табурете
В комнате неприбранной и узкой
В доме пригорода, на планете,
В космосе летящей между тусклых
Звёзд, туманностей и млечной пыли.

Смятая постель на раскладушке,
Душный запах кухни, окна голы.
Эта комната чужой старушки,
С щелеватым и облезлым полом,
Мне жилище в космосе безбрежном.

Через некоторое время баба Клава продала дом тётке Ане. Мы хотели съехать, но новая хозяйка сказала:

— Да живите, я не против.

У тётки Ани муж Коля оказался буйным алкоголиком. Вечерами он напивался, впадал в угрюмое состояние, ругался и матерился. Объектом его неприязни были не конкретные люди, а всё несправедливое — и тут бы сматериться — устройство мира. Хозяйева держали свиней. И каждый вечер на печи парилась в бадье баланда для хрюшек, источая по всему дому тошнотворный запах.

Тётя Аня работала медсестрой, часто дежурила ночами, были ночные дежурства у Наташи. Случалось так, что я оставалась один на один с изрыгающим ругательства пьяным дядей Колей, невыносимым запахом свинячьих блюд и с непроницаемым мраком за окном. В нашей комнате невозможно было закрыться, там не было двери, вместо неё висела ветхая занавеска.

В скором времени от тётки Ани мы сбежали. Дядя Коля стал нарушать священный принцип частной жизни и неприкосновенность нашего жизненного пространства. Следующей нашей квартирной хозяйкой стала тётя Фая, которая тоже работала медсестрой. Узнав о наших мытарствах, добрая женщина сама предложила нам маленькую чудесную избушку на своей усадьбе на улице Деповской.

В письме папе от 29.11.79 сообщаю ему: «Мы живём теперь отдельно в маленькой избушке. Это уже здорово. Воюем с печкой по вечерам. На наше счастье, до сих пор стоит очень тёплая погода. Нас целыми днями не бывает дома. Сейчас Наташа одна

в больнице осталась (все гинекологи на больничном), так она уходит в 7.30 и приходит в 10 вечера. Я после работы занимаюсь в научке».

Папа просит подробно описать наш быт, питание, я ему отвечаю в письме от 26.03.1980 года:

«Сначала я опишу тебе наш быт и пищу. Уезжаем из дома мы в 9 утра и возвращаемся в 11 часов вечера. Порой вообще не возвращаемся. Утром завтракаем дома и поздно вечером перекусываем тоже дома. У нас сейчас есть мясо: свинина (купили сами), фарш, гусь (мама выслала). Но даже некогда сварить всё это из-за того, что поздно приезжаем. Раз в неделю удаётся готовить: в субботу или в воскресенье.

В магазине очень сильные перебои с маслом, творогом, реже бывает сметана, а молоко, кефир, яйца — всегда. Но мама как-то выслала нам масло, так что оно у нас долгое время было.

Сейчас уже потеплело, топить много не надо, и мы с Наташей блаженствуем. Хозяева у нас очень хорошие. Мы с ними живём дружно. Они нам то печку днём затопят, то тётя Фая нам варенья, пирогов принесёт. И мы, тем, что есть, делимся».

С этой чудесной избушкой нам пришлось расстаться. Папе я подробно изложила ту неприятную историю, из-за которой нам отказали в квартире.

«Почему мы сменили квартиру — вопрос долгий и неприятный. Бывшая квартирная хозяйка, тётя Фая, взяла нас с радостью. У неё сын «на выданье», ему 27 лет — угрюм, нуден, ничего интересного, работает в ТУСУРЕ (институт такой). Наталья из-за этого не хотела переезжать туда, но деваться было некуда. Мы старались избегать его общества».

Видимо, под давлением тёти Фаи Володя приходил к нам в гости, приглашал Наташу пойти погулять. Наташа твёрдо отвечала: «Нет».

«И даже не хотят видеть его», — обижалась потом тётя Фая.

«Ты знаешь, к нам часто ходили друзья, туристки, туристы, — продолжаю я, — иногда оставались, так как уезжать поздно было трудно (надеюсь, ты убеждён в целомудрии твоих дочерей). Но в этом не были убеждены некоторые соседи (их я даже в глаза не видела). И вроде кто-то сказал хозяйкиному сыну Володе: ты чего, мол, растерялся, к ним любовники (здесь было употреблено более сильное выражение) табунами ходят. Потом, когда я уезжала в отпуск, он оказался очень сильно избитым. И как он говорил, опять из-за нас. Хотя это полная ерунда!»

В нашу избушку, действительно, приезжало, приходило много друзей. Иногда оставшись ночевать, они устилали своими телами весь пол. Между ними приходилось ходить цаплями, высоко поднимая ноги. Но они были не из тех, кто может затеять драку. Да и едва ли кто-нибудь из друзей знал о существовании сына тётки Фаи Володи, кроме Лёши. К тому же целомудрие было взаимным.

Вспоминается мне известная туристическая песня:

Воем воют моралисты, что дела у нас не чисты,
Что туризм есть узаконенный разврат,
Что, разбившись по палаткам, чуть не голые в палатках
И туристы, и туристки рядом спят.

Наша дружба в этом мире чище снега на Памире,
А ханжи не принимаются в расчет,
Пусть они себе вздыхают и двусмысленно кивают,
И слюна у них от зависти течет.

Тётя Фая была чудесная женщина, спаси её Господь. И сын — нормальный парень. Дело в том, что просто он был не из нашего круга, не нашей породы, проще говоря. Ни хуже, ни лучше, а другой. Потом нашлась ему хорошая жена, родила внука тётке Фае. Она была счастлива. Пусть простит, если Наташа её оби-

дела, не приняв ухаживания Володи. Сестра же клятву себе дала: без любви замуж не выходить.

Следующим нашим жильём стала маленькая избушка на Больничной, 17, хозяйкой которой была тётя Шура.

Переезд был смешным. У нас к тому времени скопилось кое-какое имущество: книги, настольные лампы, постели. И Наташа попросила больницу дать какой-нибудь транспорт, чтобы помочь перевезти вещи. Мы связали узлы и стали ждать. К условленному сроку к дому, громяхая, подъехала подвода. Дед возничий сказал, что все машины заняты, и вот прислали, так сказать, гужевой транспорт. На этой подводе возили помои, пищевые отходы из больничной столовой, на ней налип вековой слой этих отходов. Посредине телеги намертво была прилеплена бадья, она возвышалась как труба. Бортов у телеги не было. Кое-как мы погрузили на неё свои узлы, часть вещей пришлось тащить в руках, их невозможно было приладить к этой странной телеге. И так бесславно мы покинули полюбившуюся нам избушку тёти Фаи и проществовали вслед за телегой-бадьёй к своему новому месту жительства. Кстати, неподалёку от нашей избушки у хозяйки располагался свинячий хлев. «Свинская» тема нас преследовала по пятам буквально.

Переезд никак не изменил нашего образа жизни. Наташа по-прежнему была вся в работе, друзьях и туризме. Я обычно до 10 часов вечера занималась в научной библиотеке университета, к 11 приезжала домой.

Там мы начали вести с Наташей хозяйство: весной сажать картофель, на зиму солить капусту, заготавливать дрова.

Восстанавливают детали нашей жизни на Больничной опять же письма к отцу. Письмо от 03.10.1980: «Готовимся к зиме. Дрова уже Лёша порубил, будем сегодня их складывать в поленницу. Неважные, правда, — осина полу гнилая, а обещали хорошие. Собираемся солить капусту в следующее воскресенье. Это будет заключительным этапом подготовки к зиме».



Доктор Тимирязевской районной больницы Наталья Леонидовна

Не раз мы приглашали папу себе в гости. Письмо от 17.12.1980:

Папка! Приезжай!

Вечером мы получили письмо и начали фантазировать: ты приедешь, мы позовём Ольгу, мою подругу, (я очень хочу, чтобы вы познакомились), приедет Лёшик, мы посидим, поговорим, преодолеем «разрыв поколений», попьём вина, что-нибудь вкусное сготовим. Например, пельмени. Потом ещё сходим в театр — у нас отличный новый драматический театр. И недавно здание ТЮЗа построили. Говорят, что тюзовцы очень незаурядные вещи делают. Съездим к Коротченко А. Л., если ты, конечно, захочешь. Он тебя звал. Говорил: «Если папка приедет, тащите его к нам». Так мы фантазировали, и нам сильно-сильно захотелось, чтобы ты приехал. Да и ты тут отдохнёшь. Можно будет лыжи напрокат взять, в лесу сосновом покататься. Правда, тебя этим не удивишь, у вас у самих там такой лес чудесный. <...>

Володя собирается поступать в наш ТИАСУР. Мы очень рады: постепенно наша родня собирается в Томске, это славно. Часто ли ты его видишь? Мама писала, что он покуривать стал и сказал ей, что он будет курить, когда окончит школу, ему нравится, и никто от этого не умирает. Лёшик обещал затравить у него на глазах никотином крысу, чтобы продемонстрировать вред курения, мы все его поддержали.

Заканчиваю на этом, надеясь на скорую встречу и долгий-долгий разговор с тобой.

Ждём. До свидания.
Целую. Привет от Натальи.

«Мы наконец-то дождались весну, можно топить через день — тепло уже... Наташа похудела очень, похорошела. Работает порой до 9—10 вечера. Ездит с профосмотрами по району. Занимается также общественной работой — ответственная за спортивную сферу в больнице. И на этом поприще имеет успехи — больница недавно заняла первое место по району на лыжных соревнованиях» (письмо от 20.03.1981).

В 1981 году летом в Томск приезжает брат Володя поступать в ТИАСУР. В это лето в нашей избушке жило огромное количество народа. В очередном письме отцу (от 10.08.1981) я описываю это весёлое лето:

«Приезжаю из Москвы рано утром в родную Тимирязевку, а там в нашей избушке народу — видимо-невидимо. Лёша с Наташей, Володя, Наташа (младшая сестра Лёши, она, ты помнишь, Володина одногодка), поступает в университет на факультет прикладной математики. Кроме того, Ира, жена друга Лёши, которой тоже некуда деваться. Кроме того, Юджин, брат Лёши, который, правда, на днях уехал в стройотряд. Ну и я. Живут они там все дружно, очень весело. Мы приналегли на мою сеточку, и на следующий день вечером уже ничего не осталось. Володя перешёл на ночной режим работы. Его поругать бы, но я понимаю, что днём ему трудно работать, так как много народу

в избушке и всяких отвлечений. Он утверждает, что его система очень плодотворна, т. к. дала хорошие результаты. Ты уже знаешь, наверное, что он студент. Я очень-очень порадовалась за него. Получить по письменному экзамену пятёрку — очень трудно, таких отличников из их группы человек 5—7, а группа — 80 человек. Наталья Володю хвалит, говорит, что всё больше он ей нравится: и бельё погладил, и за водой ходит, и готовит даже уже. Мне он и не «разонравливался» никогда.

Приезжаю в Тимирязевку; конечно, думаю о Володе сначала. Захожу, а он мне сразу:

— Студент!

Я обрадовалась, давай его обнимать, целовать.

Решили, что Володя будет жить этот год в общежитии. Пусть попробует. Я буду следить. Если что — предпримем что-нибудь сразу».

В Тимирязево позже Наташа с Лёшей получили квартиру. Оно стало для них местом, где они создали своё «родовое гнездо».

«Я — жена»

Уже не раз мелькало в моих письмах родным в дневниках за 1977—1978 годы имя «Алексей», но нейтрально. Тогда и Лёша, и Наташа были увлечены другими. Судьбоносная встреча состоялась, а вот когда — сказать трудно. Сам Алексей вспоминает об этом так:

«Как мы познакомились — не помню. Или не знаю, какой, собственно, случай считать знакомством. Меня вроде бы она заметила где-то в турклубе. Я заметил её в другом клубе — фотографическом, поскольку обнаружил там неожиданно Наташу, уже напечатавшую какие-то фотографии с очередного туристического мероприятия и, как мне показалось, зря потратившую большое количество драгоценной фотобумаги (я уж не говорю, что вход в фотолабораторию был строго по членским билетам). Наташа позже сказала, что тогда её удивило: что это я проявил такое участие в её «фотоделах». Потом (а может быть, и до того) была пещера Баджейская, и уже потом Наташа призналась, что говорила девчонкам (наверное, Гале Паниной или Люде Смирновой) о том, что было неплохо, если бы я пошел в эту пещеру. То есть с какого-то момента я уже был неведомо для себя руководим».

Как я уже писала, Наташа дала себе слово, что не выйдет замуж без любви. В отношениях с парнями она избегала того, что называют флиртом, заигрыванием, жёстко пресекала ухаживания молодых людей, если у неё не было встречной симпатии. Несколько раз целовалась с парнями. А уж как корила себя за это! Как-то на дне рождения у Ольги она целовалась

с парнем, которого практически не знала, и он ей не нравился. «Разве бы я могла такое раньше сделать?! Видите ли, я просто проводила эксперимент и отвечала на свой вопрос: просто это или сложно, могу или не могу. И он мне преподнёс подарок — не показывается 2 недели. Оказывается, это с одним просто, а с другим сложно».

До встречи с Лёшей у неё не было парня, с которым бы она дружила, думаю, по причине этой максималистской позиции. Она не могла завести отношения просто потому, что понравилась какому-нибудь парню и он стал за ней ухаживать, — этого она себе не позволяла. В дневнике она описывает несколько эпизодов, случившихся на сплаве, которые касаются этой стороны. «Митрико замучил меня своей притворной любовью. Я его, наверное, оскорбила. Он замолк, лег с соломинкой во рту. Это меня даже испугало. Таким его я ещё не видела». Серезка (видимо, Прохоренко, со сплава) попал в больницу. Наташа подозревала, что он легкомысленный сердцеед, и хотя он ей нравился как человек, как парень вызывал настороженность. «Серезка лежит в больнице. Была у него два раза. Гуляет у Томи! Целыми днями. Каков больной! Но сейчас ему уже легче. Даже не хромет. И ещё пытается за мной ухаживать. Этого мне не хватало! Но до чего противная, гадкая женская натура — приятно — в корне не пресекла. 7-го будет у меня. Сбежит!»

Её влюблённости оставались до времени безответными. Как любая девушка, она переживала и боялась, что не встретит своего избранника, свою судьбу. 29.10.1977 пишет: «Когда мне трудно и тоскливо, мой милый дневничок, я обращаюсь к тебе. Опять мне хочется понуть о собственной неполноценности, о том, какая я дура и что меня никто не любит».

Зимой 1978 года Наташа собиралась в пещеру на Урал в Сумган-Кутук. Перед пещерой заехала домой: «Я еду домой снова с рюкзаком, снова на три дня. Моя бедная мама! Она, конечно, хочет увидеть меня прекрасно одетой, с умным, се-

рвезным, симпатичным и любящим женихом-мужем (похож на образ Лёши), хочет видеть меня в дальнейшем счастливой матерью, я приезжаю в рубище с огромным рюкзаком, как выюченная кляча. Наташка, Наташка, начинающая потихоньку вянуть старая дева». И это в 24 года она именуется «старой девой»?!

Однажды Наташа решила: «...стать настоящей женщиной!» («Ой, не могу!» — её ироничная ремарка). Буду следить за собой. По утрам, кроме бега, мечтаю — ежедневно! — накручиваться и краситься! И вообще... Не стесняться хорошо одеваться!» Странные все же мы усвоили установки, если Наташа свое желание хорошо выглядеть и заниматься женскими домашними делами принимает с опаской и настороженностью.

26 01.1978: «И ещё я замечаю за собой слабость, милую женскую, которая очень мне мешает в будущем, хоть и не совершенствоваться, но ковылять и попевать за гинекологией и вообще медициной — люблю заниматься хозяйством: стирать, гладить, наводить порядок в чемоданах, даже посуду мыть для меня приятнее, чем сидеть за книгой. Меня это приводит в ужас. Зачем тогда кончать институт? Я не против того, что я за последнее время стала лучше следить за собой, но у меня иногда прорывается неукротимое желание шить, стирать, штопать. А где взятое в душе обязательство непременно три часа сидеть с книгой? И не просто сидеть, а готовиться серьёзно, углубленно. Только намеки — и больше ничего». Думаю, что установки на приоритет общественного перед личным мы подсознательно усвоили от отца. Поэтому, наверное, сестру беспокоит получение естественного удовольствия от домашней работы. Забегая вперёд, скажу, что Наташа в будущем легко разрешила этот конфликт: с радостью шла на работу, с удовольствием занималась домашними делами.

Поэтому, если Наташа сама подспудно стала проявлять едва заметную активность в отношении Лёши, тому были очень веские причины и самые серьёзные намерения. А Лёша, придя

однажды к Наталье в гости, остался навсегда. Это было тогда, когда мы жили у тёти Фаи.

В письме папе 11.08.1980 я сообщаю: «Натальюшка моя, скажу тебе по величайшему секрету, дружит. Парнишка у неё очень хороший. Он учится на пятом курсе мединститута. Они оба увлекаются туризмом, фотографией. Правда, он младше её на четыре года. Но мы все уверены, что они останутся вместе. Лёша мне очень нравится: он и мастерит, и рисует, и учится хорошо (хоть бы уж не сглазить!) Если ты приедешь, ты его увидишь».

Собственно говоря, новый дневник 1980 года сестра начинает вести после трёхлетнего перерыва в момент, когда после ссоры с Лёшей ей было очень горестно. Впрочем, ссора Лёши случилась не с Наташей, а со мной, уже не помню почему, да и Наташа не поняла, в чём суть разногласий. Лёша уехал в город. Я тоже.

«Ревела. Господи, влюбилась по уши и больше! <...> Я люблю его, люблю очень, очень. 13 октября сказала ему всё честно, что я верю в нашу любовь, в её постоянство и вечность. Милый, как он принял это, целовал меня. <...> Та суббота, когда я не сдер-



Жених и невеста Алексей и Наталья. Фотография с пригласительного на свадьбу

жала чувства... Какая за ней последовала «неделя нежности», как я назвала её. Позволь Лёхе, он бы не спускал меня с рук» (10 ноября 1980). У Наташи путаются даты, слова от трепетных, волнующих воспоминаний.

«В этот день мы окончательно решили пожениться».

И вот в письме к папе от 26.01.1981 я пишу со всей определённости: «У Натали всё хорошо. Работает она сейчас за двоих. В работе страшно ответственна, любит её, что ещё нужно? И на личном фронте всё прекрасно. Всё идет к свадьбе. Я тебе сейчас больше ничего писать не буду, она тебе всё сама напишет, где-то, я полагаю, в конце или в середине февраля».

25.01.1980: «Сегодня уехал домой Лёшка сообщать родителям, что он женится. Страшно мне чего-то. Вот только замёрзла, не дождалась, когда поезд уйдёт. Нехорошо? Как там сейчас пройдут переговоры?» Через три дня: «Дождусь ли своего любимого? Пошли третьи сутки, как проводила. Тосковала, тосковала, особенно сегодня, даже сердце болит. Как они воспримут эту новость? А больше всего, как они воспримут, что я старше его на 4,5 года?»

После этого у Наташи начались серьёзные проблемы на работе, и поэтому она даже не поделилась с дневником впечатлениями о переговорах Лёши с родителями.

Пред свадьбой Лёша повёз Наташу в Бийск знакомить с родителями.

«Даже не могу сказать, кто больше волновался при встрече: Наташа или мама, Галина Вячеславовна», — сказал позже Лёша.

Обе эмоционально переживали это первое знакомство. Оно оказалось счастливым. Наташа полюбила свекровь, открытую, общительную, как бы сказала молодёжь, позитивную. Они были очень близки в понимании главных жизненных ценностей. Главным для Галины Вячеславовны была семья. Она — замечательная хозяйка, мастерица, садовод и невероятный, просто магический кулинар. Всё, что выходит из-под её рук, имеет только

один недостаток: оно быстро съедается и оставляет навязчивое желание снова испытать неповторимый вкус приготовленных блюд. К тому же она прекрасно шила, вязала, вышивала, плела макраме, выращивала невиданные урожаи. Всем своим опытом свекровь щедро делилась с невесткой. Галина Вячеславовна говорила позже:

— Если стану совсем немощной в старости, жить буду только у Наташи с Лёшей.

Письмо папе от 24.04.1981: «Я думаю, что скоро мы с тобой встретимся. Ты уже, наверное, получил от Наташи телеграмму, из которой мог бы узнать, что 30 у неё свадьба. Так что твоя книга (о супружеской жизни) оказалась более чем кстати, мы её все штудлируем».

И вот: «Здравствуй, дневничок! Прошло 4,5 месяца. Много воды утекло. Я — жена. Свадьба была 30 апреля, хорошая, нам понравилась» (1 августа 1981 года).

Свадьбу сыграли в Тимирязевской столовой. Тогда была очень популярна передача «От всей души», которую вела Валентина Леонтьева. Мы решили сделать свадьбу в стиле этой передачи. Я была ведущей, то есть Леонтьевой, старательно пародировала её запредельное воодушевление и экзальтированный пафос. Лёшин друг Женя Борунов изображал оператора. К фанерному почтовому ящику он приделал красный фонарь и черную длинную трубку — объектив. Уморительно «снимал» всё происходящее, фиксируя свою трубку на жующих ртах, поглощаемых салатах и напитках, на произносящих тосты. У нас даже состоялась настоящая неожиданная встреча — такие часто сопровождали передачу Леонтьевой. На свадьбу был приглашён друг Лёши и Наташи Валера Столяров. Он в это время работал в Кургане, куда его распределили после вуза. Валера приехал на свадьбу. Но мы скрыли его приезд и убедили жениха и невесту, что он не сможет попасть к ним на свадьбу. И вот — волнующий момент — друг жениха посреди свадьбы появляется

в зале. Изумление, радость, крепкие мужские объятия — всё как по нотам.

Друзья приготовили ещё один сюрприз. Когда жених и невеста уже были одеты и собрались на свадебный пир, к избушке



Обмен кольцами



Совет да любовь

подъехала машина для перевозки мебели, дверцы распахнулись, а там — холодильник! Друзья торжественно поднесли его жениху и невесте.

— Самая нужная в хозяйстве вещь!

Жених и невеста не скрывали радости.

Открылась новая страница в жизни Наташи и Лёши, наполненной и счастливыми событиями, и заботами. Они ждали первенца.

«Папа, ты скоро будешь дед — Наташа ждёт ребёнка, рожать будет в феврале-марте. Вот такая добрая новость» — пишу я папе в письме от 08.11.1981.

И через месяц: «У Натальи всё хорошо, она растёт и цветёт. На Новый год собираются приехать сватовья из Бийска всей оставшейся семьёй».

Однако на работе у Наташи в это время начались серьёзные неприятности. Из-за некоторых врачебных ошибок и непомер-



Ната, Вера, Алексей, Наталья, Володя, Евгений. Январь, 1982 г.
Наташа ждёт первенца

ных амбиций одной из сотрудниц отделения разгорается острый конфликт между ней и Наташей. Та пытается очернить Наташу перед руководством больницы. Единственный раз Наташа признаётся в ненависти к человеку — именно к этой сотруднице, не буду называть её имени. Удивляется её грубости, наглости. «Такое предчувствие, что мне роют яму, что я доживаю последний месяц в больнице» — пишет она. С уходом Натальи в декретный отпуск всё наладилось.

Третьего марта 1982 года рождается сын Роман: «Я — мама. Необычно. С сыном в Бийске. Алёша в Томске».

шестое июля —
ещё один гвоздь
заколочен в сердце

Это случилось близ города Ерментау, в полутора километрах от посёлка Селета, у моста через местную речку. Дорога была неважная, ехали со скоростью не более 80 километров. Мы дремали на задних сиденьях. Сначала был ослепительный свет, потом резкий удар, нас бросило вперёд, по груди ударили привязные ремни. Мотор заглох. Лёша и Володя вышли из машины, бросились открывать задние двери. Я вышла с их помощью. Качало, перед глазами плыли блестящие мушки. Наташа просила не трогать её. Это был первый ужас. Нас положили на спальные возле дороги. Над степью висела эта зловещая бледная, какая-то сдавленная с боков луна в коконе из мутного света.

— Наташа, больно?

— Мне трудно дышать.

Володя и Лёша стали вытаскивать людей из белой девятки, которая вылетела на встречу и врезалась в нашу машину. Там было двое мужчин и двое женщин. Их укладывали рядом с нами. От них шёл резкий запах перегара. Некоторые машины, несмотря на просьбы, аккуратно объезжали место катастрофы. Потом собрались мужчины, помогавшие вытаскивать людей. Один из них стоял рядом с нами и постоянно спрашивал наши имена, чтобы проверить, живы мы или нет.

— Камилла, — отвечала лежащая рядом девушка.

В горле у неё клокотала кровь.

Приехала машина, которая повезла нас в местный медпункт в посёлок Селета.

— Как, Наташа?

— Мне не хватает воздуха, трудно дышать.

Меня завели в пустую палату, а Наташу положили на пол в процедурной.

В медпункте творился ад. Сначала пришли родственники одного скончавшегося, водителя, и начали плакать и выть, потом другого, потом Камиллы, она тоже умерла. Метались санитарки и медсёстры.

Я пыталась молиться, но что-то ужасное уже вторглось в мою жизнь и ломало, обессиливало молитву.

Потом стало тихо, и я слышала голос Лёши, он был возле Наташи.

Она была очень спокойна. Как врач руководила своим спасением. По её просьбе поставили физраствор.

— Быстрее! — глухо просил Лёша. — Человек уходит.

— Мне надо к хирургу...

И последние ее слова: она попросила кислородную подушку, потом впала в кому.

Я услышала всхлипы, вышла из палаты.

— Лёша! Что?!

— Она ушла, она умерла...

Наташа лежала на деревянном полу. Лицо её было очень белым, и невероятно красивым, молодым, таким же молодым и красивым, как в моём сне.

Плакать я смогла только на третий день.

Я видела мёртвое лицо этого водителя, врезавшегося в нашу машину и убившего Наташу, казах лет 35-ти, на лице застыло выражение удивления. Я не испытала ни ненависти, ни жалости — ничего. Отвернулась. У него не было прав, он пьяный, с нетрезвой компанией угнал машину у отца.

Убогая районная гостиница. Медленно, бороздя по сердцу зазубринами, течет время. Изнурительная жара. Следствие, показания, поездки в милицию.

Мы пришли за ней в морг. Вынесли гроб. Прежде чем поставить его в рефрижератор, открыли, чтобы посмотреть на Наташу ещё раз. Мы увидели Наташу в гробу: безжизненно бледное, чуть тронутое желтизной, но по-прежнему красивое лицо, и её

черные локоны разметавшиеся, такие живые, непокорные, как всегда — живые! Яркий свет дня. Сердце обжигала смертная тоска. Но может быть, потормозить, разбудить её. О Боже! Что-нибудь, ну как-нибудь! Надо что-то вернуть обратно, не может этого быть, не должно, это неправда, быстрей проснись, выдерни себя и Наташу их этого кошмара! Как-нибудь надо спастись от этой нелепицы — Наташа лежит в гробу в этом городе!

Но это длилось, длилось и длилось, ни спасения, ни пробуждения не наступало.

Порой не случившееся, воображаемое впечатляет нас, держит наше внимание с такой силой, как будто мы на самом деле день за днём, час за часом проживали это событие и помним его в подробностях и деталях, оно воскресает из каких-то метафизических глубин.

Проводник ушёл в посёлок докупить продукты. Страница сидела на берегу реки у подвесного моста. Через мост шла девочка. Страница вглядывалась в её худенькую фигурку, загоревшее лицо. Необъяснимое волнение охватило её. На вид девочке было лет девять. Невысокая, лёгкая, с черными кудряшками; сарафан с широкими лямками, истрёпанные сандалии. Когда она подошла совсем близко, паломница рассмотрела узор на сарафанчике: по белому ситцу маленькие розовые тюльпаны с зелёными листиками на коротких стебельках.

«Эта ткань... она ещё сохранилась...» Как зачарованная, странница поднялась и пошла вслед за девочкой. Та прошла по тропинке между домами. Прежде чем завернуть за угол, она обернулась, внимательно посмотрела на странницу, кивнула ей — или той просто показалось — и исчезла.

Вечером они сидели с проводником у горящего костра. Красные языки пламени торопливо лизали синие сумерки. Страница вспоминала: «Мама сшила нам с сестрой на лето одинаковые сарафаны из ситца: по белому полю рассыпались мелкие розо-

вые тюльпаны. Мне нравилось слушать, как стрекочет мамина ручная машинка, и нравился хлопковый запах новой ткани. Неужели такой ситец ещё производят? Через столько лет?»

Неумолчно шумела река. Проводник снова рассказывал об Озере:

— Если хочешь увидеть что-то необыкновенно красивое, что может получиться от соединения воды, камней, деревьев и гор, надо идти к Озеру. Кстати, в переводе название Озеро именно это и означает: «красивое озеро». Нам повезёт в любую погоду: будет ли там дождь или солнце, наползут ли с гор тучи, окутает ли его туман — всё выявит его особенную неземную красоту.

Странница молча подбрасывала хворост в костёр.

На четвёртый день пути её стали удивлять необыкновенные детали, которых она раньше не замечала или просто они вдруг появились. Рюкзак стал очень лёгким. И сама она не уставала. Звери и птицы перестали их бояться. Толстая пищуха не спеша бежала перед ними по тропинке, не собираясь уступать дорогу. Красноперая птица уселась на рюкзак проводника и начала деловито чистить перья.

— Это влияние Озера. Мы приближаемся к нему, — объяснял проводник. — Там всё живёт по-другому. Завтра в полдень мы уже будем на месте.

На следующий день ближе к полудню они увидели её сидящей на рюкзаке у ручья.

Девушка приветливо улыбнулась:

— Решила здесь передохнуть. Присоединяйтесь, прошу вас. Вот орехи, изюм, печенье. Вода какая в ручье! Сладкая-сладкая!

— Да, здесь во всех ручьях сладкая вода, — согласился проводник.

В приглашении девушки было столько безыскусной радости и сердечной теплоты, что путники тотчас же сняли рюкзаки и устроились рядом с ней.

— У нас курага, чернослив, мюсли, — странница разложила припасы на траве. — О! Тут и белочка с вами трапезничает!

— Да, понравились ей орешки, — рассмеялась девушка.

«Какой необыкновенный вкус у её орехов и изюма, как из восточной сказки, — изумилась странница. — И сама она... Как будто я её где-то видела, знала раньше. Но лицо незнакомое. Есть такие люди: побудешь с ними минутку и будто всю жизнь знал их. Родственные души».

— Вы тоже идёте на озеро? — спросил проводник.

— Да. Я была уже там. Давно. Хочу ещё раз увидеть его.

— Я вас понимаю. Такой бирюзовый цвет воды можно увидеть только там.

— Мне хочется посмотреть на закат. Там необыкновенно красивые закаты.

— Говорят, из-за расположения Озера относительно сторон света удивительным образом преломляются лучи света — пояснил проводник.

— Просто там Небо сходится с Землёй. Всё дело в этом — сказала девушка.

Оставшиеся несколько часов шли до Озера втроём. Они не разговаривали, так как шли по узкой тропе друг за другом. Но и просто присутствие девушки источало удивительное умиротворение и душевную тишину.

Она уже полчаса сидела не шелохнувшись, обратив лицо к западу. В закатных лучах солнца сияющая бирюза темнела, насыщалась изумрудом, вспыхивала густая зелень кедров, в причудливом порядке обступивших Озеро. Светлый камень скал оттенялся яркой зеленью трав и мхов. Далеко вдающиеся в Озеро каменные мысы живописно окаймляли линию берега. За скалами южного берега, смешиваясь с облаками, поднимался заснеженный хребет, окрашенный в розовые предзакатные тона. Из Озера с неумолчным ликующим шумом вырывалась

водопад-река Йолдо-Айры, устремляясь к своей вечной сестре Кони-Айры.

— Мне пора, прощайте и ... спасибо вам, — девушка легко встала и пошла прочь, быстро приближаясь к подножию курума.

«Почему она уходит? Так внезапно?! Я не хочу, чтобы она уходила. Ей нельзя уходить», — забеспокоилась странница.

— Подождите, может, вы ещё останетесь?! — крикнула она вслед девушке.

Но та, не оборачиваясь, быстро удалялась, поднимаясь по склону навстречу закатному солнцу.

— Подождите!

Тут взгляд странницы упал на то место, где сидела девушка. Она заметила тетрадку, на обложке которой был изображён знакомый рисунок. Странница подняла тетрадку и прочла надпись, сделанную крупным детским почерком: «Дарья».

— Наташа! Наташа! — странница бросилась за девушкой. — Наташа! Как ты могла?! Не сказать! Вернись! Подожди!

Но девушка уже исчезла.

Странница опустилась на траву и стала горько плакать.

— Почему она не сказала, почему не захотела остаться?!

Проводник обнял странницу за плечи.

— Она пока не может остаться с тобой, — мягко сказал он.

— Почему?! Почему?!

— Очень разные времена и задачи.

— Ты знал, ты узнал?

— Да.

— Но разве это не важная задача — побыть со мной, когда мне это так нужно. Я ждала эту встречу, надеялась. Почему сейчас это не важно для неё? Она не хочет?

— Поверь, она хочет. Она и побыла с тобой. Ей и это пребывание с нами далось очень нелегко. Но то, чем она занята, она делает для вас всех, для тебя. Когда-нибудь, не сейчас, вы встретитесь, и эта встреча будет другой.

Был свет

длинные облака
в проталинах золотистого света
и Наташа на небесах

Я смогла написать крёстной лишь спустя несколько месяцев после трагедии. Переписка с ней стала началом исцеления от нестерпимого ощущения потери. Мы с ней скорбели, размышляли над загадкой Наташиной смерти и жизни, искали пути преодоления острой боли от ухода родного человека, примирения с трагедией.

19 ноября 2009

Добрый вечер, Людмила. У нас случилось горе. Этим летом мы попали в автокатастрофу и погибла моя сестра Наташа. 6 июля. Мы ехали в Казахстан, в общем, на могилу отца, 8 июля 25 лет, как папы не стало. Ехали вчетвером: Володя, Наташа, я и Лёша, Наташин муж. Мы сидели с сестрой на задних сиденьях и были пристегнуты. Уже в начале первого, ночью, под городом Ерментау в Казахстане произошло лобовое столкновение. Девятка с пьяным водителем выехала на встречную полосу. Он погиб на месте, и ещё двое с ним. Наташе от удара ремнём поломало ребра и обломком ребра смертельно ранило сердце. Она прожила сорок минут. Сознание не теряла, впала в кому. Мне ремнём поломало ключицу. У Лёши ссадины. У Володи никаких повреждений. Ничего страшнее в жизни я не переживала. Я понимаю, что ни вера, ни молитва не гарантируют ни счастья,



ни благополучия, но что-то произошло после этого с моей верой. Почему Наташа? Сотни подонков живут. Утешаю себя тем, что Господь милостив и всё делает к лучшему Ему одному известными путями. Прошу твоих молитв о р. б. Наталье.

20 ноября 2009.

Вера! Все мои слова будут мелкими перед такой катастрофой. Но сердцем очень чувствую твоё горе. О Наташе, которую полюбила по твоим рассказам, буду молиться и заказывать обедни. Год душа будет сильно страдать от невыносимых воспоминаний. Но потом время залечит рану, частично, конечно. Родителей нет 4 года, а душа тоскует по ним, иногда до слёз. Человек не может не ужасаться, когда встречает смерть близких. Тогда остро понимаешь, что человек — тварное существо, здоровье, жизнь и смерть которого в руках Творца. Почему Наташа? Мы только знаем, что Бог забирает человека в вечность в наилучшем для него состоянии. Тебе будет легче, если ты будешь постоянно напоминать себе, что она жива в вечности, в Царстве Небесном, что у неё теперь другие, очень серьёзные задачи. Своими молитвами мы можем ей помочь. Помогает и милостыня в её воспоминание. Ты не кори себя за то, что вера поколебалась. Мы же не титаны духа, не святые. Пом-

нишь Иова? Прости меня, боюсь быть тебе в тягость своими словами. Пиши мне.

Целую и обнимаю!

26ноября 2009

Вера!

Забыла у тебя спросить про маму: в каком она состоянии? Думаю о тебе очень часто. Все слова бессильны против ужасных воспоминаний: только что была жива — и вот её нет! Как Наташина дочь? Сколько ей лет? Ответь мне, пожалуйста. И ещё: постарайся простить Богу её смерть. Можно сходить на исповедь, только надо к старому и опытному священнику — отцу Алексею Курлюте, например. И, вообще, надо причаститься, чтобы Христос помог преодолеть горечь. А на исповеди рассказать всё честно про то, как поколебалась вера. Но и про желание поправить это положение. Вера! Сочувствую тебе всей душой. Ты перед неразрешимыми вопросами: почему она? Почему именно сейчас? Вспомнила, что старец Силуан Афонский писал о таких случаях: надо поверить в благую волю Господню — « т а к т е б е б у д е т л у ч ш е » . Уходить в протест против Бога глупо — мы же созданы Им, Он устанавливает нам законы, а не наоборот. А потом надо, не смотря на разверстую боль, вспомнить, как много в течение жизни Господь давал добра и миловал. Всё вокруг говорит о Его промыслительной заботе о нас. Только Господь знает, почему тогда нужна была её смерть. Возможно, Господь забрал её как самую готовую к Вечности.

Целую и обнимаю. Душа болит за тебя.



видно, праведных
не хватает на небесах
раз Наташу так рано забрали.

24 ноября 2009

Людочка! Спасибо тебе за горячее сочувствие и слова поддержки, за молитвы и советы. Это очень значимо. Но остаются очень тревожащие меня вещи. Первое — это то, что Наташа, будучи крещеной и начав путь к воцерковлению, вдруг остановилась, перестала ходить в Церковь, поститься, интересоваться этим. Я спросила её: почему? А она так легко мне ответила, без сожаления: «Я ничего не чувствую». И мне было как-то горько по этому поводу. Я накануне поездки спросила у священника, что делать, если человек внутренне абсолютно готовый, готовый по духу к спасению, охладевает. Он сказал, что надо молиться о даре веры. И я как раз хотела поговорить об этом с Наташей. Я так боюсь и боялась лезть к кому-то с поучениями и духовными наставлениями, потому что не имею призвания такого рода, во-первых, и, во-вторых, не считаю нужным вторгаться в автономные сферы. Однажды после последней Пасхи мы говорили с ней по телефону, и она сказала: «Давайте следующую Пасху встретим вместе, в церковь сходим. Мне можно будет у тебя многое спросить». Конечно, я очень хотела бы этого,



но больше не сможем мы с ней вместе встретить Пасху. Я, конечно, уже исповедовалась и причастилась еще в больнице, когда лежала на операции, и все рассказала бабушке о своих потрясениях и сомнениях (исповедовал о. Сергей Адодин). Смысл его утешения был в том, что вот были бы вы святой, то, может быть, и смогли бы изменить судьбу сестры, а так ваши молитвы не имеют такой силы. И как раз с этим связано другое напряжение — способ молитвы. Ведь Господь делает всё по-своему, мы в Его руках и власти. Наши молитвы сводятся все к прошениям или, грубее, — к попрошайничеству, а нужно ли, приятно ли это Богу? Я думаю сейчас о форме молитвы как выражении чистой любви к Богу. Он ведь, действительно, всё знает до того ещё, как мы откроем рот. И знаешь, я не нашла ни одной молитвы, которая бы выражала чистую любовь к Богу, кроме разве что «Приидите, поклонимся...». Я думаю сейчас об исихазме, и мне кажется, это глубочайший и вернейший подход к молитве.

Мама по-прежнему лежит, четвертый год уже. Никто не хотел ей говорить о Наташе, согласилась сказать только мама Инны, второй жены Володи. Она недавно сама потеряла мужа. Маму накачали таблетками, так, что она плохо соображала, даже меня не узнала, и сказали ей. Несколько дней держали на таблетках её. Думаю, её спасло именно притупление чувств, спутанность и слабость. Невыносимо тяжело было первые сорок дней. Я реально почувствовала это рубеж — сорок дней, потом стало легче. Мы на 40 дней говорили, что в Наташиной жизни была завершенность. Она ведь исполнила все свои мечты — работала врачом, у неё была прекрасная семья, сыновья, дочь, её любил муж и, по сути, служил ей, семье, её детям, мы любили её все. Она была редкостной доброты человеком, так что полусуто-полусерьёзно мы называли её «наша домашняя святая». Но, признаюсь тебе, я очень тревожусь, ведь она делала аборт как врач, и я не знаю, принесла ли она покаяние за это, знаю только, что она сделала всё, чтобы избежать этого и заниматься



только родами, и последние 15 лет она их не делала. Это было самым неприятным в её профессии.

И в Тимирязевке первые месяцы было очень тяжело: был свет, и он потух. Я так не хотела ехать туда, заставила себя. Неделю назад мы ездили в Тимирязево. Но, знаешь, что-то сдвинулось, близкие смогли как-то объединиться перед лицом горя, поддержать друг друга. Весь дом, конечно, в фотографиях Наташи. Ушли эта давящая безысходность и отчаяние. Лёша стал спать в их спальне, а поначалу не мог. Сестра Лёшина с дочкой живет у них и помогает, поддерживает. Она сказала, что часто говорят о Наташе — светло и без надрыва. Анечка ожила, ей 19 лет, она на втором курсе мединститута. Недавно я читала книгу трёхстиший Жени Казакова, нашего кемеровского поэта. У него ушла горячо любимая им мать. И он написал трёхстишие, за которое я ухватилась всеми силами.

Теперь мне умирать

Не страшно

Там ждет меня мама

И я думаю, что если Наташа там, то и мне умирать не страшно, она нас там встретит. Господу она нужна. Это как раз о благой воле Господа. Она из нас самая любящая и самоотверженная. Может, для каждого рода нужен встречающий ангел?

Мне много писать об этом тяжело, но обязательно нужно написать тебе о видении-сне, который увидела ровно за месяц до гибели Наташи. В следующем письме.

26 ноября 2009

Верочка! Спасибо за письмо. Жду обещанного рассказа. Днём напишу ответ. Твоя Л.

Людмила, добрый день!

История вот такая. Ровно за месяц до нашей поездки, как раз на Троицу, 7 июня, я видела сон или видение, очень отчетливо, днем, я дремала. И вижу, но сначала слышу стук в дверь. Я подхожу к двери и замечаю рядом с ней ещё высокое стеклянное окно, которого раньше не было. Через это окно я вижу Наташу. Я открываю дверь, и вдруг в дверь первым перед Наташей бесшумно входит Богдан, наша собака. Я смотрю на него с удивлением: «Почему Богдан здесь? Он же умер» (Богдан у нас действительно умер в мае). Вслед за ним заходит сестра. Она в черном пальто и в черной широкополой шляпе, очень молодая и красивая. Это меня поражает: очень молодая. У неё удивительно белая кожа на лице. Мы смотрим друг на друга, и она ничего не говорит мне. Вдруг меня пронизывает чудовищная ужасающая догадка о грядущем несчастье. На её лицо и на моё падает мрачная тень. Я теряю сознание — и просыпаюсь. Две недели время от времени с тревогой вспоминала этот сон. Я думала о том, что может случиться что-то плохое, но я не могла допустить даже догадки о гибели сестры. Такое невозможно было помыслить. Потом я его забыла. Когда произошла трагедия, передо мной этот сон пронесся со всей отчетливостью. У меня есть привычка записывать особенно запомнившиеся и яркие сны. Я его тогда записала. В ночь трагедии я не всё отчетливо вспомнила. Но, когда приехала домой и перечитала, я просто одеревенела: так всё ясно было показано во сне. Особенно её



молодое, красивое белое лицо. Оно было именно таким в первые мгновенья после смерти.

Всё же этот сон стал для меня утешением. Значит, не было никакой глупой случайности, Бог всё определил по судьбе, и ничего не сделаешь. Вот так. До свидания, Людочка, пиши мне. Передавай привет Саше.

30 ноября 2009

Верочка! У меня мурашки побежали от твоего письма. Как тебя любит Господь! Как Он тебя утешил! Я сама тебе хотела писать в том смысле, что Наташина судьба уже была решена, потому и произошла эта неслучайная случайность. Но мне трудно было тебе это доказывать, а Господь, оказывается, Сам тебя готовил. Вера, мне так не нравится то, что я тебе пишу. Прости! Но сказать всё-таки хочется, ведь после книги о семье мне стали близки все твои родные. Главное, не терзайся — покаялась в абортах Наташа или нет. То, что она не делала их последние 15 лет, говорит о покаянии через дело — она осудила их и прекратила делать. Спокойно (но много!) молись о ней до конца своей жизни — ей это в любом случае нужно. Проси, чтобы жестокая её смерть была принята Богом как искупление всех грехов. Так советовал мне о. Николай перед маминой смертью.

Верь Богу, верь, что Ему ничуть не меньше жалко Наташу, чем тебе. Господу надо, чтобы она непременно спаслась. Все её таланты и доброта расцветали перед Ним. Конечно, Наташа нужна Ему в раю. Очевидно, что её рост в земной жизни закончился. Возможно, она достигла максимума. Что-то мешало ей войти в церковь. Она не протестовала, не отвергала, но честно прислушивалась к себе («я ничего не чувствую»). Значит, она войдёт в Церковь в вечности. Знаешь, и Пасху теперь вы будете встречать всегда вместе.

Хорошо пишет А. И. Осипов (книга «Посмертная жизнь»), что после смерти душа движется (как под парусами) в том направлении, куда стремилась всю жизнь. Доброта, чуткость, жертвенность Наташи видны даже на фотоснимках. Уникальный она человек. Разве Господь этого не знает?

Про встречающего ангела ты правильно написала.

Целую тебя и обнимаю. Пиши.

13 декабря 2009

Людмила, спасибо тебе большое за твои слова! Они утешительные и значимые. Скажи, как много молиться? Я знаю только одну молитву за усопших. «Упокой, Господи, душу усопшей рабы Натальи, прости ей все прегрешения и даруй жизнь вечную». Так молюсь о ней по несколько раз в день. Ещё заказываю сорокоусты. А что ещё?

Признаюсь тебе, что-то сдвинулось внутри после ухода Наташи. Меня донимают мысли о тщетности молитвы, о замысленности всех слов, я стала проявлять лень в молитвах, это даже не лень, а некое препятствие. Я хочу это преодолеть. Начинаю молиться, и тут же приходят мысли о том, что у Господа всё решено уже, и всё Он знает до моих молитв. И самой лучшей молитвой оказывается Иисусова молитва.

Я ищу выход.

Напиши мне. Целую. Вера.



13 декабря, 2009

Вера! Слезы на глазах от твоего письма. Как ты теперь мне близка. Тебя терзают знакомые мне чувства, и я очень тебе сопереживаю. Мне сразу хотелось сказать — вот это и есть настоящая жизнь, когда так сложно, что никакие слова не помогают, даже слова молитв. Все вычитанные знания становятся мелкими, фальшивыми, а трагедия души зашкаливает допустимые пределы. Мне всё казалось, что я линейкой или угольником пытаюсь измерить свою тёмную бездну страдания. Душа потому и начинает лениться, что ей нестерпимо больно, у неё болевой шок, и она в бесчувствии, в полусознании ждёт, когда это хоть немного утихнет и ей станет легче.

Вера, я удивляюсь милости Божией к тебе! Очень любит тебя Господь! Значит, Он верит, что ты всё выдержишь. Но и Наташу Он любит. Очищенная невольным страданием, она точно спасена. Я верю. А лучшего, чем спасение и пребывание с Господом в вечности, нет ничего в мироздании. Да, ты правильно молишься о Наташе: краткой молитвой и столько в день, сколько душа просит. И Иисусову молитву ты верно прочувствовала. Может быть, пока душа в шоке и вывихнута, покалечена трагедией, ей нужны простые, сильные, но действенные средства.

Как калека духовной брани хочу пожелать тебе: всегда и до глубины открывай свою боль и недоумение Богу, кричи к Нему. Хорошо ты делаешь, что прямо говоришь о своих духовных проблемах. И в письмах, и на исповеди. Даже если молодой батюшка не поймёт и будет советовать банальные вещи, Господь-то поймёт и сделает по прошению твоему.

Целую и обнимаю. Желаю милости Божией!

Мне не хватает её всегда, и это ничем нельзя заменить, это не затягивается и не уходит чувство отсутствия, болезненного отсутствия сестры в этом мире. Я ожидала, что мы вместе будем переживать старость. Купим с Андреем дом в Тимирязево, хорошо бы недалеко от Ситожевских.

Лишь год спустя я перестала при затруднительных обстоятельствах говорить себе: «Спрошу у Наташи». Подсознание смирилось, наконец, с тем, что спросить у Наташи больше не смогу.

«удалить?» — на экране
вспыхнул номер сестры
последний раз

Почему

И ещё были сны, в которых я тоже пыталась разрешить тайну ухода Наташи.

6.08.2009 Сегодня месяц, как нет Наташи. И было полнолуние, как в ту ночь, когда она погибла. Мне снились кошмары.

В каком-то помещении много народа. И вдруг на заднем плане мелькает кто-то, очень похожий на Наташу. Я приближаюсь, вглядываюсь и узнаю Наташу. Меня охватывает ужас, ведь я знаю, что ее нет среди живых. Я опять теряю сознание, но не полностью, а как во время проводниковой анестезии: я осознаю действительность, но скована, не могу двинуться и начинаю видеть себя со стороны, чуть сверху и сбоку. Я вижу, как моя голова клонится к столу и глаза закрыты. Я тяну руку, раскрываю её, мне нужно, чтобы кто-то взял меня за руку. И рядом появляется Якубовский, он вкладывает в мою раскрытую ладонь свою ладонь, я судорожно сжимаю её и отхожу от ступора. Ему надо уезжать.

Другой эпизод.

Наташа сидит, и я накидываюсь на неё с плачем, я злюсь на неё из-за того, что она ушла от нас, умерла. Я отталкиваю её, но она сидит безучастна только чуть удивлена.

Третий эпизод.

Теперь мы попадаем в очень странное пространство. Я вижу на ночном, но светлом небосклоне цветное пятно, яркое, как переводная картинка. Я удивлена, всматриваюсь в него. Это, оказывается, высоко в небе изображение какого-то сказочного

персонажа, возможно Карлсона. «Это специально для детей», — думаю я. Но пространство странное. Я уже однажды, кажется, попадала в него: сумрачность, но это не наша ночь, потому что от небосклона идет неяркий, очень блеклый свет, он идет, как будто сквозь небесный полог. Будто сами небеса подсвечены из каких-то дальних сфер. Звезды горят не очень ярко, но они больше обычных звезд, напоминают слабо светящиеся горошины. Небесный свод совсем другого, непривычного масштаба: он высокий и очень круто изогнутый. И при этом ощущается как бы большая наша власть над пространством, не знаю, как передать это ощущение, будто своим взглядом мы способны проникать в более высокие сферы и более низкие.

Потом я замечаю ещё одно цветное пятно на небе — при общей светло-серой сумеречности и какой-то монохромности всего окружающего — это тоже некий персонаж. И вдруг я замечаю движущуюся к нам гигантскую фигуру в белой развевающейся одежде. Она идет не по центру, а сбоку, как бы подпирая головой, одну из нижних сфер. Я не пугаюсь, думаю, что это привидение или призрак. Фигура подходит ближе, я замечаю на голове невысокую белую шапочку с красным крестом, как у врача, и белый саквояж. Это женщина, по образу медсестра, пожилая, тощая. В ней есть что-то трогательно-ироничное, и я понимаю, что это тоже сказочный персонаж, она здесь для детей. Но никаких детей в этом пространстве нет. Оно пустынно. Пока я осознаю в нём только себя.

Потом в этом пространстве я вижу дорогу: узкая, серебристо-блестящая, асфальтированная, но бугристая. По ней мы едем с Андреем и Наташей. Дорога стиснута с двух сторон непонятными объемами. С одной стороны, я вижу ступенчатое строение, мимо которого мы проезжаем, и на нём лежит много огромных черных моржей или нерп, в общем, морских животных с лапами, которые громоздятся, нависают угрожающе над нами, готовые свалиться на нас. Я этого опасаясь.



Потом мы уже не на машине. Наташа полулежит на земле, на коврике, на ней коричневый свитер и спортивная шапочка. Она спокойно осматривается. Я подхожу к ней и спрашиваю: «А где дети?»

Четвертый эпизод.

Я подхожу к Наташе, опять плача, в отчаянии. Наташа в своем любимом платье бежевом, с розовыми цветочками, в котором её похоронили. Она мне говорит:

— А я к вам больше не приду...

И так легко говорит, даже чуть улыбаясь.

9.08.2009 Наташа приходит не в дом, а в какое-то учреждение и приносит бумаги, в них разделено всё на разделы, и в первом разделе столбцы из цифр типа: $2x^2x^2x4x5$. И ещё какие-то знаки. Я ничего не понимаю. Наташа в платке, в широкой длинной юбке. Во сне я знала, что Наташа умрет. И я не могу решить: говорить мне это ей или нет. В напряжении смотрю на неё и раздумываю.

15.10.2009 Я с какой-то компанией накрываю стол на улице, там и знакомые, и незнакомые. Я беру противень и ухожу за угол дома. Навстречу идет Наташа. Я знаю, что она умерла и, остолбенев, смотрю на неё. Она в платье в мелкий золотистый цветочек, которое носила долго в первые годы замужества. Наташа потерянно смотрит, проходит мимо меня, не взглянув, не узнав. Я поворачиваюсь



и иду за ней. Она стоит у стола спиной ко мне, мне кажется, что она кого-то ищет глазами. Я вижу её чуть более объемную фигуру, узнаваемую в каждой линии. Я приближаюсь, протягиваю руку... Сейчас я узнаю, что это не призрак и не видение. Я прикасаюсь к ней и чувствую теплое живое тело. Наташа поворачивается и теперь узнает меня. Мы обнимаемся, плачем. И я вижу, как из глаз её текут нечеловечески огромные слезы.

И я задаю ей, наконец, всё время мучающий меня вопрос:

— Наташа, почему?

— Почему мы... — и тут она употребила какой-то глагол, я не запомнила, но смысл её уточнения был таким: «Почему мы родились сестрами в одной семье?»

— Нет, — говорю я. — Почему так рано (почему так рано ты ушла)?

Сон оборвался на этом месте, я не услышала такого важного для меня ответа.

Я помню напряжение всей этой сцены, как будто в ней было что-то запретное, не разрешенное для меня ли, для Натальи, и мы могли поплатиться за это. Но переживание это шло фоном, оно было похоже на осознание недоброго надзора, слежки.

17.07.2010 На крутом обрыве реки пикник. Я с ребёнком маленьким. Ему очень рада, у меня благостное настроение. Не совсем ясно, кто он мне — сын, внук. Но это мальчик, очень хорошенький. Со мной Наташа и ещё какие-то дети с нами. Полуосознанно я знаю, что произойдет с Наташей: скоро она погибнет, но я не хочу ей это говорить, не хочу нарушать атмосферу праздника: «Ещё не время». На другом далеком берегу иногда появляется Андрей тоже с детьми. Мы видим их, радостно приветствуем. Но всё моё внимание сосредоточено на ребёнке, я люблюсь им. Ему 3—4 года. Играя, он отсаживается от меня и вдруг соскальзывает с обрыва и падает в воду. Я понимаю, что это почти неизбежно гибель. Обрыв очень высокий, ребёнок не умеет плавать, он не выплывет. Меня охватывает ужас. Я смотрю вниз



на воду, она покрыта сверху ярко-зелёной тиной. И из воды угрожающе выступают какие-то железные конструкции. Ребёнка не видно. «Прыгай! Прыгай! — мысленно приказываю я себе. — Тебе надо прыгнуть, чтоб спасти его!»

Я боюсь, медлю, мне очень страшно, я могу напороться на эти железные прутья. И тут в голове шевелится трусливая мысль: «Если я немного помедлю, то обязательно прыгнет Наташа».

И Наташа прыгает. Она достаёт ребёнка и выносит его. Но теперь он другой: это маленький младенец без одежды. У него распухший от воды живот. Кажется, Наташа сделала ему искусственное дыхание. Я кладу его на живот и надавливаю тихонько. Из рта вытекает вода. Он открыл глаза, ожил. Страх и ужас отпускают меня. Но я снедаема мыслью: «Я не прыгнула, струсил, я ждала, пока прыгнет Наташа». Это не даёт мне пережить полную радость и счастье от спасения ребёнка.

02.06.13 Мы провожаем Наташу. Она уезжает непонятно куда. Уезжает якобы из-за того, что рушатся отношения с Лёшей. Никто не говорит, почему рушатся, но есть (у меня?) догадка, что он начинает строить отношения с другой женщиной, неизвестной. Но это всё не ясно. Собрались провожать все: Володя, я, Андрей, Аня, сам Лёша, он с фотоаппаратом. Там

были Витя и Саня Коротченко, оба молодые, красивые. Саня какой-то большой, высокий¹. Наташе там, куда она едет, предстоит устраиваться заново. Мы оживлены, и Наташа тоже, и Лёша, но это ощущение какого-то крайне нервного подъема, как перед тревожным и неведомым. Наташу ещё раньше я видела плачущей, но теперь она изо всех сил пытается выглядеть оптимистичной. Лёша взял у неё телефон, нет, скорее айфон:

— Мы сделаем вот так, чтобы тебя видели во всем мире, — он вроде бы включил какую-то опцию так, что в телефоне или возле него появилось голографическое изображение Наташи. Почему голографическое? Потому что я видела её темное поясное изображение объемным и даже как бы сзади или сбоку. И как будто это связано с необходимостью там, на чужбине, искать работу, контакты.

26.11.15 Я убила Наташу. Во сне я никак не могла мотивировать это эмоционально. Мы спали в ней на одной кровати (как в детстве). Я завернула её в ковёр или толстое одеяло и несколько раз проткнула острым ножом. Потом я положила сверток на полку между книгами, что-то вроде большого стеллажа, это наш стеллаж, который стоит в зале. И в этом всем (во сне) было ощущение жуткой подлинности и в то же время какой-то театральности. Я думала, что кровь может протечь через ковёр, и мне надо будет что-то с этим делать. Но, кажется, кровь не протекла. Потом я вижу, что возле полки, где лежит Наташа, женщина в цветастом платье моет пол, и мне кажется, что она о чём-то догадывается. Я подхожу к ней и начинаю ей угрожать, и в этом какой-то дурной фарс, так как я беру её за подбородок, угрожающе приближаю своё лицо, сужаю глаза и прочее, пытаюсь внушить ей страх и желание молчать о своих подозрениях. И, что особенно ужасно, я чувствую у себя внутри душу убийцы. Мне хочется посмотреть на Наташу. Я отворачи-

1. Вслед за Наташей первым из нашего поколения родных и друзей ушёл Саша Коротченко. Он очень горько оплакивал Наташу.

ваю конец ковра и вижу её бледное лицо, закрытые глаза, кровавые ранки, ссадины. И потом я говорю себе: «Меня нет, только жалкие остатки меня прежней внутри. Мне с эти придется жить всю мою жизнь». Ощущение самой себя было адским. И вдруг постепенно ко мне возвращается моё подлинное ощущение, обычной женщины, не убийцы, и только потом я просыпаюсь.

Наверное, в этом сне подсознательно проявилось подавленное чувство вины перед Наташей: мы были рядом, сидели в машине, касаясь друг друга. Она погибла, а я нет. И это чувство вины трансформировалось в жуткий сон, где я её убила.

24.03.2016 Мы с братом танцуем. У нас всё получается очень ловко, слажено, рука встречается с рукой, ритмичные повороты, согласованные движения. И этот танец доставляет нам радость. Мы, улыбаясь, смотрим друг на друга.

Стукнула входная дверь.

— Кто-то пришёл, — сказала я.

Я вышла в прихожую. Навстречу мне — Наташа.

— О-о-ух!

Я знаю, что Наташа умерла, и её приход меня удивил, поразил, но своим возгласом «о-о-ух!» я пытаюсь скрыть это изумление, показать Наташе радость.

Она говорит:

— Включите свет (в нашей кухне).

Я включила.

— Вы купили кровать? — спрашивает сестра.

На кухне мебель почему-то навалена кучей. Наташа оживлена, весела.

— Я буду вот здесь, на полу спать, — говорит сестра.

Она как будто хочет к нам вернуться.

Чем будем оплачивать счастье?

Наташа писала в дневнике, что первые два года в супружестве были самыми счастливыми: семья, любовь, сладостное материнство. Никакие тучи не сгущались над их головами. Но так бывает не всегда.

Здравствуй, Веруся!

Привет всем нашим.

Вчера получили от тебя письмо, были очень, очень рады, так как из Томска давно не было писем. Из письма выходит, что ты на 1 Мая в Бийск не собираешься. У меня почти не было сомнений в твоём приезде на праздники к нам. Я и папу пригласила приехать, посмотреть внука, сообщив, что имеется большая вероятность твоего приезда. И, вообще, я не принимаю никаких возражений. Собирайся и приезжай. Неужели не выкроешь два-три дня? Тем более из них 1 и 2-е выходные.

Мы все здоровы.

Я занимаюсь Ромкой и пеленками, немного уборкой, на прогулках пишу письма и читаю хорошую книгу Спока.

Ромка исправно набирает вес. Наверное, уже переваливает рубеж 4-х килограммов (16.04 был 3.770), становится мягче, круглее и тяжелее, разумеется красивее.

В пеленках ему уже не нравится. Когда его разворачиваешь, он ликует, помогает своими ручонками и ножонками побыстрее сбросить ненавистное иго. Ножками дрыгает неустанно, не останавливаясь ни на минуту. Когда его вновь заворачиваешь (особенно если с руками), взгляд у него жалостливо-недоуменно-недовольный. Научилась кормить его лежа, очень удобно для нас обоих. Сосет



Наташа с сыном Романом

с большим чувством, постанывает от удовольствия, смакует, периодически засыпая. Близенько прижмется, поджав ножки, запрокинув голову, уснет — и будить его жалко. Во время кормления обязательно скрутит дуло, положит на грудь и с серьезным видом сосет.

Уже очень часто улыбается своим беззубым ротиком, когда говоришь с ним, называешь хорошим, прекрасным, замечательным мальчиком. Особенно часто улыбается маме. Очень любит находиться в вертикальном положении, при этом у него интереснейшее лицо — с приоткрытым ртом. Крепко

стоит на ногах, когда его держишь подмышками, только голова покачивается. Да что это я всё рассказываю? Наяву это во много раз интереснее увидеть, чем читать жизнеописание. Приезжай.

До свидания. Целую. Жду. 22.04.82. г. Бийск
Наталия

Приехать на майские праздники в Бийск мне не удалось, но, как только Наташа возвращается в Томск, мчусь в Тимирязево пообщаться со своим племянником.

Папе пишу: «Лёшик с Натальей сейчас усиленно налаживают свой быт. Ромка растет очень быстро, я по нему сама скучаю невероятно, иногда даже во сне снится. Жили бы они поближе, так было бы славно. А для того чтобы добраться до Тимирязевки, нужно часа 1,5—2: очень плохо стали ходить автобусы» (от 18.10.1982).



Родился Пётр. С коллективом родильного отделения Тимирязевской больницы

20 июня 1983 года у Наташи с Лёшей рождается второй сын — Пётр. С его рождением были связаны трагические события. В родильном отделении Тимирязевской больницы началась какая-то страшная стафилококковая инфекция, которая поразила большинство рожденных в это время младенцев. Заболел и Петя. Он находился в очень тяжёлом, практически предсмертном состоянии. У него начинался отёк лёгких. В Наташином дневнике на отдельном синем листочке — запись. Это материнский вопль:

«27.06. 1983. Господи! За что?! Чем я провинилась перед людьми, за что я так наказана?

Петьку хороню второй раз. Первый раз, когда он ещё и человеком не был (угроза прерывания беременности из-за отрицательного резус-фактора у Наташи), и вот сейчас второй раз... Лежит передо мной маленький жёлтенький старичок. Отдала бы свою жизнь, лишь бы он выздоровел и вырос здоровым и хоро-

шим человеком. А я мало чем могу помочь ему сейчас. Петька, Петька, живи, живи! Жизнь так прекрасна и трудна, и интересна. Петька!!!»

04.07.83, 09.15. Ровно две недели назад мы родились. И всё в одной поре, не перешли ещё той черты, где указатель «выздоровление». Вместо спокойного сна, сладостного сосания с улыбкой, страдальческое личико, бесконечные системы, уколы, зонды.

А какой сегодня день для нас с отцом — 4 июля... Стог сена, Беленькое озеро, слабый рассвет... Как мы были счастливы...»

На помощь пришла Оля Володарская. Оля как раз была в Томске в эти дни и помогала Наташе ухаживать за Петей. Вернувшись в Улан-Удэ, как вспоминает Ольга, «в течение суток объехала несколько лечебных учреждений, где наскребли достаточно ценные лекарства: дефицитные антибиотики, антистафилококковую плазму». Подруга работала в системе педиатрии. Их Ольга тут же переслала с летчиками из Улан-Удэ в Томск. Сыворотки хватило Петьке и ещё одному младенцу. Они остались живы, шесть детей умерло. Наташа сохранила телеграмму подруги: «Лекарство самолётом со стюардессой. 30 июня. Ольга». Спаси её Господь! «Домашним ангелом» называла её Наташа. Ольгу нарекли крёстной матерью Петра.

Выписавшуюся из больницы с сыном Наташу не оставляют тяжкие воспоминания: «...Плач матерей, серые, жёлтые их лица в стационаре. Арест Эммы Васильевны, Надежды Васильевны. А перед глазами иногда всплывает худое жёлтое Петькино лицо с крючковатым носом, из которого идёт зонд, иголки в голове и его недвижный, долгий, очень взрослый взгляд запрокинутой головы, взгляд в окно на качающиеся верхушки сосен, на синее небо с плывущими облаками... Как будто смотрел в последний раз, так пристально. Каким богам я только не молилась, чтобы он у меня остался жив. Никто не мог мне обещать этого. Пер-

вые ночи дежурства — с Ольгой Володарской, потом дежурил Алёша. Я неделю по ночам не спала.

До рождения Петьки мелькнула такая мысль: мы счастливы, любим друг друга, здоровы. Ромка — прекрасен, в общем здоров. У всех что-то бывает. У нас всё благополучно. Чем мы, интересно, будем оплачивать своё счастье? Дорого взяли с нас».

И вот уже через пять месяцев после болезни Петра в письме папе я пишу о нём: «Петька стал переставлять ножки. Теперь он толстый и красивый. Только вот диатез его замучил. Смотрит уже осмысленно, глазки умные. Да ты его скоро увидишь, когда он придет в Красный Яр. Ромка уже болтает почти свободно, обо всём может изъясниться на человеческом языке, правда мама и папа не всегда его понимают. Очень любит музыку и часто просит её включить:

— Мюзику, ла-ла-ла... — таким образом просит включить проигрыватель».

Я неоднократно говорила Петру, что Бог готовит ему особую судьбу. Сколько раз Он спасал его, вытаскивал из тяжелейших ситуаций. До рождения — угроза выкидыша из-за отрицательного резус-фактора у Наташи. Сразу после рождения — жуткая инфекция. В шесть лет на него опрокинулся чайник с кипятком. Ожог — 20%. Счастливо отделался тем, что шрамы остались только на спине. Потом в 18 лет перевернулся на своём «Запорожце» так, что машина не подлежала восстановлению, а Петя, будучи не пристёгнут, не получил ни одной царапины. В 2005 году, когда Петру было 22 года, он с группой отправился в поход на Центральный Тянь-Шань. На перевале Опасный их накрыла лавина. Пётр пролетел в лавине 800 метров. Уже под снегом с начинающимся отёком лёгких по страховочной верёвке его нашли товарищи. Сам выбрался до автобуса.

В письмах к отцу я чаще всего пишу именно о племянниках. Из моего письма папе от 18.11.1983: «Наталья с детьми вернулась в Томск. Я один раз уже была у них. Мальчишки так пе-



С сыном Петром на спортивном мероприятии

ременились. Ромка стал таким красивым ребёнком, прямо загляденье. С любопытством относится ко всем, кто приходит. Улыбается им застенчиво. Любит, чтобы ему читали. Раньше и минуты возле книг не просидит, а сейчас садится рядом (ноги обязательно с дивана свесит) и подаёт книги одну за другой. Книги не рвёт. Петяка такой большеголовый стал. Наверное, очень умным будет. В эту субботу мы с Володей поедem в Тимирязево. Недавно были с ним в театре, смотрели спектакль Ж.-П. Сартра «Только правда». Нам очень понравился».

В следующем письме: «Алексей сейчас учится и детьми занимается только по выходным дням, домой приезжает очень поздно, часов около 11–12 вечера. Ему трудно выкраивать время. Но с детьми, мне кажется, держится правильно: очень серьёзно с ними разговаривает — доброжелательно-строг».

Мы ещё не знали, но папу тогда уже начинает точить смертельная болезнь.

У Наташи нескончаемые домашние заботы: уборка, кухня, стирка, шитьё. Жалуется на нехватку денег: «довольно однообразное питание, Алёша ходит в разбитых вибрах страшных», надо много шить, готовиться к ординатуре. Болеют дети: бесконечные горчичники, капли в нос, ингаляции, натирания. В наличии все проблемы молодой семьи.

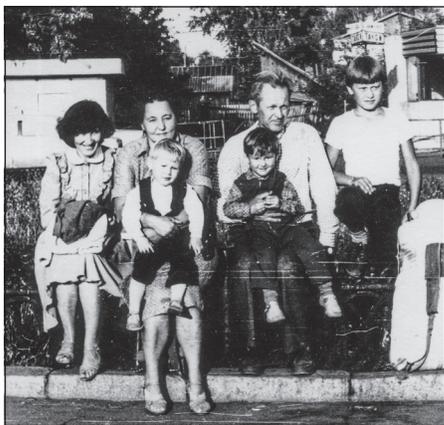
Она пишет о своей новой системе ценностей: «Что я хочу от жизни? Во-первых, быть и оставаться любимой женой,

во-вторых, быть хорошей матерью, в-третьих — хорошим врачом. До 35—37 лет защитить первую категорию, быть неплохим хирургом-гинекологом, владеть иглотерапией в масштабах акушерства и гинекологии, овладеть эндокринологической специализацией. И немного заниматься туризмом».

Годы после рождения Пети оказались очень трудными для Наташи: надо было поднять двух родившихся один за другим ребятишек практически одной. Лёша начал учиться в аспирантуре, надолго уезжал в длительные командировки в Москву работать в лабораториях. Когда работал в Томске, тоже с утра до вечера занимался в лабораториях. Наташу это, конечно, обижало. Но мне, как бывшей аспирантке, понятно: аспирантское время короткое и оно, как известно, жизнь кормит. Никогда тебе не предоставят больше таких возможностей. Не уложишься с защитой — будет поставлена под сомнение твоя научная карьера. И денег в семью потом не сможешь приносить. Кто ж знал, что в скором времени наступят девяностые, которые надолго обнулят и девальвируют всё.

Наташе часто и много помогали обе мамы: бийская мама Галя и казахстанская мама Аня — так их называли в семье. «О, наши милые, самоотверженные мамы! Какие мы, дети, эгоисты по отношению к ним», — признаётся Наташа. Сестра подолгу жила у них с ребятишками.

Весну и лето 1984 года Наташа проводила с детьми у мамы Ани в Казахстане, в Красном Яре. Это было тем летом, когда умер папа. Ещё одна беда.



Наташа с детьми и родителями Алексея — Галиной Вячеславовной и Викторинном Петровичем на вокзале в Бийске

В дневнике, на заключительных страницах, сестра описывает последние дни и уход папы.

«Вид отца в онкодиспансере меня поразил. Вообще-то я и боялась встречи с ним. Худой-худой, седой и какой-то как будто растерянный. Нет двух передних зубов справа (расшатали при бронхоскопии, пришлось удалить). Губа как-то жалостливо западает. На утреннем обходе зав. отделением в довольно резкой форме сказал, что ему надо собираться домой (никто не сообщил ему его подлинного диагноза и бесполезности лечения, Наташа тоже не решилась это сделать). Отец выложил удостоверение участника войны и орденскую книжку и сказал, что позвонит в обком, мол, слабо себя чувствую, едва на ногах стою, а меня выгоняют. Я бы и сам ни минуты здесь не остался, но слаб. Я тут же разрыдалась, не удержалась. Игорь Борисович (лечащий врач) мне выговорил, как подобает себя вести. Рассказал он мне подробно всю эту историю: поздно, рак IV степени с метастазами в печень. Бронхоскопия лёгкого, биопсия печени — рак, сомнений никаких нет.

В этот же день мы уехали в Кокчетав. Отец остался отцом, тяжело больной, слабый, шатается, а сам очки на нос — и к книжному киоску.

И вот началось моё враньё. Недели через две видит отец: ни хуже ему, ни лучше. Сначала заговорил о специалисте по лечению, а потом, что ему надо лечь в областную больницу. Обиделся, наверное, он на меня. Что я могла сделать? Алиев привёз Ильясова, главврача Красноярской районной больницы. Посоветовал он ещё глюкозу. Стали делать глюкозу. Сначала читал, смотрел телевизор, выходил к столу, умывался, утром чистил зубы, брился, силы оставляли его. Когда 20 июня приехал Лёша, он его уже брил, последний раз почистил зубы в постели, стали водить в туалет. Да, ещё 15 июня был день рождения папы. Подарила ему цветы. Сказала, что он прожил прекрасную жизнь, и мы ещё будем завидовать его жизни. Сказала спасибо за то,

что он наш отец и поцеловала руку. Разревелась. За столом он сказал: «Немного печальный день рождения. Ну ладно, давайте выпьем. Дай бог, не последняя». Да, это была последняя. Ему исполнился 61 год.

Когда мы привезли его, шли к дому, он такими глазами на всё смотрел... как в последний раз. После этого он так ни разу не вышел на улицу. Потом, когда ему было совсем худо, при Алёше сказал: «Когда же будут брать анализы, ты же видишь, мне совсем худо, мне очень плохо». Потом извинился. Стал плохо говорить, с трудом стали его понимать, совсем ничего не стал есть. Дремлет и дремлет. Может, думал о чём-то. У него уже начиналась печёночная кома.

Месяц назад, в это же время, в 23.45 он не жил уже. Об этом знали Вера, тётя Рая, Александра Степановна. А мы в Красном Яре ещё не знали. Они не слышали, как он умер. Тихо. Они пили чай на кухне. Говорят, что хорошо, когда не видят».

После смерти папы уже никто не сохранял мои бумажные письма. Да и традиция писать такие письма практически прервалась. Наступило время телефонных звонков. А телефонные разговоры не сохраняются. Но сохранились дневники сестры.

Последний дневник

Последний Наташин дневник: сильно потертая общая тетрадка. С обратной стороны обложки Наташа написала свой домашний адрес. На случай потери. Был дорог и нужен. Там Наташина жизнь за 23 года: с 02.09.1984 по 17 марта 2007. Иногда за год исписывались лишь две страницы. Последние два года она не делала записей. Остались чистые листочки, хватило бы на несколько лет. Я прочла Наташин дневник за два вечера. Между исписанными страницами лежали засохшие цветы фиалки и листик лавра.

Это сугубо семейная хроника. Ни о каких политических и иных событиях в стране и мире не писала, лишь вскользь и только один раз. Всё её главное внимание сосредоточено на семье, детях, семейных делах и событиях. Пишет и о работе, но по сравнению с главной темой — меньше. На страницах дневника описываются новости в жизни друзей, родственников.

Первая запись в дневнике сделана 2 сентября 1984 года — о самом важном и тревожащем её. Отмечено даже время записи: 21.09 Москвы. Наташа, как я упоминала, была с детьми у мамы в Красном Яре в Казахстане. Алёша учился в Москве в аспирантуре. Она оставила мальчишек с бабушкой и поехала в Томск оформлять отпуск. «Я в Тайге, очень знакомой для меня станции. Рано утром буду в Томске. Вчера должен вылететь из Москвы Алёша. Как-то радостно и тревожно. Я чувствую в наших отношениях какой-то кризис. Испытывает он то же самое чувство или нет? Я будто сомневаюсь, любит ли он меня, люблю ли я его? Или началось уже у нас супружеское охлаждение. Веро-

ятно, что оно рано или поздно наступает. Можно ли его предотвратить? Я думаю, что можно. Как?»

В Красном Яре 27 августа 1984 Наташа встретила своё тридцатилетие. «Мне исполнилось 30 лет. Круглая цифирь. Справили обыденно. Некогда нам было печь пироги. Мама, бедная, совсем забыла. Только когда утром принесли телеграммы — вспомнила. Срезала мне цветы на огороде. Я сбегала в кулинарный магазин, купила печенье, четыре пирожных, по одному на душу, бутылку газировки. Вчетвером — мама, Рома, Петя и я — попили чай. Вот так просто и отметили.

В октябре я должна начать работать. Осознаю, что начинается новый этап в моей жизни. Кончилась молодость, мой возраст можно считать зрелостью. Двое детей. Муж. Заботы о доме и обязательно должна быть хорошая работа. И извечный вопрос для меня: как всё это совместить?»

Наташа начинает работать. Дальнейшие её записи делаются в телетайпном стиле: коротко, отрывисто, редко — времени нет. Иногда и вовсе одна запись в год, в отпускные дни.

Коллектив на работе сложный, конфликтный: в отделении происходят разборки с участием главного врача и администрации.

Наташа отмечает все добрые перемены, происходящие у друзей: справили новоселье у Мальцана, Городецкого, поставила на учёт по беременности Галю Латынцеву и Татьяну Суслову. Между делами: «Вчера стукнуло 32. Ой, как годы летят!» (28.08.86). «Алёша защитился. Один этап в нашей жизни кончился. Я поступила в ординатуру».

Рассказывает о приездах старых друзей: «У меня были Людмила, Аваз, Розбицкий. Аваз прежний, Людмила грустна. Розбицкий по-прежнему толстый и весёлый. У Розбицкого трое ребятишек — девочки. У Аваза тоже трое, старшему — 8—9 лет. Аваз в аспирантуре, Людмиле достаётся».

«Приезжала Наталья Буржинская с дочкой Светой. Тоже пожили сутки. Мальчишкам Светлана очень понравилась: «Мама, а давай Светлана будет наша. Если к ней будут приставать мальчишки, мы её будем защищать!» Защитники нашлись — Светлана рослая девочка, на две головы выше них».

Нередко приезжает и Оля Володарская.

В 1987 году Наташе удаётся сходить в долгожданный поход на Алтай. Ходили втроём: я, сестра и мой муж Андрей. «Сижу на высоком валуне, смотрю на Дарашколь. Закат. Бирюзовая, зеркальная вода отражает горы, небо и облака. Шумит водопад. Смотрела бы на эту красоту много дней. Июль. Всё цветёт и благоухает. Даже собрала гербарий. За последние шесть лет первый раз так отдохнула. <...> Хочется привести сюда Алёшу, его и своих друзей, детей, когда подрастут и окрепнут».

Если и есть топ самых красивых в мире озёр, то Дарашколь в него, несомненно, должно входить.



Горный Алтай. Озеро Дарашколь

Осенью 1988 году Наташа заканчивает ординатуру. Задумывается и размышляет о своём профессионализме: «Интересно, какое впечатление я о себе оставила? Мне это редко бывает интересно, а вот сейчас — да. Вероятно: трудолюбивый, но несобранный доктор с весьма средними способностями. Да, так оно и есть. Видимо, по своей природе я не хирург. Наверное, буду потихоньку делать типичные гинекологические операции. Но чтобы это не было хуже, чем у других, — работать, работать и работать. А вообще-то много проколов и не очень много достижений», — бескомпромиссно подводит Наташа итог.

В то время Наташа мечтала специализироваться по эндокринологии и организовать эндокринологический приём.

25.01.88: «Новый год встречали у нас, в Тимирязево, в большой компании — 20 человек. Было тесно, мне не понравилось, но сами виноваты — наприглашали. Всех хотелось увидеть на Новый год. Больше такой компании нельзя созывать. Очень хорошо встретили Петин день рождения на нашем старом месте в лесу. Были наша семья, Володя и Натка. Мы жарили шашлыки, Володя купил фруктов. Натка связала Петуху красивый свитер. Вот уже и Володя пришел с армии в начале июня. Понравился мне брат.

<...> Боже, как обеспечить моей семье, мужу, детям достаточно тепла в нашем доме? Дай Бог мне силы и время на это!

Как умудриться ложиться в 22.30 и вставать в 6—6.30, будить семью в 7 часов, чтобы все делали зарядку, умывались, убрали постели, завтракали и к 8 часам все успевали выйти из дома. Как сделать, чтобы с желанием и охотой дети убрали за собой постель, стирали свои вещи и, если уж совсем учухаются, мыли посуду, пол, ходили за хлебом и молоком? Как не отбить у них желание учиться, а привить его? И как привить вкус к чтению и постоянному труду?

И как самой не опуститься в этом круговороте больших и малых дел?

Ведь надо же по средам стирать и готовить пищу, по четвергам гладить и готовить пищу, 1—2 часа читать, позаниматься с детьми. В пятницу сварить пищу, сделать уборку, позаниматься с детьми 1—2 часа, почитать и сходить бы в баню. В субботу бы чего-нибудь испечь, приготовить немножко необычной пищи на субботу и воскресенье. А в воскресенье организовать семье интересный, полноценный отдых. Обеспечить Алёше 3—4 свободных вечера в неделю.

А если ещё родится дочка (хочется дочку)?»

Наташа постоянно жалуется на отсутствие времени: «Плохо со временем стало» (08.09.88); «Совсем ничего не успеваю. Плохо, очень плохо» (10.11.88).

«Я запустила детей, вернее выпустила их из рук. Занялась менее важными для меня делами — порядок в квартире, чистота белья. А нужно: дети, муж, питание, работа и т. д.»

И всё-таки Наташа мечтает о третьем ребёнке: «Надо решать вопрос о третьем ребёнке, или в ближайшие полгода-год, или никогда. Надо поговорить с Алёшей. Нужна ли ему дочка? Или нет?» (20.12.88)

Любимым местом отдыха семьи Ситожевских стало Лебяжье — деревня недалеко от Бийска, где купили домик Викторин Петрович и Галина Вячеславовна. Вокруг дома был большой огород-сад, за которым сразу начинался лес, студёная река Лебяжка, впадающая в Бию. Сюда каждое лето Наташа ездила с детьми.

Летом 1989 года Наташа и Лёша вместе с детьми и компанией друзей совершают первый семейный поход в Кузнецкий Алатау. И хоть до цирка Большого Зуба не дошли, река Казыр тоже очень понравилась.

19.08.89: «Что особенного за год? Домашние дела, дети, милые дети, которых люблю, которые огорчают, которые мешают, не слушаются и редко радуют, и обнимают, и веселят. Ромка



Поход в Кузнецкий Алатау

неплохо читает, считает. Пойдёт в первый класс. Вот и дожили, сын — школьник».

Сестра откровенно и бесстрашно пишет о сложностях и кризисах в отношениях с мужем. Как истинный доктор, она постоянно диагностирует градус отношений, анализирует анатомию супружества. Этот градус, понятно, не может оставаться неизменно высоким всегда.

Начинается ожидаемый в общем период семейной жизни, когда восторженные отношения становятся более спокойными. Наташа переживает этот период очень болезненно, ей кажется, что Лёша её меньше любит, а то и вовсе разлюбил. Через два года после замужества в 1983 году она запишет: «Разбился ореол и вот она — я: недалёкая, нерасторопная, да и просто глупая, растяпа, хозяйка никудышная, эгоистичная и т. д. и т. п.» — в обычном Наташином стиле. Её снятся тревожные, пугающие сны. Они оба мучаются, ночами, «выясняют отношения». Я не знаю всех перипетий и не хочу об этом писать. Но меня по-



Алексей и Наталья

разило вот что: Наташа, чувствуя, что отношение к ней Лёши стали более прохладным, предполагает, что он влюбился в кого-то. Она начинает переживать, что встретила Лёше слишком рано, а та, возможная другая, слишком поздно. И,

может быть, у него теперь большая, настоящая любовь, гораздо более глубокая, чем его прежние чувства к Наташе. И он бы мог быть с ней счастливее, но теперь связан с семьёй и детьми. Как не изумиться? В этой ситуации она переживает не за себя и за детей, а за любимого мужа. Но разрыва или даже серьёзной размолвки не происходит. «18 августа приехал Алёша из колхоза. Как загорел, возмужал! — восхищается Наташа. — Встреча была радостной».

25.08. 88. «Алёша. Отношения ровные, доброжелательные.

Мои мысли: Я знаю, что ты не любишь меня, но и не бросишь семью. Я знаю, что, если меня поставить в один ряд с NN и все мы благосклонно к тебе будем относиться (одинаково благосклонно), ты выберешь не меня.

Супружество-любовь, если и была, то, вероятно, кончилась, предлагаю супружество-дружбу. Хорошая тоже вещь.

Я очень любила тебя, но, когда поняла, что ты меня не любишь, стала душить свою любовь, потому что очень тяжело жить с любовью, зная, что тебя не любят. А я не знаю, жива ли она сейчас, может, и теплится что-нибудь, может быть, даже что и вспыхнет.

Вопрос с третьим ребёнком не решен».

У меня тревожное чувство. Я душу свою любовь. Мне действительно стало легче — больно любить человека, когда знаешь, что тебя не любят. Но Алексей хочет, чтоб его любили. Я знаю, что я своими руками разрушаю свою семью, но я не могу притворяться любящей, быть неискренней. Но я хочу его любить! Хочу! Боже, кого мне ещё любить, как не своего мужа, отца своих детей?! Я верю в его желание сохранить семью, жить с семьёй. Но я не верю в его искреннюю любовь. Я, по-видимому, не подхожу под тот высокохудожественный образ любимой, прекрасной, умной, всё успевающей, я далека от этого образа».

И далее фраза: «Благодарна себе за то, что я не завистлива, и просто сторонюсь быть с любимыми и уважаемыми мною людьми близко, и люблю их».

Эти ее откровенные страницы пусть будут утешением для других, у кого пока не ладятся гармоничные отношения. Счастье семейное создается, культивируется, оно не является неизменной данностью. Оно переживает потрясения, затяжные кризисы и ощущения разлада и краха любви. Это всё под силу преодолеть любящим супругам, как преодолели Наташа и Лёша.

Ведь решились они на третьего ребёнка, как и была уверена Наташа, — девочку! И нестроения все преодолели.

Я была свидетелем одной сцены. Как-то Наташа ревниво сказала о том, сколько, наверное, много красивых девушек в Москве (это было в пору, когда Лёша учился в столице в аспирантуре).

Лёша сказал:

— Красивых много, а прекрасных очень мало.

Он взял Наташу за руку, посадил на колени, обнял её, посмотрев в лицо с пристальной нежностью. Такой у него был критерий красоты.

Полтора года у Наташи не доходят руки до дневника. И вот, радостное и долгожданное событие. В 1991 году 14 сентября родилась дочь. «Как хочется, чтобы была счастливой женщиной!»

Наташа записывает: «Запомнился день. Стоял прекрасный день бабьего лета — синее-синее небо, прозрачный воздух, золотистая листва. Воскресенье. Звонят колокола. Алёша с ребятишками пришли ко мне. Алёша молод и красив, у него весьма интеллектуальный вид — мамин свитер, черная рубашка. И не верится, что у этого молодого человека трое ребятишек. Поняла ещё раз, что я его все-таки очень люблю. И ещё раз объяснилась в любви в записке, пущенной самолетиком».

Чуть вкусила безоблачного счастья и опять начинает себя безжалостно корить и ругать: «А ребята у меня запущены: неразвиты, невоспитанны. И как профессионал — серый и мать такая, что не может дать своим детям должного воспитания. А задача моя как матери, чтобы дети выросли честными, и очень хочется, чтобы не лодырничали и лоботрясничали. Истинной интеллигентности им дать не смогу — сама не интеллигентная. Это уж, к сожалению, придётся приобретать самим, если им захочется и будут на это способности. А пока дома воюю со своими сыновьями. Печально, плохо понимают доброе слово — больше

понимают «драние» ушей».

С мальчишками так.

Начались 90-е невообразимые дикие голодные годы.

02.01.1991 «В магазинах страшно пусто. Боюсь голода. Когда начнём жить по-человечески? <...> По-моему, в этом году не до книг, за более-менее сносную жизнь придётся драться. <...> А вообще, в этом году меньше собираемся домами. Тяжело с продуктами. Каждый выживает сам по себе».



С молоком матери

Наташа обшивает всю семью, ремонтирует, латает, припуживает. Шьёт куртки, брюки, портьеры, ветровки, готовит. На руках маленькая Аня, которая привязана к матери и не желает отпускать её от себя. Воюет с сыновьями. Делает заготовки.



С дочерью Анной

Урывками — газеты, журналы, книги по акушерству и гинекологии.

«На свою врачебную карьеру я начинаю потихоньку махать рукой (пока, на ближайшие 2—3 года)».

«Не успеваю, ничего не успеваю» — мотив частый. На самообразование и гинекологию остаются крохи времени. Ей очень хочется заниматься иглорефлексотерапией. Переживает из-за того, что не хватает времени на профессиональный рост. Разрывается между семьёй и работой. И потом вдруг: «Да что ты плачешься?! У тебя трое детей, муж, тебе можно только на детей, на семью поставить свою жизнь, и будет нормально! Уж, наверное, я так воспитана, что мне надо ещё пахать на работе. А вырастут дети — разведутся, и буду я тосковать-куковать дома. Буду чувствовать себя брошенной, несчастненькой. По-видимому, не работать я уже не могу».

Наташа назвала как-то себя «мягкотелой медузой» в сравнении с одной из родственниц — «женщиной-кремень». Но ведь

нам нужна именно женская мягкость и теплота — она нас греет и радует, а кремень — ужас! — острый и холодный.

О 1991 годе: «Хозяйство, хозяйство... Дети. Думы о хлебе насущном. <...> А у меня голова пухнет от большого количества дел».

Болезни детей, уход, лечение, контроль за их учёбой, домашние дела — кухня, заготовки, шитьё. Рому — в художественную школу и на английский, Петю — в гимназию, на лыжи и бальные танцы. Всё это заполняет страницы дневников.

«Алёша работает с утра до ночи», «он устал» — не раз записывает Наташа. Он всегда так работает, до сегодняшнего дня. Действительность весьма немилосердна к нашим мужьям, заставляя их становиться или трудоголиками, или алкоголиками. Иногда и теми, и другими одновременно.

03.12.92: «Мама Аня приезжала до Нового года недели за две и уехала 7 февраля. Милый мой человек, как она старается выложиться и помочь мне, когда приезжает».

И среди всего этого пытается заниматься иглорефлексотерапией. С увлечением проучилась на 1,5-месячных курсах иглорефлексотерапии.

Летом 1992 года Наташа с детьми в очередной раз была у мамы в Казахстане. Этим летом маме исполнилось 70 лет. Самым волнующим из этой поездки было посещение любимых Наташей мест: Аиртава и Раздольного. В Аиртаве она ездила вместе с тётёй Леной Кулешовой.

«Наконец появились и пробежали мимо нас знакомые сопки. Сердце защемило... Вот и Аиртав... Его, конечно, можно узнать, но сильно изменился. Старый клуб и старый магазин. Бывшая школа, прежде ещё бывшая церковью, смотрит пустыми глазами. Стоят дома деда Яши и бабы Даши, деда Саши и бабы Ули. А дома тётёги Оли и дяди Пани нет — снесли. Исчезли многие дома, как будто их здесь и не было. У меня ощущение: стало хуже, грязнее. Росла во времена моего детства трава-мурава.

И только колея дороги посредине улицы не зарастала травой. Но зато какая была на дороге мягкая жирная тёплая пыль! Зашли к бабе Фросе, жене деда Гаври. Я помню её в полном здравии чистоплотной пожилой женщиной... А теперь... О бедная, бедная старость. Какой же это был крепкий дом! А теперь — заброшенность, запустение.

Посмотрев на родные дома, мы пошли с тётей Леной на кладбище, теперь уже к родным могилам. Погода стояла пасмурная. По небу неслись мутные серые рваные облака и почти не открывали солнце. Дул сильный ветер и пригибал к земле высокую кладбищенскую траву. Обошли с тётей Леной все наши могилки Поповых и Коровиных. Помянули». В Володаровке встретились с тётей Марусей, Таней, дядей Ваней. Грустно было уезжать из Володаровки. Надолго или навсегда я уезжала? Вот и скрылись Аиртавские сопки... Малая Родина моих родителей. <...>

И ещё с Александрой Степановной были на могиле отца. <...> Вот и знакомое красивое лицо смотрит с голубого плитняка. Могила отца. Смогу ли я ещё побывать здесь? <...>

А ещё... Давно я мечтала побывать в Раздольном. И побывала... Ехала и сердце ёкало... Знакомые пейзажи! Две тётеньки-попутчицы внимательно смотрели на меня... Чуть меня не вспомнили. Отца знали, знали, что умер. Как и мечтала, походила по парку. И вроде то... и не то... Много времени прошло. О Господи, — почти 30 лет! Наверное, вымерзли яблони, и теперь на месте яблоневого сада — тянь-шаньский пейзаж: камни (привезли!), молоденькие голубенькие елки. К сожалению, они, наверное, не вырастут здесь большими. Сухо. <...> Пошла по Раздольному. Всё узнаваемо. С трудом нашла наш дом. У нас был просторный открытый двор, а теперь нагромождено, построены безобразные клетушки. Только наша лестница к чердаку приставлена, всё та же старушка». Это та самая лестница, по которой в детстве мы поднимались на чердак в «наш домик».

«И вот я снова в Томске. Вышла на полставки на работу. Чуть ли не полтора месяца занималась заготовками. Работа — дети — уроки — заготовки и т. д.»

В 1993 году Наташа с Лёшей решили поменять свою благоустроенную, но небольшую квартиру на частный дом с большим участком и с перспективой строительства дома на улице Лесной.

«Теперь у нас от забот пухнут мозги! Дрова, вода, баня, утепление дома. Алёша весь в заботах о новом и старом домах: дрова, гараж, лес, цемент и т. д.» Остро не хватает денег «даже на нормальное питание. Ребятишки худовато одеты. Можно поправить положение шитьём, но не хватает времени». А у кого они были, деньги, в 90-е годы? Только к концу кое-кто, совсем немногие из нашего окружения выбились из нищеты. Многим пришлось искать заработки на стороне.

Некоторые из друзей пакуют чемоданы и уезжают. Подались в Калининградскую область Мальцаны. Уехали в Белоруссию Боруновы. Но всё-таки дружеский круг не распадается.

Голоса друзей: Валерий и Людмила Столяровы

Существовала традиция совместного проведения Нового года семьями Ситожевских, Сусловых, Мальцан и Столяровых. Дети были малы, хлопот по горло, но встречи запомнились всем. Заранее договаривались, кто что принесёт, как устроить праздник для детей, кто будет Дедом Морозом. Квартирка на Больничной была маленькая уже по тем временам, или нам так казалось, поскольку в неё набивалось больше дюжины человек, включая гостей и близких родственников Натальи и Алексея. Большая комната, где устраивался стол



Людмила и Валерий Столяровы

и стояла наряженная красавица ёлка, включала ещё и мини спортивный комплекс; кто-нибудь из детей постоянно висел на канате, кольцах или шведской стенке, грозя обрушиться вниз на проходящего мимо. Малая комната служила спальней с выдвигающимися кроватями, и там же детей укладывали спать на полу ночью, когда праздник заканчивался.

Наталья всегда была крайне изобретательной и старалась из скудного набора продуктов изготовить вкуснейшие, на наш взгляд, блюда. Чего стоили салаты из свеклы с различными добавками, которые даже дети уписывали за обе щеки, а её манты, поданные на стол незадолго до боя часов, вызывали желание поторопить оставшиеся минуты, чтобы не изойти слюною и не погибнуть от желудочных колик.

В тяжёлые 90-е, когда не хватало еды, мужчины семейств отправлялись в тайгу за клюквой, брусникой. Из ягод Наталья лучше всех готовила вкуснейшие витаминные напитки, которые без сомнения помогли выживать семье и сохранить здоровье детям.

После встречи Нового года, когда детей укладывали спать, как правило, Наталья отправлялась поздравить сослуживцев, собрав нехитрые подарки в сумочку. Благо, акушерское отделение больницы находилось рядом. Высокая ответственность по отношению к работе, коллегам, друзьям, родителям была одной из основных черт её характера.

Стремление докопаться до сути вещей, выяснить причину неудачи, разрешить проблему заставляло её просиживать часами в библиотеке, настаивать и получать консультации по больным и сложным клиническим случаям. Думаем, что Алексею об этом известно лучше, ибо с кем, как не с мужем, ей приходилось обсуждать эти вещи.

Уже в новом доме на улице Лесной Наталья одна из первых применила новые методики посадки овощей в огороде, обработки почвы, выращивания роз. Всегда, приходя в гости к Ситожевским, мы первым делом отправлялись рассматривать грядки и цветы, восхищаться увиденным и разузнавать у хозяйки о тайнах её огородного хозяйства.

Во время поездки на Бию в 1990 г. летом была сильная жара. Дача стояла на берегу реки, однако днём все старались спря-

таться в тенёк и не казать носа на солнце. Каково же было наше удивление, когда однажды после полудня мы выползли на летнюю кухню и увидели, что Наталья уже замесила тесто, раскатала его и приготовила начинку для вареников. Кажется, что она никогда не отдыхала. Вечер удался: дети вместе со взрослыми лепили вареники, шутили, дружно смеялись, сидели до поздней ночи со свечами. Воспоминания об этой поездке — одни из любимейших в нашей семье.

И вот впервые на страницах Наташиного дневника появляется слово «пенсия»: «Теперь буду работать без декретных отпусков до пенсии. Пришла мысль, что я уже половину времени проработала в ЦРБ — 14 лет. Осталось 16. Что я представляю из себя как специалист? Женщина, обременённая тремя детьми? Да так, ни плохой и ни хороший. Средненький».

Ей очень хочет взять хотя бы одного больного на курс иглорефлексотерапии, но никак не получается. «Нет времени», «не успеваю», «не могу», «у меня депрессия...». И тут же ободряющий окрик в свой адрес: «Слюнтяйка! Распустила сопли и слюни! Кто тебя гнал в этот дом!? А ну, вытри сопли, выше нос! Обливайся! Поворачивайся, не ной! Всё уныние идёт от хозяйки, от бабы. Даже в этом доме, в этом неустроенном быту ты должна обеспечить всем сносную жизнь. Всем: себе, детям. Иначе грош тебе цена как бабе».

Много пишет, конечно, о детях, их учёбе, проблемах, успехах и неудачах.

Три года, с 1993 по начало 1997, Наташа не делала записей в дневнике.

В 1997 году сестра закончила два курса по суджок. Ей запомнились семинары по суджок, который проводил профессор из Сеула, основатель этой практики Пак Чже Ву. Они произвели на Наташу огромное впечатление: «я бы хотела заниматься суджок-терапией остаток своей жизни. Даже вместо акушерства и гинекологии».

Потом еще перерыв на три года до 14.12. 2000.

«Вот дожили до третьего тысячелетия. Казалось, как далеко, как долго, какие мы уже будем старые, какие у нас будут большие дети!

Много воды утекло за три года, много чего случилось.

Сегодня мой старший сын, мой первенец ушёл в армию. Уехал автобусом в 18.10 до Предтеченска. Ромка покрестился перед армией — так он подготовился к армии. Моя семья ещё долго просуществует (хотя вся жизнь — миг и только миг), но уход в армию первенца — первая ласточка, сигнал, что цикл моей семьи двинулся к завершению. <...>

«Алёша — наш кормилец. Полгода, как оставил работу на кафедре: невозможно на трёх кафедрах. Молчит, но, по-моему, пытается делать докторскую диссертацию».

Наташа стоит перед выбором: оставить акушерство или всё бросить и заняться иглорефлексотерапией, су-джок, восточным массажем. Реализовать мечту юности. Такие радикальные перемены даются непросто. Из этих трёх лет особенно тяжёлым, судя по записям Наташи, был 1999 год. Неприятности на работе: конфликты внутри коллектива, нестроения. В гинекологии умерла женщина после миниаборта, погибло два сотрудника ЦРБ. Обокрали дом, Рома бросил университет, Петя своим «делом» вверг родителей в отчаяние. «Вот такой тяжёлый год подходит к концу». Но вместе с тем налаживается быт, идёт своим ходом строительство усадьбы.

Запись за 2001 год касается только встречи Нового года и учёбы Петра.

И следующая запись датируется 17 марта 2007 года. Это последняя запись, сделанная Наташей в дневнике. Она вспоминает и перечисляет главные события, прошедшие со времени последней записи.

«С 2001 года прошла целая эпоха в жизни семьи.

23 августа 2005 года Петя попал в лавину, остался жив, оперировали коленку.

10 июля 2006 года умерла Таня от рака печени.

2 апреля забрала маму к себе. С 17 октября мама лежит, не хочет подниматься, апатия — хочет умереть. <...>

А Алёша пашет, кормит семью, строит дом». Сестра вновь переживает, что Лёше пришлось оставить любимую науку, работу на кафедре. Я не думаю, что работа на заводе Лёше не интересна. Ведь у него, кроме всех прочих талантов — учёного, фотографа, строителя, художника, — есть и талант хозяйственника, который он реализовал как в семейном домостроительстве, так и на работе. Спора нет, ради благополучия семьи Алексей пожертвовал своей научной карьерой. И это высокая жертва.

Ну и дальше новости про Аню и Рому. Наташа подводит промежуточные итоги жизни своих детей. Она анализирует их ха-

рактеры, достижения и промахи. Заканчивая эту тему, подытоживает: «А может, цыплят по осени считают? Для нас осень — перед смертью? При подведении последней черты?»

«Ещё одно большое дело — мы построили дом, заканчиваем отделку». Наташа восстанавливает по годам всю историю создания дома. Пока он строился, жили и в палатке (летом), и в бане, и на квартире. Дом вышел на славу, большой двухуровневый с замечательной отделкой.



Наташа в своем цветнике
с Таней Поповой

Вспоминает о Тане: «30 апреля (2005) Таня мне позвонила, не сдержалась, заплакала: «На УЗИ у меня нашли очаговые множественные изменения печени...» Новый 2006 год встречали мы с Алёшей у Поповых. Танюша — умница, как держалась! Уже слабенькая, тонюсенькая, с отёкшими ногами... И улыбалась... Хотя уже обо всём знала».

Невольно сравниваю уход Татьяны и папы. Насколько это правильно и мудро сообщать людям последнюю правду. Таня знала о болезни всё, с самого начала. Папа так и не узнал о подлинном диагнозе. Татьяна удивляла мужеством, просветлённым согласием с судьбой, хотя она была гораздо моложе папы и оставляла двух малолетних сыновей. И вспоминаю горестное недоумение, обиду отца: почему его оставили, не лечат, хотя ему всё хуже и хуже день ото дня. Но я не услышала от него ни одного стога, ни одной жалобы.

Люди знают, что они смертны. Душа способна мобилизовать силы и мужество, чтобы бесстрашно стоять у последней черты.

В эти годы Лёша с Наташей и Аней ездили путешествовать на Байкал и в Восточные Саяны на Шумак, куда их приглашала Оля Володарская. Первая поездка состоялась в августе 2007 года.

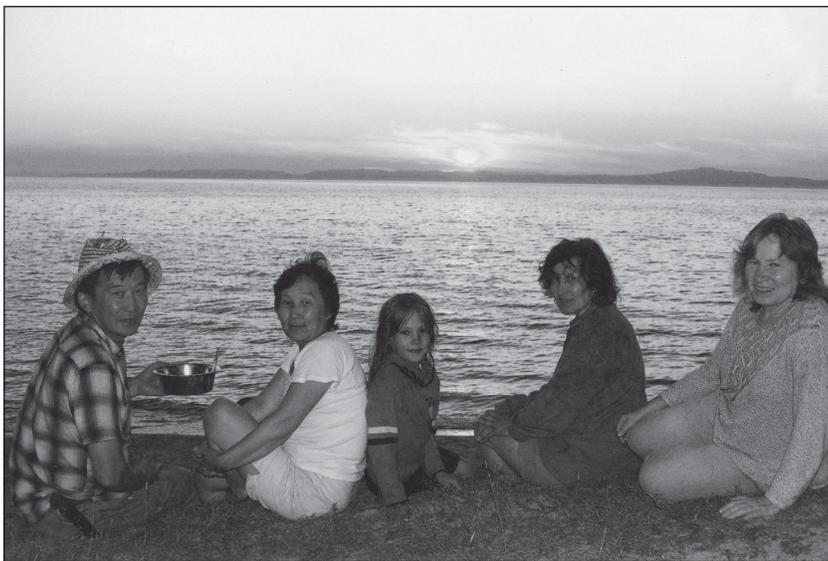
Голоса друзей. Оля Володарская

В нашей компании, кроме Ситожевских, были я с дочкой Сашей, 8-ми лет, мои друзья — чета Будаевых, Дулжит и Батор. Все прошло замечательно. Нас отвезли на катере на почти необитаемый остров, где мы жили 3—4 дня; наслаждались отдыхом, красотами Байкала, много купались, ели уху из рыбы, которую ловили наши мужчины. Душой компании был Батор Будаев, хороший рассказчик и гитарист. И мы с большим удовольствием каждый вечер распевали песни под гитару, вспоминая наши счастливые студенческие годы. Наташа нигде ни отставала от мужа. Пока основная часть группы, как пингины, грела свои тела на солнышке, Лёша с Натальей

исследовали прилегающую территорию. Я наблюдала в наших поездках, как много общего у Наташи с мужем Лёшей. С одной стороны, оба хозяйственные, и в то же время щедрые и добрые; оба немногословные, естественные в своем поведении, без какой-либо игры; оба надежные и честные, тщательные во всех своих делах, верные своей семье и друзьям. У Лёши и Наташи были общие увлечения: походы, путешествия и занятие фотографией. Когда-то именно фотосъемки соединили их в пару.

Последнее общение с Наташей состоялось летом 2008 года. Это был поход в Саяны, на Шумак. Шумак — дикий местный курорт в горах, где насчитывается 120 лечебных источников, есть лечебные грязи. Стоят избы, срубы в лесу, где сделаны деревянные полаты. Перед избой — стол под навесом. Красота вокруг: голубые ели, скальные участки, живительные источники; много разной ягоды, и в том числе земляники.

Три дня мы наслаждались отдыхом, пили лечебные воды из разных источников, мазались, как поросята, грязью. Названия источников были написаны на камнях: «от желудка», «для сердца», «от женского недомогания» и другие. Получив



Батор и Дулжит Будаевы, Оля Володарская с дочкой Сашей и Наташа на Байкале

информацию от бывалых людей, мы все исправно пили водичку из разных источников, тем самым «профилактируя» болезни. Оказывается, у Наташи была проблема с коленом, о которой она не говорила; проблема напомнила о себе на обратном пути. Несмотря на это Наташа категорически отказалась ехать на лошади. В этом была её суть: она не любила быть слабой и всегда предпочитала быть полезной людям, друзьям, не демонстрируя свои поступки окружающим. Во время нашего похода мы встретили 16 групп туристов из разных городов и стран. Кто-то шел полюбоваться красотами, испытать свои возможности, а кто-то поправить свое здоровье. Мы услышали много хороших отзывов людей об эффективности шумакских источников и грязей.

Третий поход в Восточные Саяны семья Ситожевских планировала совершить на следующее лето, в 2009 году ... Но случилось непоправимое...

Весть о гибели Наташи не укладывалась в голове. Позвонил Петя. Слез не было. Комок в горле держался долго. Недели две как будто по ночам слышала её голос. (Наверное, на самом деле душа летает до 40 дней.) Как будто просила помочь её семье. Я поняла, что помощь нужна дочке Ане, она тогда окончила второй курс мединститута. На следующий год Аня приезжала ко мне в Улан-Удэ проходить медсестринскую практику.

В конце июля 2009 года я отдыхала на Байкале. Случилось общаться с известной шаманкой С., и я ей задала вопрос: как могла случиться такая трагедия с моей подругой? Она посмотрела на солнце и сказала: «Вижу дом у дороги, цифру 7. Погибла от кровотечения. Она закончила свой жизненный цикл. Она всё сделала».

Да, Наташа много успела в своей жизни: родить и воспитать троих детей, создать хорошую семью, быть врачом-профессионалом. И всё она делала от души, с максимальной энергией, как в песне: «Любить так любить, летать так летать».

В 2008 случился поворот в Наташиной профессиональной карьере: она ушла из Тимирязевской районной больницы, в ко-



Наташа с коллегами в роддоме им. Семашко.
2008 г.

торой проработала почти тридцать лет.

Со слов Алексея, причина этого — трения с руководством. Сестра устроилась на новую работу в городской роддом им. Семашко.

В Семашко Наташе нравилось работать, и коллектив оценил ответственность, доброту и безотказность нового сотрудника. Она много

оперировала. Были и опасные ситуации. Во время операции пациентки, которая была носителем гепатита С, сестра порезала палец, заразилась, тоже стала носителем этого опасного вируса. В 2009 году оперировала ВИЧ-инфицированную беременную женщину. Одеда противочумный костюм, кольчужные перчатки, сверху плексиглазовую маску. Костюм затруднял движения, которые должны быть точными и выверенными, глаза заливало потом. Анастезиолог на время операции вышел.

Когда я приехала в Тимирязево, откуда мы собирались ехать в Казахстан, у Ситожевских гостила Люся Задирако. Наташа в этот день была на дежурстве в роддоме. Мы с Люсей пошли к ней в роддом. Она вышла к нам оживлённая, моложавая, в нежно-бирюзовом фирменном костюме, который ей очень шёл. Из-под колпачка выбивались черные кудри. «Какая вы красивая, доктор Наталья Ситожевская», — подумала я, но вслух ей не сказала. Теперь жалею. На Людмилу Наташа произвела точно такое же впечатление.

Голоса друзей: Людмила Худовекова (Задирако)

Прошлое в течение жизни оценивается нами с разных углов зрения и не раз, нами самими, знакомыми, родными, посторонними людьми по нашим действиям, результатам. Каждому приходится проходить школу жизни. И то, как Ситожевские неспешно, целенаправленно, упорно, деятельно, разнообразно, мудро, ответственно, позитивно её проходили, их заслуга. В этом заслуга и их родителей, и их предков, и их родни. Системный, аналитический склад ума отца Натальи (Леонида Попова) дал свои результаты в жизни детей. Целенаправленность, собранность, результативность — отличительные их особенности. Умение достойно выходить из трудных, казалось порой, неразрешимых ситуаций. И результат у них есть весьма приличный. Крепкая дружная семья, уважительное, заботливое отношение друг к другу, к тяжелобольной, неходячей несколько лет маме (бабушке), отличный уютный современный функциональный дом у леса, баня, ухоженный огород.

Их семье также достались экономические и социальные передряги нашего государства. Лёше пришлось поменять любимую работу на другую, приносящую хоть какой-то доход. Последний раз я виделась и гостила у Наташи и Лёши Ситожевских в июне 2009 г., когда приезжала в Томск на 30-летие окончания института, на встречу с сокурсниками. Дозвонилась и встретилась с ними лишь на 4-й день по приезду после официальных и торжественных встреч в вузе и на Оби, т. к. мой телефонно-адресный блокнот устарел. Благодарю судьбу и одногруппника Витю Дорошенко, который помог мне найти Ситожевских и привёз к Наташе. С Верой мы пошли к ней на работу. Увидела её в полусумрачном коридоре роддо-



Людмила Задирако в гостях у Наташи и Алексея. Тимирязево. 2 июля 2009 г.

ма. Издали сначала не узнала: постройневшая, с пышными вьющимися каштаново-медными волосами, с красивой причёской, в элегантном брючном костюме. Она превратилась в прекрасного лебедя! Уроки Симы Чойнзоновой не прошли даром! Мы закружились с ней в захлестнувшей нас волне эмоций. Три последующих дня, проведенных в Тимирязево в их доме, были для меня сказкой. Я отдыхала у них душой и радовалась за них.

70-ые годы и последняя встреча грели и согревают моё сердце и сейчас.

Уже когда версталась книга, несколько нежнейших строчек о Наташе прислал из Москвы Борис Городецкий. Одно время он был руководителем клуба «Альтус».

Голоса друзей: Борис Городецкий

«Годы сглаживают остроту событий и воспоминаний. Что остается? Чувства или ощущения. Заглядываю в себя. Наташа Попова... это ощущение безграничного тепла и мягкого света... (на моем лице улыбка). Она всегда светилась и улыбалась. Она старалась укрыть крыльями своей заботы всех, кто шел рядом с ней по жизни... Вот, что такое в моей памяти Наташа Попова-Ситожевская...»



15 мая 2019 В эту ночь произошла долгожданная встреча с Наташей.

Молодёжная компания, оживлённая и приятная. Может, это туристы, все как-то очень заинтересованы друг в друге. Я никого конкретно не знаю, но всё мне мило в этом сообществе. Комната наполнена юными людьми, и я молода. Компания разделена длинным столом, который стоит в центре комнаты. За ним ни-

кто не сидит, стол пуст. Заходит молодая девушка. Через толпу видна только часть её лица. Я вижу что-то клетчатое в её одежде: платок или шарф (чёрно-белая мелкая клетка). С ней оживлённо разговаривают, ей рады. Всматриваюсь в лицо девушки, у неё не внешность Наташи. Но вдруг понимаю, что это Наташа! Мы разделены столом. Я смотрю на неё напряженно и жду, пока она взглянет на меня. И, как только наши взгляды встретились, произошла вспышка: мы узнали друг друга и ринулись навстречу, огибая длинный стол и прорываясь сквозь толпу. Мы просто сшиблись в объятиях, упали обе на колени и разрыдались. Для нас теперь никого вокруг не существовало. Она и я плакали, но это были слёзы радости и обретения.

Потом я проснулась.

Мы все, близкие Наташи: муж, дети, родные и друзья — преодолели своё горе, и поняли, что лучшим лекарством является претворение его в вечную и светлую память. Поэтому появилась эта книга.

Рассеивая тьму, через Вселенную летит Дом. Его крыша — снежная шапка Арктики. Из трубы, свиваясь с Млечной дорогой, тянется звёздная пыль. Луна и солнце примостились по обе стороны крыши. Веселым светом горят окошки на африканском и американском континентах. Открытая дверь загородила очертания Австралии. На крыльчке сидят две сестры. Старшая держит на руках младенца. Рядом свернулась клубочком кошка. Пёс лежит у крыльца на белоснежном ковре Антарктиды. Из дома льётся золотой свет. В проёме двери виден стоящий в центре стол, за которым сидят мать и отец. Их разговор не слышен детям. Младенец треплет ладошкой чёрную прядь волос старшей. Сёстры пылливо всматриваются в пролетающие мимо звёзды и планеты.

— Ведь звёзды никогда не погаснут?

— Не погаснут. Даже если какая-нибудь звезда погаснет, вместо неё появится новая.

— И она ничего не будет знать про угасшую звезду?

— Наверное, нет. Только люди знают про то, что было раньше.

— Такие огромные звёзды — и не знают, такие маленькие люди — и знают.

— Звёздам это не нужно.

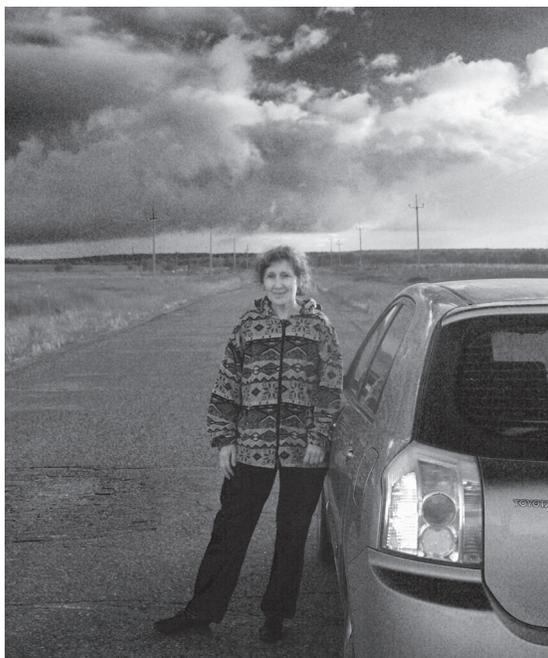
— А людям?

— А людям очень нужно.

— Зачем?

Старшая сестра задумывается.

— Должен ведь кто-то помнить и про звёзды, и про людей, и про то, что было давным-давно и недавно, чтобы... чтобы ничего не исчезало.



Последнее фото Натальи

Дорогие читатели!

Эта книга — плод памяти и любви к прекрасному человеку, другу, жене, матери, сестре Наталье Ситожевской, безвременно ушедшей от нас двенадцать лет назад.

Книга создана исключительно на пожертвования тех, кому дороги свидетельства о Наташе. Сердечно признательна всем, кто написал свои воспоминания о ней. Их можно прочесть в книге. Огромное спасибо за помощь в подборе видеоизображений. Безотказно и мгновенно откликнулась на мои просьбы Людмила Смирнова. Валерий Розбицкий, Ольга Володарская, Виктор Коротченко, Нина Иванникова присылали мне недостающие фотографии. Редкие материалы в виде студенческих рисунков Натальи и газетной публикации предоставила Карабатова Людмила. И конечно, большую часть фотоматериалов для книги подобрал и оцифровал Алексей Ситожевский.

Андрей Правда курировал печать на всех этапах.

Я хочу с огромной благодарностью перечислить всех донаторов; их пожертвования покрыли полностью расходы на дпечатную подготовку, печать и предстоящие рассылку и распространение книги.

Буржинская (Лаврова) Наталья
Володарская Ольга
Демиденко Людмила Андреевна.
Задирако (Худовекова) Людмила
Зуева (Дормидонтова) Татьяна
Иванникова (Марченко) Нина

Карабатова (Хамидулина) Людмила
Киселёвы Наталья и Валерий
Княжева Галина
Коротченко Алексей Романович
Коротченко Виктор
Латынцева Галина
Маромыгина (Мокина) Ирина
Поповы Андрей и Любовь
Поповы Владимир и Инна
Правда Леонид
Работнова Людмила
Радостева Наталья
Розбицкий Валерий
Ситожевская Наталья Викториневна
Ситожевский Алексей
Смирнова Людмила
Столяровы Валерий и Людмила
Цыренова (Аюшеева) Ирина
Чирьевы Нина и Дмитрий
Якубовский Валерий

Содержание

Женский «пэнский» день	5
Переезд из детства	24
«Я мало думала о себе»	39
«Мой исповедник»	50
В своей стихии	76
Мы едем-едем... ..	98
Воюем с печкой	122
«Я — жена»	130
Был свет	145
Почему	156
Чем будем оплачивать счастье?	163
Последний дневник	172
Обращение к читателям	197

Вера Лаврина

Сестра

Макет, верстка — Сергей Скобликов

Корректор — Наталья Скобликова

Формат 60×90/16. Усл. п. л. 12,5. Авт. л. 7,1.

Печать офсетная. Бумага мелованная.

Подписано в печать 20.10.2021. Тираж 200 экз.